

18+

ДМИТРИЧЕВ НИКИТА

Хроники Транквила
ПОРАБОЩЕНИЕ

Никита Дмитричев

Хроники Транквила: Порабощение

«Издательские решения»

Дмитричев Н.

Хроники Транквила: Порабощение / Н. Дмитричев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516629-6

Первая часть цикла «Хроники Транквила» рассказывает о поиске свободы. Её ищут и находят в разных ипостасях: кто-то желает сбежать от своего долга, кто-то — наоборот, исполнить его. Одни пытаются избежать наказания, а другие же хотят остаться героями. Иные стремятся к спокойной жизни. Персонажи сталкиваются с различными испытаниями, раскрывая тайны и справляясь с трудностями на своём пути. Сюжет затрагивает темы дружбы, предательства и власти, а также исследует сложные моральные дилеммы.

ISBN 978-5-00-516629-6

© Дмитричев Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Легенда о Первых людях	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РЭГЕМ	8
Глава I. Вирус контроля	8
Глава II. Стечение обстоятельств	16
Глава III. Последний	20
Глава IV. Не тот, кем кажется	28
Глава V. Диалог с собой	35
Глава VI. Образец №4	47
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДИВУС	52
Глава VII. Спасение	52
Глава VIII. Сделка	58
Глава IX. Многообещающий союз	67
Глава X. Посольство	75
Глава XI. Чёрный рынок	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Хроники Транквила: Порабощение

Никита Дмитричев

© Никита Дмитричев, 2024

ISBN 978-5-0051-6629-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Легенда о Первых людях

Старик Като, духовник самого царя, зашёл в класс. На него сразу устремился целый десяток детских любопытных глаз. Это был для них первый урок богословия, на котором их знакомили с основами веры. Конечно, для таких чистокровных отпрысков, что сидели здесь, мало что из этого станет открытием, ведь их почётные родители желали с самого рождения привить им любовь к устоям своего народа.

Священник тяжело вздохнул. Ему предстояло поведать им историю, которую он десятки раз слушал сам и ещё больше рассказывал другим. Он окинул их задумчивым и отстранённым взглядом и без лишних отступлений заговорил:

– Многие сотни лет назад на жаркой и недоброй планете, которую ныне не сыскать на небосводе, жили Тёмные боги. Никто уже не вспомнит их имён, да и не надо это. И сколь жестоки они были, столь же были они и умны, и развиты. Народ своей планеты они держали в страхе и железных оковах, стали верующие безвольными их рабами. И так тяжела была жизнь несчастных, что спустя долгие поколения страдание в их сердцах выросло в нечто большее – в жажду свободы. И тогда две великие сотни, которые в дальнейшем и станут Первыми людьми, бежали от спящих Тёмных богов, украв при этом частицу их волшебной мудрости. Долгие годы скитались они по холодному космосу, нигде их не ждали, но вот и великим страдальцам было суждено обрести счастье. Поистине чудесные земли нашли они: не были они заняты ни злыми народами, ни чудовищными тварями. Даже всеильные и жестокие боги, давно покинув эти места, не имели тут никакой власти. И тогда Первые люди, используя знания своих бывших злых господ, сами стали богами для самих себя. И с тех пор расселились семьи те по земле и закрепились здесь до скончания дней, а когда пришло время, ушли в землю навеки, дав жизнь своим детям, а те – своим детям. Сын царя становился царём, сын воина – воином, а сын крестьянина – крестьянином. Первые люди давно покинули этот мир, но мы всё так же почитаем их как спасителей и героев нашего народа. Они рисковали своими жизнями для того, чтобы их потомки не знали ужасов рабства и наслаждались свободой их душ.

Наступила тишина. Дети потуплено смотрели то в пол, то друг на друга. Наконец один из них, немного стеснясь собственного вопроса, заговорил:

– Учитель, а эта легенда... она правдива? Всё правда так и было?

– Конечно, Нелус, – мужчина даже немного рассмеялся, – эта история передаётся из поколения в поколение в Великом храме Двух сотен.

Этот ответ тут же породил новый вопрос другого мальчика:

– Мастер Като, а мой папа говорил мне, что таких зданий, как Великий храм, больше нигде в мире не сыскать!

– И это тоже так, юноша. Тебя зовут Лукреций, да? Твой отец абсолютно прав. Одной из технологий Тёмных богов, которую забрали наши славные предки, был корабль для космических перелётов «Ковчег», единственный и неповторимый.

По комнате пронесли шепотки восхищения. Многие верили в то, что Первые люди умели летать в далёком космосе, но никак не знали, что это было правдой, не сказкой, а настоящей историей!

– Корпус корабля, – продолжал он, – и стал зданием храма, где и поныне живут монахи и молятся паломники. А стоит он в том же самом месте, где однажды приземлился на эту планету и где первый из Первых ступил на обетованную землю.

После этого на всезнающего Като посыпались разные детские вопросы вроде «а правда ли что у Них были змеиные языки?» или «могут ли Их дети считаться полубогами и так же входить в пантеон?». Но один вопрос, а точнее ребёнок, задавший его, заставил рассказчика выпря-

миться и в то же время склонить голову, насколько это вообще было возможно сделать, сидя за письменным столом:

– Мастер, а можно ли верить в то, что все Первые жили по несколько сотен лет? Отец рассказывал мне об этом, но это так странно.

Като удивился. Нечасто ему приходилось объяснять такие тонкости религии на первом же занятии. Однако и спросивший это был человеком крайне уникальным – к нему обратился сам принц.

Неужели правитель так рано стал нагружать своего отпрыска подобными весьма сложными для детского понимания деталями? По мнению духовника, это было лишним. Но никто не знает, какие из знаний могут пригодиться на практике будущему правителю.

Было необходимо что-то ответить ему, не особо вникая в подробности. Официальная Церковь не любила, когда побег Двухсот показывали в житейском, приземлённом виде. Однако, у Като было своё видение преподавания, отчего он отвечал детям на их вопросы так, как есть.

– Конечно, это правда, Адриан, – к царской особе по поручению отца обращались по имени, как и ко всем остальным ученикам, – наши великие предки и правда жили долгие и долгие годы, которые мы сейчас и представить себе не можем. Разумеется, это доказывает их божественность, но и у этого факта есть своё объяснение. Всё дело в том, что Тёмные боги, желая максимально эффективно использовать труд своих пленённых, своими ужасными манипуляциями над новорождёнными продлевали им жизни на немыслимые для нашего восприятия промежутки. Детство и старость проходили обычно, но вот зрелость, самый стойкий и трудоспособный возраст, они растягивали на всё остальное время.

– А почему тогда мы живём так недолго?

– Над Их потомками более никто так не издевался, каждый жил столько, сколько ему уготовано, равно как и мы теперь. Секрет продления жизни остался секретом, и это благая потеря. Никто не должен властвовать над такими вещами.

После его рассказа, который впечатлил даже больше, чем сама легенда, была долгая тишина. Дети переваривали услышанное и пытались найти этому место в своём мировоззрении.

Като и сам пожалел, что вот так, на первом же занятии, вывалил на бедных ребят этот тяжёлый груз, но, раз спросил сам великий наследник, нельзя было не ответить, а подслащать их фантазии общепринятыми сказками он не хотел из принципа. Возможно, если потом эта беседа выйдет за рамки урока и попадёт в залы Храма, ему это аукнется, но он не особо переживал за своё место, если это шло вразрез с его моральными устоями. Он не любил замалчивать небогоугодные темы, отчего и был уважаем многими за свою честность и прямолинейность.

Ответ полностью устроил Адриана, он узнал то, что хотел. Однако, это был лишь один из сотен аспектов, которые он должен был уточнить.

Дальнейшая беседа мужчины и десятерых юношей проходила оживлённо и информативно – как это и было всегда на первых занятиях по богословию.

До этого пять-шесть лет дети воспитываются в своих семьях и узнают лишь ту информацию, которая вперемешку со слухами, сплетнями и домыслами сохранилась в их роду. А теперь, оказавшись в новом для них мире, среди сверстников из других фамилий, ученики каждый день открывают для себя что-то новое.

Принц и все здесь находящиеся дети дворян получали самое престижное образование. Прочие предметы им преподавали видные лица духовного мира: викарии, старшие жрецы и прочие почётные служители. Мало кто даже в столице мог похвастать такой обширностью дисциплин и их углублённости.

Под полным руководством прямых потомков первого из правителей картардский народ целенаправленно шёл своим курсом вперёд, никогда не забывая своего великого прошлого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РЭГЕМ

Глава I. Вирус контроля

К нынешнему времени Ховерстад больше не был маленьким поселением удачливых беглецов, сквозь поколения он вырос в крупнейший и красивейший город материка. Росли территории, появлялись новые города и подконтрольные земли. Никто не заметил, как уютный город стал величайшим царством под названием Картрад.

Прошли эпохи войн и бунтов, и страна узнала век спокойствия. Всё своё благополучие люди ассоциировали с одним прекрасным человеком – царём Галактионом Вторым Рэгемом. Ещё молодой царь уже окрепшего государства только проводил своего младшего ребёнка в царскую школу и сразу направился обратно во дворец.

Дорога была короткой – исторический центр Ховерстада по площади был в несколько кварталов во все стороны и насчитывал совсем малое количество зданий, связанных большим рынком вокруг главной святыни – Великого храма.

С самого начала своего правления монарх формировал вокруг себя довольно притягательный и родной образ, и хотя этому слегка мешала его достаточно властная и грозная внешность – тёмные глаза и длинные чёрные волосы – он всё же старался быть отцом каждому своему подданному.

Немного размотав свой запутавшийся плащ, скрывающий от плеч почти всю левую часть корпуса, он решил подойти к первому попавшемуся человеку и заговорить с ним. Такие беседы не всегда доставляли ему удовольствие, но поддерживать связь с народом ему было необходимо. Кто знает, может однажды его доброжелательность будет воспета каким-нибудь безымянным бардом в глухой деревушке.

– Приветствую тебя, работяга. Я Галактион, ваш царь.

Мужичок остолбенел и сразу стал думать, не сделал ли он за последнее время что-то дурное. Немного побегав глазами от государя к его внушительной охране и потерев в руках свой головной убор, который он снял, только завидев приближавшегося сюда владыку, он тихонько пробормотал:

– Славится ваше имя, государь, – ответил он, не думая, что у разговора будет продолжение.

– Как твоя жизнь? Всем ли ты доволен? – эти вопросы он часто задавал простолюдинам, чтобы понять, так ли хороша их жизнь, как об этом ему обычно докладывают.

– Грех жаловаться. Спасибо, что спросили. Я каменщик, укладываю дороги. Благодарю вас, в последнее время что ни день, то новая дорога, так и кормлюсь. На жизнь, хвала Двумстам, хватает, а что ещё-то может быть нужно? Вот пойдёт тётушка на рынок по моей дороге: ни трещинки, ни кочки – и помянет меня добрым словом.

За всё время разговора, если это вообще можно было так назвать, глаза собеседников ни разу не встретились, так как безымянный мужичок то и делал, что смотрел на результат своей работы, моля богов о том, чтобы царь дошёл до замка, не споткнувшись.

– Я рад, что ты рад, муж. Мне и правда приятно слышать, что ты нашёл себя в столице и твоё ремесло даёт тебе доход, на который ты содержишь свою прекрасную семью.

Старик покривил губой, но ничего не сказал, слегка стиснув зубы, и топорно поклонился уже уходящему царю, ведь тот не знал да и, наверное, вовсе не помнил о пожаре, который несколько лет назад унёс из жизни семью этого человека, отчего он так упорно и принялся за работу с камнем – уж он-то не сгорит.

Эта и многие другие истории никогда не дойдут до царских ушей, и дело тут даже было не всегда в страхе перед правителем. Наоборот, многие из тех, кто встречал его, считали грубым тоном плакаться о своих ничтожных проблемах тому, кто всю свою жизнь посвящает благополучию целого Картрада.

Галактиона же ответ мужчины не порадовал. Он не мог понять, почему никто не желал для себя лучшей жизни. Почему, допустим, этот каменщик не взял бы себе в помощь ещё несколько человек и не основал небольшую гильдию, чтобы справляться с большими и хорошо оплачиваемыми заказами? Но ответ был до смешного прост – такие мысли могли прийти в голову только предприимчивому и рациональному царю, а не тому, для кого жизнь не впроголодь – уже успех.

Галактион отправился дальше по так называемой «рэгемской тропе» – дороге, на которой чаще всего простой люд мог встретить кого-то из династии. Оно и понятно: именно через это место лежал путь в царскую школу, куда царь, отпустив на отдых раз в неделю всех няnek и воспитателей, самостоятельно отводил своего любимого сына Адриана, чего до него не позволял себе ни один правящий монарх. Но именно такие ненавязчивые и короткие прогулки позволяли ему и его ребёнку видеть народ таким, какой он есть в своей сути, без страха и отстранённости, которые обычно бывают на приемах в тронном зале или на принятии жалоб Советом.

Вот, к примеру, добрая хозяйка перебирает овощи на прилавке, пытаясь выбрать самые свежие. И делает она это так тщательно и самозабвенно, что не замечает, как вокруг неё шагает какой-то там царь. Для неё сейчас главное – найти морковку получше, чтобы сегоднешний суп её мужу и дочери пришёлся по вкусу. И её можно было понять, и Галактион понимал, ведь и для него семья всегда была на первом месте. Правда, семьёй этой была вся страна, весь Картрад, и ему было суждено стать для своих детей лучшим отцом.

Что же до его буквальной семьи, то здесь он был жертвой не очень приятных картрадских традиций. Согласно им, царская власть могла передаваться исключительно по мужской нисходящей линии, а женщины были необходимы лишь до достижения здоровым сыном одного года, на случай, если что-то опасное возьмёт его ещё в колыбели. После года младенец, считалось, уже не мог пострадать от неизлечимых болезней грудничков и потому становился потенциальным и единственным наследником на престол.

Жёны же и дочери, если таковые имелись, пожизненно отправлялись в Великий храм Двухсот и отрекались от своего прошлого и каких-либо притязаний на трон. Делалось это не в силу какого-то дикого, патриархального отношения к женщинам, а просто для исключения братоубийственных войн за престол.

Такая судьба не обошла стороной и Галактиона. Прожив долгие и полные приятных ощущений шесть лет со своей женой Дианой и пять из них с любимой дочкой Агатой, которая, к слову, души не чаяла в своём младшем братике, ему пришлось с ними расстаться, навсегда отправив их служить богам.

Конечно, на словах это звучит довольно фатально, будто бы их пути больше никогда не пересекались, однако же на деле мать и дочь перешли почти буквально на другую сторону площади и оказались там, куда шли. Да и несколько раз в месяц довольно верующий царь приходил в божью обитель на службы или проповеди верховного жреца, где периодически виделся со своей роднёй.

Но как бы то ни было, больше детские ножки бойкой Агаты не бегали по каменным полам замка, а суровая Диана не отчитывала няnek за то, что те отправились с Адрианом на прогулку до кормления. Светская жизнь до скончания дней стала для них тем, чего у них никогда уже не будет. Возможно, такое решение предков было жёстким по отношению к царицам и принцессам, но, кто знает, вдруг когда-то в прошлом это спасло Рэгемов от переворота.

Проходя по площади, Галактион посмотрел на чудаковатой, в сравнении с остальными зданиями, формы Храма и по-юношески улыбнулся: «Интересно, чем она сейчас занята?»

Молится ли, отдыхает, зажигает благовония?». Вдруг на него нахлынул порыв детской игривости, он захотел, как раньше это бывало, пробраться ночью к её окошку на соседней улице, дожидаться, пока её ворчливый отец заснёт, и пытаться как можно тише кричать её имя в створки, чтобы она высунулась и, мило улыбувшись и погладив себя по щеке, назвала его влюблённым дураком...

Однако каким бы сентиментальным ни было это утро, день царя предназначался для дел более серьёзных и ответственных. Только зайдя в замок и поднявшись в свой кабинет, он сразу, не отдохнув и не пообедав, принялся изучать бумаги на своём столе, что ежедневно наносили ему советники.

В этот раз стопка была внушительнее обычного, будто среди чиновников было соревнование, кто больше всего нагрузит работой Галактиона. Пока что в неформальном противостоянии побеждал Карниф Юдус, советник Короны по судебным делам, который присылал на подпись особо важные приговоры. Сегодня их было целых четыре – два за разбой, один за кражу государственной собственности и один по делу о невозвращении долга. Царь обособанно доверял своему помощнику в деле вынесения наказаний и их заслуженности, и потому обычно без пререканий ставил на бумагах свою подпись, иногда читая суть дел только лишь из личного интереса, узнавая, на что нынче способны некоторые отчаянные.

В дни наподобие сегодняшнего властитель удивлялся, как люди успевают писать столько, сколько он читает каждый день. После таких завалов в бумагах он порой считал, что большинство его народа работает писцами.

Чтение и подписывание затянулось до вечера. Счета, прошения, челобитные, запросы и проекты, – всему этому не было конца. Измотанный Галактион хотел разобрать всё, не оставлять ничего на следующий день, потому что завтра на его столе будет лежать ещё такая же кипа бумаг.

Но тут дверь кабинета скрипнула, раздался слабый стук.

– Милорд, вы здесь? – через щель в двери сказал Тайный советник.

– Инфир, ты? Заходи. Что у тебя?

Старичок вошёл в зал. Физически он был слаб, но никто, кто знал его хоть немного, не посмел бы считать слабой и его волю.

Тайный советник имел важное место среди прочих, и на эту должность назначался человек, пользующийся исключительным доверием царя в обход утверждения главой Совета при Короне. Данный деятель занимался как внедрением в тайные диссидентские организации и сбором слухов, так и непосредственными действиями по нейтрализации нежелательных для короны персон. Некоторые государи ставили именно тайного советника Главным советником, так как доверенных лиц в некоторые правления бывало довольно мало.

Инфир вошёл в зал, распахнув дверь, поток воздуха от которой мгновенно потушил свечу на столе.

– Ну, спасибо. Поработал.

– Милорд, меня послали к вам напомнить...

– О чём?

– Как же? На сегодня было назначено заседание Совета.

Внутри царя будто что-то щёлкнуло, он вспомнил о том, что сам объявлял сбор именно в этот день.

– И вправду. Через сколько оно там?

– Простите, мы не хотели отвлекать вас от дел, но уже час как началось.

Галактион вскочил. От своих подчинённых он всегда требовал безукоризненной дисциплины и пунктуальности, и потому не мог допускать попустительств со своей стороны, подавая им дурной пример. Они вдвоём быстро собрались и отправились в другое крыло замка, где испокон веков находился зал Совета.

Войдя в круглое помещение, в центре которого стоял огромный стол, Галактион огляделся. Все советники уже были на местах и недоумевающе смотрели на вбежавшего запыхавшегося царя. Казалось, иногда он забывал, что является единоличным и абсолютным правителем, и поэтому позволял себе извиняться за опоздание на собственное собрание.

– Прошу прощения, заработался с вашими бумагами.

– Отдохните, сир, – позаботился о нём Фарид, глава Совета, – царство не загноётся, если один день вы посвятите только себе.

– Я ночами работаю над перечнем.

– Государственных должностей?

– Да. Это крайне важно и безотлагательно.

– Так позвольте нам написать проект этого закона.

– Ну нет! – поменялся в лице Галактион, – вы уже высказались по предложениям для него, этого достаточно.

Он не допускал мысли, что указ, в котором будет содержаться исчерпывающий список всех разрешённых профессий, которыми дозволено заниматься в Картраде, будет составлен горсткой влиятельных вельмож. Он крайне трепетно относился к исключительному праву царя на законотворчество и потому, как и все предшественники, не позволял советникам непосредственно составлять текст любого указа, пускай даже самого незначительного. Они обсуждали, он слушал их пожелания, но последнее слово всё равно оставлял за собой.

Если задуматься и копнуть в историю, то Совет, а как он тогда назвался, Круг, был создан из девяти знатных домов ещё при шестом из Рэгемов лишь для того, чтобы определиться, охоту на каких зверей считать ремеслом, а какую – забавой высшего сословия.

Теперь же статус этого законосовещательного органа значительно поменялся. Из кружка охотников он превратился в реально действующий главный государственный аппарат, включающий в себя управление всеми основными сферами картрадской жизни.

Из основополагающих отраслей выросли целые отделения. Конечно, самыми важными среди остальных, не считая главного и тайного, являлись советник по денежному делу, управляющий доходами и расходами государственной казны, по надзорному делу, выполняющий функции контроля за соблюдением законов на местах, и советники по судебному делу и по религиозным делам, которые делили между собой материальное и духовное благополучие горожан.

Сейчас, когда все войны закончились и на материке воцарился относительный мир, важность военного советника значительно понизилась, и потому он редко стал играть хоть сколько-то значительную роль на заседаниях.

Конечно, среди прочих здесь было и много второстепенных должностей: советники по продовольствию, мещанскому и дворянскому делу, по градостроительству и межплеменным отношениям, но самое особенное и, можно сказать, исключительное место среди всех здесь занимал советник по чудесным предметам.

Должность его была уникальна настолько, что в принципе не могла существовать ни в каком другом государстве. Дело в том, что все технологически продвинутые вещи, найденные на колониальном корабле «Ковчег», были внесены в подробный реестр, и их учёт вёлся постоянно.

Ладно, допустим, если пропадёт какой-нибудь ускоритель роста семян, которых у фермеров было больше тысячи, но пропажа одного лишь энергетического меча или части доспехов могла навсегда загубить карьеру этого советника. За любую пропажу или досрочное выведение из эксплуатации он отвечал головой. Поэтому на чёрном рынке можно было найти оружие, похищенное только при прошлых советниках, нынешний по презумпции считался «чистым».

Что не менее важно, в его ведении находился Главный исследовательский отдел, в котором изучались и улучшались все технологические «штучки». Каким-то непонятным и неизвестным для селян образом у исследователей иногда получалось даже изобретать что-то новое.

Вся остальная повестка собрания Совета была разобрана в штатном порядке, если не считать исключением то, что советницы по дворянскому и мещанскому делу Люция Атри и её дочь, Делия, снова поругались, споря, чьё сословие нуждается в новых льготах и повышенных жалованиях.

Наконец-то этот трудный и изматывающий день закончился. Нельзя было сказать, что до этого царю было просто, но его очень озаботило сегодняшнее опоздание на заседание, он понял, что достаточно переутомился, и решил воспользоваться советом своего помощника и в кои-то веки расслабиться.

Он приказал набрать себе большую ванну с тёплым молоком, что благоприятно сказывалось на его коже. Когда всё было готово, он с лёгкостью окунулся в белую пучину наслаждения.

Гармонии этому позднему вечеру добавляли музыканты, играющие за ширмами ненавязчивые и расслабляющие мелодии. Девушки жёсткими мочалками протирали царское тело и вели с ним заурядные беседы, чтобы он в неге удовольствия случайно не уснул прямо в этой большой деревянной бадье.

Он лежал и думал о том, как же прекрасно быть правителем. Да, это бесконечный труд, требующий всего времени и невероятных сил и упорства. Ты забываешь о себе и живёшь ради других. У тебя даже никогда не было выбора, никто не вставал перед тобой и не предлагал царствование. Если ты Рэгем, то ты будешь править. Однако, когда все невзгоды и трудности отпускают тебя на такие недолгие, но от того ещё более ценные моменты отдыха, ты понимаешь, что всё это делается не зря. Тебя знают, тебя любят, в твоё имя совершаются походы и стучат друг об друга кубки с вином.

Полёт приносящих удовольствие мыслей был жестоко сбит кем-то, усиленно тарабанившим в запертую дверь. Одна из служанок встала, вытерла молоко с рук и, прислушиваясь, подошла к двери.

– Господин Галактион занят и никого не принимает.

– Меня послали из Храма! Это срочно!

Галактион посмотрел на дверь и затем с разочарованием переглянулся с девушкой: «Ну, а как же иначе!». Пожав плечами, он вылез из ванной, самостоятельно вытерся и набросил на себя самую простую одежду. Дверь отперли.

Вошёл взволнованный монах. Можно даже сказать, что он был не взволнован, а трясся в панике, причём, вовсе не от ночной аудиенции.

– Что такого случилось в Храме, что не может подождать до завтра? – яростно выпалил он.

– Мой царь, случилось нечто и правда безотлагательное, – он поднял взгляд, – верховный жрец послал за вами с самыми тревожными вестями.

Облачившись в синюю тунику и чёрный плащ с капюшоном из грубоватой ткани, с одним лишь предводителем Царской гвардии, Людовиком Гвардом, от фамилии чьего рода и пошло название элитного подразделения, Галактион посреди ночи нёсся к центру всего религиозного мира Картрада.

Обычно в это время Храм уже закрывают, вручную поднимая трап «Ковчега», который оставался неработающим уже не одну сотню лет, но в эту ночь прямо у входа царя ждал Овидий, за его левым плечом стояла леди Диана, как её неформально, лишь из уважения к её мужу, называли местные служители. Царь скромно, но величественно поклонился, пожилой Овидий сделал то же самое. Его густые седые брови, казалось, срослись с висками и бородой.

– Владыка.

– Мой царь.

– Что произошло? Тот, кого вы отправили за мной, выглядел довольно испуганным.

– И на то есть причины. Пройдёмте внутрь, по пути я всё расскажу.

Четверо зашли в Храм. Если задуматься, сейчас в одной точке собрались два правителя Картрада – один правил телами, а второй – душами.

Диана, которая за эти шесть лет уже успела стать викарием, то есть, одним из самых приближенных к верховному жрецу людей, его, грубо говоря, заместителем, завидев своего бывшего мужа, обрадовалась и сдержано улыбнулась ему, что сильно его обрадовало.

Группа шла по коридорам здания, которое лишь снаружи напоминало космический корабль, внутри прежние блеск и красота давно покинули его, и «Ковчег» уснул вечным сном железного гиганта. Церковные служители обставили всё по своему вкусу, развесив и расставив кругом лампы, портреты Двухсот, статуи и прочие религиозные атрибуты. Первозданную загадочность и красоту, конечно, добились прихожане, относившиеся ко всем ритуалам и предметам без особой педантичности.

– Как вы, полагаю, осведомлены от нашего представителя у вас в Совете, количество верующих неуклонно растёт. И для повышения вместительности мы обживаем всё новые и новые отсеки и комнаты «Ковчега».

Галактион тревожно кивнул и продолжал слушать, не перебивая. Старый Овидий, будучи, безусловно, одним из самых мудрых людей государства, всегда знал, что и как нужно говорить, чтобы собеседнику было понятно, а что лучше утаить, чтобы зря не сотрясать воздух пустыми словами.

– И вот наши ребята дошли до крепко запечатанной двери. Судя по картам, там можно было разместить целую алтарную. Но когда мы открыли дверь, за ней было нечто, чему в данный момент мы не можем дать никакой точной характеристики.

– Что это? Предмет, человек?

– Это контейнер из крепкого стекла. В нём какая-то древняя жидкость. То ли чёрная, то ли синяя, непонятно, оно будто переливается разными оттенками. И, даже не знаю, как сказать...

– Что ещё?

– Мне кажется, что это не просто чёрная жижа, она подаёт признаки жизни.

– Что? – Галактион ушам своим не верил, полагая, что старик Овидий выжил из ума.

– Когда мы только вошли туда, оно будто проснулось, как если бы мы разбудили спящего человека.

– В чём это проявлялось?

– Оно произвольно начало волноваться, по поверхности шли круги, хотя никто её не касался.

– Это крайне странно. Где уже эта комната?

– На следующем повороте, вот здесь. Зайдите и убедитесь сами, если мне не верите.

Галактион вошёл внутрь пустого зала, внутри было холодно до невозможности, а в воздухе витала многовековая пыль, но она была какой-то странной, красного цвета. Опустив голову, царь заметил, что эта красная пыль поднималась с пола, который был целиком ею усеян.

– Что это?

– Как мы поняли, марганцовка. Непонятно, зачем это, но от этого только страшнее.

В эту встречу с картрадцами жидкость уже не волновалась и вела себя как вода, только чёрного цвета с какими-то белыми точечными вкраплениями. Цилиндр, казалось, состоял из цельного куска стекла, без какой-либо возможности открыть его.

Когда мужчина подошёл ближе, почти вплотную, оно затряслось, и кто-то начал что-то шептать.

– Что это? Вы слышите? Кто шепчет?

– Похоже, это она, господин! Что же с нами будет? – Овидий сложил руки в молитве и начал исповедоваться.

Через минуту всё закончилось. Жидкость снова стала безмолвной, а изумлённый Галактион обратился к своему духовному наставнику:

– Есть какие-то догадки, что это может быть?

– Судить однозначно пока рано, мой господин, мои подчинённые в данный момент уже изучают все старые материалы в надежде найти хоть что-то об этом существе. Но лично я могу предположить, что это иная форма жизни, понимание которой находится вне границ нашего мировосприятия. Возможно, Первые люди сталкивались с кучей таких вещей, но подробных инструкций на данный момент, написанных как Тёмными богами, которые создавали этот корабль для колонизации, так и людьми, найдено не было, и есть причины полагать, что они и не составлялись. Но если что-то станет известно, я сразу пошлю за вами.

– Хорошо, мой старый друг. Я буду ждать. С утра я распоряжусь перенести это чудовище из Храма в Главный исследовательский отдел. Быть может, Прискаса знает, что с ним можно сделать.

– Я понимаю вашу тягу к изучению неизведанного и всегда её поддерживаю, господин. Но не в этот раз, – Овидий попятился, отводя взгляд и собираясь с силами произнести следующие слова, – то, что находится там... может быть самым первородным злом... начать изучать его равносильно самоубийству... никто не знает, к чему может привести его извлечение из колбы.

– Никто, кроме Прискаса, не так ли?

– Возможно, но это слишком большой риск. Две сотни вряд ли захотели бы, чтобы ваша светлость открывали то, что они запечатали навеки.

Галактион вновь посмотрел на колбу, окинул взором марганцевую комнату, почему-то представил, как из этой жидкости вылезает древний монстр и разрушает город. Его впечатлила собственная постановка, и он заволновался ещё сильнее.

– Что ж, вы, вероятнее всего, правы. В этом деле нельзя торопиться, и мы, безусловно, будем крайне последовательны и благоразумны. Мы ничего не начнём, пока не получим достоверных сведений о том, с чем имеем дело.

– Конечно, господин. Я благодарен вам за то, что вы прислушиваетесь к голосу разума, как и ваш отец. Как только нам станет что-то известно, мы сразу сообщим в замок. Незамедлительно.

– Отлично, договорились. Но стекляшка, всё же, ради блага прихожан, останется в сохранности в моих катакомбах.

– Как вам станет угодно.

* * *

С того ночного разговора прошло немногим больше одного года. Галактион сдержал своё слово и спрятал колбу там, где о ней мог знать только он, не отдав жидкость на изучение в Отдел исследований.

Всё шло своим чередом. Царство укреплялось, красавец-сын подрастал, а царь всё так же не щадил себя изнурительной работой.

Ранним утром к картрадскому царю Галактиону Второму пришла долгожданная весть из Храма от Овидия: нужные знания найдены. Он с жадностью прильнул глазами к бумаге, но с каждой прочитанной строчкой лицо его приобретало всё более мрачный тон:

«Мой дорогой господин, несу вам срочную новость, которую мы оба так долго ждали. Наконец, в одной из деревень, в старой отшельничьей семье священника был найден ранее утерянный фолиант. Но с этого наши проблемы только начались: изучив тексты Первых людей, мы пришли к выводу, что Нечто, к нашему великому горю, имеет непосредственное отношение

к Тёмным богам и является их чадом, выполняющим на корабле функцию контролёра. Задуманный в качестве первого колониально-исследовательского корабля, „Ковчег“ был оснащён активизирующимся при посадке „вирусом контроля“. Предназначенное для рабов, существо прекрасно бы справилось с ролью пастуха, но на корабле оно встретило серьёзное сопротивление команды Первого корабля. Сначала они как-то ослабили его, а затем спрятали в дальнем отсеке. Именно по этой причине вирус был закрыт всеми возможными способами. Вам необходимо как можно скорее уничтожить его, это один из Тёмных богов! С искренними мольбами, верховный жрец Овидий».

Глава II. Стечение обстоятельств

Девятнадцатилетний кронпринц Адриан Рэгем шёл по улицам своего города в компании друга детства Лукреция Дивуса. Своим наследник мог считать город по двум причинам: во-первых, он был построен и назван отцом в его честь – Адрианоподем, а во-вторых, он являлся его управителем, то есть, самым главным должностным лицом молодого города. И с этой должностью, стоит признать, юноша справлялся прекрасно, проявляя небывалый ум и чрезвычайную находчивость. Город разросся и со временем стал вторым по значению после столицы.

С постройкой и облагораживанием этого города чуть больше десяти лет назад закончилась самая крупная военная кампания картрадских царей за последние тридцать лет. Вся западная часть материка была полностью исследована, оккупирована и обжита. Крупнейшие месторождения драгоценных металлов и обширные земли с богатыми плантациями наконец пришли под крыло Ховерстада.

– Лукреций, скажи, сколько кораблей насчитывает твой флот?

– Я бы не стал называть это флотом, Адриан. Я морской торговец и управляюсь с рыболовными судами. Да, некоторые из них довольно крупные и быстрые, но всё равно всё, что на них можно делать – это ловить рыбу.

– Это понятно, но всё же, – в словах принца не было раздражения, и он с жадностью ждал ответа.

– Ну, если грубо, то мой личный корабль – один из самых быстроходных на южном побережье.

– На северном их почти и нет, – заметил Адриан, – только охранные, так что твоё судёнышко – лучшее во всей стране.

– Не хотелось бы хвастать, – дворянин мечтательно отвёл глаза, – но, возможно, так оно и есть. Продолжим. Порядка шести больших кораблей для ловли китов и прочих крупных тварей. Большинство здесь, в бухте Адрианополя, один или два – восточнее, ближе к Нижнему морю. С десятков средних кораблей, они быстрые и вместительные, но довольно хрупкие и часто тонут с большой добычей, поэтому мы стараемся от них избавляться. Ну и совсем мелкие, даже не знаю, сколько их. На этом всё, как видишь, очень трудно назвать это флотом. Так, простые торговые лодочки.

– Отлично, благодарю тебя за информацию. Ты со мной в столицу?

– Ах, нет. Мне ещё нужно решить пару вопросов здесь, в городе, перед тем как идти к отцу. Может быть, на следующей неделе.

– Жаль... – Адриан немного помялся, помолчал, но затем выпалил, – а ты в курсе, что позавчера тайный советник Короны скончался при загадочных обстоятельствах?

– Я слышал от моряков, что умер кто-то из Совета. Что ж, жаль его. Он хотя бы был пожилой?

– Сорок семь лет. Не сказал бы, что ему уже пора. Но я спросил не для этого. Как думаешь, что это значит для меня? – парень хитро улыбнулся.

– Что?

– Да то, что сегодня меня к себе вызывает царь. А значит, он хочет продвинуть меня в Совет на место погибшего, что тут непонятного!

– Да ладно, – Лукреций протянул с восхищением, – значит, мне теперь к тебе обращаться не иначе как господи Тайный советник?

– Просто Адриан, – он по-доброму кивнул, поправил свою тёмную прядь, которая на свету отдавала каштаном, и отправился своей дорогой в сторону Иолуса.

– Надеюсь, твои догадки оправдаются! Удачи на новом месте! – кричал вслед уходящему принцу младший из рода Дивусов.

С давних времён Главный исследовательский отдел смог сохранить несколько телепортирующих пар порталов Первых людей – некрупных круглых постаментов. Спустя поколения жадной эксплуатации двух из них те пришли в негодность и больше не выполняли своих функций. С тех пор вся крупная техника (летательные корабли, телепорты), не восполняемая изобретателями Отдела, стала использоваться крайне осторожно и аккуратно. Например, Иолус, на данный момент единственный действующий портал между Ховерстадом и Адрианополем, даже группу людей отправлял поодиночке через небольшие временные промежутки. В конце концов, именно он оставался последним из крупнейших и самых впечатляющих чудесных предметов, что дожили до нынешнего времени. Корабли, спидеры и прочая электроника давным-давно канули в небытие, оставив после себя лишь воспоминания и зарисовки на пыльных полках Отдела, который так и не разобрался в их устройстве.

Получив разрешение на перемещение, Адриан шагнул на постамент, закрыл глаза, как он всегда это делал, сам не зная почему, и спустя всего секунд пять открыл их уже в Новом Ховерстаде, районе столицы, построенном при Галактионе.

Не заставляя царя-отца дожидаться, он тут же направился в сторону административного и исторического центра города, к замку Рэгемов.

* * *

У самого телепорта его встретили гвардейцы, чтобы сопроводить юношу. Конечно, сейчас мало кто мог готовить заговор против молодого парня, не участвующего в делах столицы, но Галактион никогда не мог упрекнуть себя в том, что не беспокоился о сыне. К тому же, сейчас Адриан метил на место недавно убиенного. Кто знает, как и почему это произошло, и потому правитель решил не рисковать самым для него дорогим.

Путь к дворцу был лёгок. Конечно, здесь, посреди полей и лугов, городской воздух был не таким приятным и нежным, как в прибрежном Адрианополе, зато каждый домик здесь отдавал древней историей и могуществом.

– Приветствую вас, мой царь, – Адриан наигранно поклонился, шкодливо смотря на отца, – что стало причиной для вызова меня из моего города? Я чем-то огорчил вас? – он знал, что это не так.

– Наоборот, сын. В Адрианополе ты показал прекрасные результаты, когда наладил бесперебойные поставки меди и серебра из старых рудников и разработал новые серебряные залежи на самом дальнем утёсе Картрада. Это очень похвально и характеризует тебя как прекрасного управителя, а из адрианопольского хлопка шьются одежды для самых высоких чинов.

– Я знаю, спасибо. Благодаря меня, ты благодаришь тысячи моих людей, каждый день трудящихся на благо моего города и твоей страны, они заслужили такой жизни.

– Ты как всегда прав, мой ребёнок. Но, думаю, ты засиделся в своём собственном мирке. Пора вновь приобщать тебя к столичной жизни.

– Что ты имеешь в виду?

– Пойдём прогуляемся кое-куда.

Отец и сын шли по коридорам замка, десятки портретов и произведений искусства смотрели на них с каждой стены.

– Скорее всего, тебе уже известно, – продолжал правитель, – несколько дней назад скончался мой Тайный, Инфир. Да, конечно, у человека его должности всегда хватает врагов, ведь через его отделение проходят все идейные противники и государственные преступники, но быть заколотым в собственном доме... на глазах маленькой внучки... нужно быть настоящим зверем, чтобы совершить такое.

Галактиону было и правда жаль своего советника. Хоть он и выполнял свою работу чуть лучше, чем никак, но всё же жизнь царя за это время ни разу не была в опасности.

– Такой жестокости никто не заслуживает. Убийцу поймали?

– Да, этой же ночью. Он неместный и безграмотный, скорее всего беглец с каких-то работ. Может, даже каторжник. От него ничего не узнать, потому что у него нет языка, он был отрезан и прижжён, но это, впрочем, уже не так важно, ведь его вина очевидна для любого. Дело настолько резонансное, что выносить приговор ему будет сам советник Короны по судебному делу Карниф Юдус.

– Ох!

– Да, это ужасно, но я звал тебя не для того, чтобы делиться грустными новостями. Помнится, ты уже давно просишь меня о месте в Совете.

– Да. Я уверен, что справлюсь с такой должностью. Своё детство я провёл в столице, и знаю, что здесь к чему. Конечно, я собирался начать, допустим, с советника по дворянскому делу, но, видится мне, у тебя на своего сына более амбициозные планы, да? Иначе ты не вызывал бы меня именно после гибели тайного советника.

– Именно, сын мой. Как бы цинично это ни прозвучало, но со смертью Инфира опасностей для государства меньше не стало, даже наоборот, когда весть об убийстве человека из Совета разнесётся по Картраду, наши враги потеряют всякий страх и вылезут из своих нор. И из сложившейся ситуации я не вижу иного выхода, кроме как отдать этот пост своему самому доверенному лицу – своему сыну. И, воспользовавшись старым правом наших праотцов, я дам тебе чрезвычайные полномочия – кресло Главного советника.

Серо-голубые глаза Адриана округлились. Во время реплики отца он уже готовил необходимый ответ, но последние слова застали его врасплох.

– Это большая... это огромная честь для меня, мой царь!

– Данная честь равносильна ответственности, что теперь ляжет на твои плечи, Адриан. Я обдумывал это решение не один час, и, надеюсь, я поступаю верно.

– Я слышу сомнения в твоих словах, неужели ты уже пожалел о том, что только сказал?

– Нет, но я не могу избавиться от мысли, что рискую самым дорогим в своей жизни.

Повисла тишина.

* * *

Спустя несколько дней, когда с бюрократической волокитой и назначениями было покончено, настало время вручить новому Главному советнику при Короне своё одеяние, обмундирование и затем представить старым членам Совета. Причём, старым во всех смыслах. Самому пожилому из них, Трибусу Зерву, советнику по межплеменным отношениям, было семьдесят с лишним лет. Он считался долгожителем и чуть ли не самым старым подданным Картрада. Он давно уже отошёл от дел, но на должности его оставляли лишь из чрезвычайного уважения к его прошлым заслугам. В конце концов, все страны уже долгое время находились в изоляции друг от друга, и потому то, что господин Зерв ничем не занимался на своём месте, не имело особого значения.

Адриан же не торопился. Он решил идти в Отдел на час позже назначенного времени. Да, его будут ждать так долго, но в самом начале своего руководства он хотел показать им, что именно он устанавливает правила. В его опоздании не было никакого смысла, но он придумал его просто потому, что мог.

И пока принц выжидал нужное время, он занимал себя ещё одним самовлюблённым делом – высказывал своё недовольство портным. Его новая советничья мантия перешивалась уже в третий раз, и в каждый из них что-нибудь, да не устраивало юного наследника.

– Один рукав короче другого, вы разве не видите? – с чужими людьми, которые не награждались его доверием и близким знакомством, кронпринц вёл себя как избалованный и дерзкий мальчишка, которому всё сходит с рук, – а вот эти украшения всё-таки надо будет отпороть. Я советник, а не шут. Так, пояс сильнее ушейте. Ботинки выбросьте, я возьму свои

сапоги, всё равно обуви не видно. Талию поднимите, накидку сделайте длиннее на две ладони. Если всё сделаете, как сказано, это будет последняя примерка.

Адриан вышел из зала, затем из замка и отправился по одной из дорог. С этим нарядом он чуть не опоздал к своему часовому опозданию!

Наконец-то он подошёл к Главному исследовательскому отделу. Небольшое здание из белого гладкого камня, выполненное в таком виде из подражания «Ковчегу», только на первый взгляд казалось небольшим и тесным, однако уже при более внимательном рассмотрении становилось понятно: ученые не за просто так получают своё жалование. По стенам здания толстыми проводами тут и там было выведено электрическое освещение, которого не было нигде, даже в замке царя. Огоньки тусклые, но со своей функцией справлялись на ура. В детстве Адриан, когда мучился от ночных мыслей, досиживался до того, как с проблесками рассвета, из окна было видно, как где-то вдаль потухали эти загадочные лампочки.

Стёкла здания были крепче обычных, для безопасности разработок при производстве в них добавляли какое-то специальное вещество для прочности. Вся остальная техника была спрятана внутри здания, чтобы не пугать простой люд, привыкший отправлять послания птицами, а питаться из деревянной посуды.

У ворот парня ждал Капитон Сиган, советник Короны по чудесным предметам. Уже потерявший всякую надежду, он смотрел в пол, переводил взгляд на ближайшую погасшую лампу. На вид ему было не больше сорока пяти лет, мимических морщин на лице больше обычного для его возраста. Светлая грязноватая одежда, в которой он работал и никогда не показывался при дворе. Чёрные жидкие усы и короткая стрижка стали контрольными признаками, по которым Адриан узнал, кто стоял перед ним.

Завидев приблизившуюся вплотную тень, Сиган встрепенулся, выровнялся:

– Господин Главный советник, я рад, что вы наконец пришли. Полагаю, у вас были важные дела?

– Более чем, мистер Сиган. От моего решения, не скрою, зависела судьба Совета!

– Уверен, что так и есть, господин. Прошу пройти внутрь.

Глава III. Последний

Двое прошли в дверь и оказались в центре научного света царства. Обстановка здесь, вероятно, походила на прошлое, стараясь копировать первозданное убранство «Ковчега». Белые стулья, столы, причудливые формы и изгибы. Казалось, сотрудники Отдела были отдельным народом со своей индивидуальной характерной культурой.

Первый этаж, он же самый верхний, был невелик. Здесь проходили финальные проверки чудесные предметы, оформлялись заказы от населения, стояла небольшая столовая и несколько кабинетов. Все остальные отделения были внизу, под землёй.

Адриан будто попал в свои детские мечты, в рассказы мастера Като, где Первые люди, двести семей великих беглецов, бороздили пустой космос в поисках безопасности и свободы.

Так и здешние учёные носились из кабинета в кабинет, сверяя разные бумажки с отчётами и журналы учёта. В какой-то мере именно Отдел стал преемником своих великих предков в вопросах развития народа.

– Знайте, мистер Сиган, я нахожусь здесь впервые, хотя с самого детства мечтал тут оказаться, и потому прошу заранее меня простить за невежество в отношении ваших изобретений, которое я, уверен, допущу.

– Ничего страшного, господин советник, чудесные предметы и правда лежат за границами понимания нашего мира. Но о вашем остром уме давно известно, и потому, думаю, вы схватите всё налету. Итак, вы пришли сюда за снаряжением и техническим оснащением, не так ли?

– Да, Капитон.

– Но не отказались бы от небольшой экскурсии, если бы я предложил?

– Безусловно.

Этот учёный потихоньку начинал нравиться Адриану. Он учтив, хотя иногда его услужение и начинало надоедать. Он был не таким старым, как многие члены Совета, так ещё и стал его пропуском в мир чудесных предметов, туда, куда он хотел попасть все годы. Поэтому каждое слово, сказанное мистером Сиганом, Адриан воспринимал как божественное откровение и даже старался не строить из себя неженку.

Они прошли по зданию и спустились на нижние этажи, где, будто муравейник, всё было испещрено разными подземными ходами.

– Принц, здесь находятся предметы членов совета.

Они подошли к столу с бело-синими реликвиями, но для начала Капитон указал на витрину рядом.

– Перед тем, как мы начнём, хотел бы показать, как по мне, одну из, не побоюсь этого слова, реликвий Отдела. Не наши побрякушки, а настоящая вещь со времён Двухсот. Голографикатор. Устройства для сообщения на дальних расстояниях. Они сделаны в форме медальонов и потому были удобны в носке. К нашему времени остались только эти три модели, а действующих и вовсе более не существует. Как мы предполагаем, они соединялись попарно и помогали людям в разных городах общаться и передавать срочную информацию. К тому же, человек не только слышал, но и видел своего собеседника, представляете? Вот здесь открывалась миниатюрная объёмная проекция, которая считывалась датчиками на втором экземпляре. В итоге, он как будто стоял прямо напротив вас.

– Прекрасно, хоть и сейчас абсолютно бесполезно. Жаль, что Отдел не может воспроизвести эту технологию.

Это замечание задело Капитона, он помрачнел, ведь эти слова ему говорил не только впечатлённый юноша, но и его непосредственный начальник.

Постаравшись скорее перевести тему с грустного, советник решил перейти к выдаче работающих устройств.

Перебирая вещи на полке, он искал самые впечатляющие, чтобы хоть как-то сгладить неприятный момент.

– Так, что там у нас дальше, – Капитон немного проваливался в собственные мысли, – а, конечно. Медицинский браслет. Замеряет сердцебиение, температуру и другие жизненно важные данные, имеет встроенный отсек с наиболее универсальным противоядием от большинства известных ядов в случае отравления; одну порцию заживляющей мази из сбора целебных трав, помогает от порезов и неглубоких ран.

– Поразительно. Целая аптечка на руке.

– Да. Ещё есть обруч Главного советника с чёрным жемчугом.

– А он что делает?

– Ничего, просто красивый.

– А.

– Нужен?

– Нет.

– Ладно.

Неловкую паузу прервал Адриан:

– Может, что-то ещё? Вы говорили об обмундировании.

– Верно. Перейдём к этому столу. Здесь у нас сверхлёгкая броня: нагрудник и шлем. Но обычно шлем не берут, он... портит весь вид.

И правда, шлем имел странную форму, если сравнивать с простым вооружением солдат или Гвардии: гладкий шар с квадратным окошком для лица и шеи. Нелепость придавала ассоциация с тем, будто арбуз вырезали и надели на голову.

– Да, пожалуй, я сохраню эту традицию. Впрочем, нагрудник тоже не отличается изяществом. Его я тоже оставлю пылиться тут. Я ни разу, когда оказывался в столице, не видел их на членах Совета.

– Мы солидарны с вами в этом вопросе, господин. А кое-кто не носит броню уже в силу своей физической слабости, сами понимаете.

– Да. Не бойтесь – при мне, молодом руководителе, больше не будет этого засилья стариков, Совет преобразится и омолодится, это точно.

Капитон не на шутку перепугался. Конечно, он ещё не считал себя старым, но его встревожила кардинальность парня.

– Что же это вы, намерены переувольнять чуть ли не всю нашу компанию?

– Нет, уволена будет лишь малая часть. Кто-то умрёт от старости, кто-то не сможет мириться с тем, что теперь в Совете необходимо по-настоящему работать, и уйдёт сам. В итоге вокруг меня останутся лишь эффективные и готовые работать на благо страны.

– Что ж, без ваших последних слов я бы подумал, что вы крайне экспрессивны, но теперь могу с уверенностью сказать, что вы не по годам мудры и рассудительны.

– Благодарю, но мы отвлеклись. В Отделе есть ещё что-нибудь, достойное моего внимания? Оружие?

– Просто до этого вы так от всего отказывались, что даже не знаю, сможет ли удовлетворить вас остальное. Вряд ли вы захотите себе этот электрический кинжал.

– Я не имею целью забрать отсюда всего побольше, мною скорее движет чисто научный интерес и любопытство. Показывайте всё, что только здесь есть. Так что там за кинжал?

– Вот, взгляните.

Он протянул ему серую рукоять кинжала, лезвие у которого было абсолютно прозрачным.

– Он что, стеклянный?

– Если точнее, хрустальный.

– И что вы им намерены резать? Воздух?

– Не судите так сразу, сейчас я нажму на камень по центру. Это активатор.

Адриан начал наблюдать, и до этого прозрачное лезвие разлилось ослепительным синим светом, иногда сверкая мелкими искорками.

– Поразительно!

– О да, господин. Как вы, думаю, знаете, энергия, что питает все чудесные предметы, крайне опасна и даже смертельна вне их. Даже одна её капля, попавшая на кожу, может убить человека. И если обычно это является предостережением, в случае с кинжалами и любым другим оружием это становится инструкцией к действиям. Сама энергия и становится нашим смертоносным союзником.

– Как вы её укрощаете?

– Хрустальное лезвие, ранее показавшееся вам бесполезным, как раз-таки и придаёт форму испускаемой энергии. Закалённый хрусталь показал себя самым лучшим образом и был выбран в качестве формы для лезвия. А дальше всё просто. Кинжал входит в плоть и отравляет жертву, от чего та практически сразу погибает. Не скажу, что всегда хватает одного удара, тут, как и с обычным – нужно знать уязвимые точки на теле. Но, даже если атака не окажется смертельной, вашему противнику потом очень не поздоровится.

– Это потрясающее открытие. Я знал, что чудесное оружие воистину чудесное, но теперь, понимая, как оно работает, я просто в восторге. Обязательно обсужу с отцом расширение вашего производства.

Капитан учтиво поклонился и отключил кинжал, вручая его принцу.

– Нет необходимости. Сейчас Отдел и Совет достигли идеального баланса в этом вопросе. Кинжалов и мечей выпускается ровно столько, сколько уходит на нужды армии. Это далеко не дешёвое занятие, мы не можем ковать их как подковы.

– Я вас понял. Жаль.

Пока советник говорил, он продолжал держать электрический кинжал, вручая его Адриану.

– Возьмите же.

– Нет, благодарю.

– Как же так? А как же защита?

– У господина Инфира был такой?

– Да, кинжалы в своё время брали практически все.

Принц развёл руками.

– Как видите, не помог. К тому же, у меня есть защита лучше, чем сверкающая побрякушка. Гвард.

– Думаю, их сын ничем не хуже своего отца. Вы в надёжных руках, господин.

Адриан, закончив с осмотром советничьего арсенала, оглядел остальные полки в комнате.

– Наверное, это стоит целое состояние, раз производство даже одного кинжала должно быть оправдано царскими нуждами.

– Иногда мне хочется обокрасть самого себя, – рассмеялся он, – недёшево, это правда. Но на наше счастье данная атрибутика входит в список возобновляемых чудесных предметов. Это означает, что они...

– Возобновляются, – пошутил Адриан, – а если серьёзно, то я изучал этот вопрос. Многие маленькие и несложные вещи изобретатели Отдела исследований умеют создавать сами, копируя их с оригинальных предметов Первых людей.

– Совершенно верно. Может, вы знаете и примеры таких вещей?

– Я слышал, что большинство из них – это боеприпасы и оружие, а также крупная доля всех сельскохозяйственных орудий.

– В первом случае да. Со вторыми на практике всё не совсем так. Да, в столице многие вещи крестьян относятся к возобновляемым. Энергетические лопаты, грабли, плуги и прочие повышают износостойкость инвентаря. По сути, заряда энергии в любом чудесном предмете хватает на сто лет. То есть, ускоритель роста семян передаётся у них из поколения в поколение как реликвия или приданое. Но вот с деревьями на периферии не всё так просто. Чаще всего, мы просто отправляем им какую-нибудь укреплённую соху и красим их так, чтобы не было заметно. Они всё равно никогда вживую не видели чудес, и потому тратить вещи Первых людей на захолустную ферму, которая работает в убыток, для нас нерезонно.

– Я вас понял, советник. Это довольно... прагматично.

– Да. Наверное, даже цинично, если задумываться, но никто не жалуется, и поэтому всё идёт своим чередом. Наш штат не бесконечен, этим людям тоже нужен отдых, и выполнить все заказы мы в принципе не можем. Приходиться расставлять приоритеты.

– Ясно, – Адриан замолчал и позволил себе немного подумать об этом, но вскоре вернулся назад, – мистер Сиган, вы говорили об экскурсии в конце выдачи предметов. Вы ведь всё уже отдали?

– Да, всё. Но экскурсию проведу вам не я, сами понимаете, дела государственной важности заставляют нас быть в десяти местах одновременно.

Учёный позвал за кем-то. Вскоре к ним пришёл юноша одного с Адрианом возраста, со светло-золотистыми короткими волосами и детским выражением лица.

– Хочу представить, принц, вашего экскурсовода. Десимус Паупер, славный парень, работает здесь с самого детства, крайне талантлив, за что два года назад и заслужил высшую честь – учиться у самого Прискаса.

– Прискаса? Так он существует? – почти заорал Адриан. Он будто вновь стал пятилетним ребёнком, вспомнил, как отец рассказывал ему легенду о «последнем Первом».

– Вы всё узнаете из экскурсии, мой господин. Позвольте откланяться. Если вам будет что-то нужно, вы можете найти меня в моём кабинете. Спросите моего коллегу, он вас проводит!

Вымотанный Капитон пошёл наверх, оставив вдохновлённого принца наедине с новым знакомым.

* * *

– Паупер, значит, – Адриан окинул беглым взглядом тело Десимуса.

От Пауперов у него был только цвет волос. Как известно, этот род влачил бедное существование, браки с ними заключали или из жалости, или из долга. Всё, что оставалось у них – это чистые гены, благодаря которым почти все отпрыски Пауперов были редкими красавцами и красавицами. Быть может, только из-за милого личика они до сих пор на плаву. Тут принц вспомнил, что около года назад читал новость о болезненной смерти отца рода. Видимо, теперь для семьи настали самые тяжёлые времена. Для семьи, но не для юноши, что стоял напротив него. Свежее выбритое лицо, дорогая одежда из хорошей ткани под стандартным для Отдела халатом, чистая и новая обувь. Что это: удачный брак или обман о принадлежности к дворянской фамилии? Мистер Сиган говорил, что он невероятно умён. Такому было бы легко выдумать историю о своей родословной и убедить в ней окружающих.

– Да, Паупер. Старший из оставшихся. С тех пор, как...

– Не говори, – сказал он, тревожась, – я читал об этом. Соболезную.

– Не стоит. Я предлагал ему найти лекарства или лечить его у нормальных докторов для дворян, но ему было проще отказаться, молча и тихо уйти. Он уничтожал себя бездействием, он самоубийца.

Вопрос «откуда у тебя деньги на лекарство или врачей?» Адриан пока отложил, чтобы не испортить отношения так сразу. Беседа потеплела, и парни отправились по самым интерес-

ным коридорам здания чудес. По ходу Десимус показывал Адриану даже то, что не входило в план экскурсии и, в принципе, носило статус «совершенно секретно».

Адриан попросил перейти на «ты», потому что считал приемлемым такое обывательское общение со сверстниками, к тому же, постоянное «выкание» надоело ему ещё в управительство Адрианоподем.

– Смотри. Это самая недавняя разработка. Рамка, как в музее. Но если встать сзади неё, то она сохранит воспоминание о тебе навсегда и будет показывать его потом в этой рамке, как будто картина!

– Это просто нереально! – всю экскурсию Адриан восхищался часто и абсолютно искренне.

– Да, ты прав, – погрустнел парень, – нереально. Этот прототип пока не работает. И тем более не может быть и речи о его возобновлении.

– Не расстраивайся, уверен, через много лет такой портрет с тобой как изобретателем будет висеть у меня в замке на самом видном месте!

– Ох, очень приятно слышать! Но, думаю, мне никогда не удостоиться такой чести.

– Почему?

– Все изобретения, которые когда-либо были созданы, придумал один человек – Инженер. И запоминающий портрет однажды завершит тоже он. Весь остальной персонал – просто сборщики. Нам предоставляются его чертежи, и мы собираем копии этого предмета. Мы даже их не заряжаем, потому что этому нас тоже не обучают.

Огонёк в глазах Адриана загорелся с новой силой.

– А этот Инженер, как вы его называете, это и есть сам Прискас, «последний из Первых»?

– Давай отойдём отсюда куда-то, где нет лишних ушей, – молодой учёный кивнул в сторону пары стоящих сборщиков.

Парни зашли за угол. Здесь никого не было. Десимус сел прямо на пол, облокотившись на стену. Адриан повторил за своим экскурсоводом.

– Насколько мне известно... – начал было наследный принц.

– Не важно. Давай от предположений мы сразу перейдём к истории, и я расскажу тебе, как есть на самом деле.

Адриан проглотил обиду и молча начал слушать историю своего собеседника.

– Религия – это, конечно, хорошо, и почти всё, что они рассказывают – правда, но всё же, древним текстам свойственно украшательство. На деле же вся история побега была более приземлённая и человеческая...

* * *

«Когда рабы сбегали, они старались украсть всё, что плохо лежит. Эти «Тёмные боги», как их принято называть, на деле были просто очень древней и невероятно развитой цивилизацией. Нынешние чудесные вещи – результат их тысячелетнего научного развития и технического прогресса. А Первые люди их просто нагло похитили и закинули на «Ковчег».

Судя по тому, что за столько столетий за нами не прилетели наши бывшие хозяева, планеты находятся очень далеко друг от друга. Видимо, перед тем, как спуститься, люди побывали на многих других планетах в поисках подходящего места для будущей цивилизации. Поэтому так легко и объясняется стратегически удачное расположение столицы – это результат кропотливых и избирательных поисков.

Обжившись на новой планете, Первые люди начали изучать все приспособления, что им удалось забрать. Рабочих, занимающихся этим, стали называть инженерами. Именно они написали большинство книг и инструкций, хранящихся здесь, в Главном исследовательском отделе.

Но, как и все прочие смертные люди, инженеры стали умирать, причём из-за воздействия энергии, питающей устройства, гораздо раньше остальных. Тайны чудесных предметов могли

навсегда кануть в историю ещё тогда, в легендарную эпоху. Но всех спас мудрейший из инженеров – в будущем он назовёт себя Прискас – «древний». Неизвестно как, но он смог обрести бессмертие тела, души и разума. Болезни его больше не брали, и он стал вечным сосудом былых знаний об инструментах Тёмных богов.

Видимо, чтобы не делиться с другими тайнами обретения им бессмертия, он отрезал себе язык и с тех пор стал навечно немым. Быть может, это эгоизм – не делиться ни с кем тайной своей незабвенности, может, героизм, так как удар по всей цивилизации он принял только на свои плечи. Теперь уже никто не знает и не осуждает его, ведь он наша единственная надежда на изучение нынешних и изобретение будущих чудесных предметов. И даже если кому-то, во что совершенно объективно не верит никто, и удастся спроектировать какой-то артефакт, он никогда не сможет его использовать, так как тайна зарядки предметов энергией также хранится лишь в его голове.

Когда мастеру Прискасу стало сложно осилить растущие аппетиты правящей верхушки и горожан, и их жажда до чудесных вещей вышла за границы его способностей, он попросил их основать Главный исследовательский отдел и другие отделы по всей стране. С тех пор у него появились подчинённые, а протекция над артефактами выросла в целое ведомство в Совете при Короне. И нынешний советник, мистер Сиган, продолжает многовековую вахту своих предшественников.

Периодически Инженер берёт к себе в ученики исключительных сборщиков и обучает их как своих собственных преемников. Возможно, он это делает, когда в панике чувствует слабость и приближающуюся смерть, может, просто от скуки, многие его действия сложно охарактеризовать как логичные. Но эта служба некоторым оказала огромную честь – известно как минимум о четырёх подмастерьях, которые после обучения становились советниками по чудесным предметам».

– Такова она, – устало выдохнул Десимус, – история инженера Прискаса, последнего из Первых людей, живого бога на земле.

* * *

Во время разговора в воображении Адриана то и дело возникали образы и события. Он представлял, как выглядели Тёмные боги, как стремительно сбегали Первые люди от них, словно в живую наблюдал их расселение по новому миру, ставшему домом для их потомков. Он рисовал в голове, как Прискас изобрёл какую-то машину, даровавшую ему бессмертие, в красках воображая картину отрезания языка, видел кровь, заполняющую рот и вытекающую наружу по щекам вниз. Он мимолётно вспомнил убийцу прошлого Тайного советника.

– После твоего рассказа у меня возник вопрос...

– Всего один?

– Ну, их много, но все остальные, кроме одного, я могу задать и потом.

– И что же это за вопрос?

Адриан немного поелозил на полу, но всё же собрался силами и произнёс:

– Могу ли я увидеть его?

– Мотивы твои мне понятны, но что от этого станет мастеру? Не думаю, что он согласится на то, что абсолютно ему не нужно.

– А если попросишь ты? – Адриан уже, не притворяясь, вёл себя как ребёнок.

– Разницы нет.

– Ну ты всё равно узнай. Вдруг он не захочет портить отношения с будущим царём, от воли которого уже сейчас зависит жалование Отделу.

– Угрожать ему точно не стоит. Он незаменим, и все мы это знаем.

– Я и не собирался.

– Ладно. Я поговорю с ним, но ничего не обещаю. Пойдём со мной, будешь ждать у двери.

Спустя минут тридцать озадаченный Десимус вышел и устремился к заскучавшему и заранее разочаровавшемуся Адриану. Паупер был явно удивлён. Сходив к нему чисто из вежливости, он и не думал, что тот согласится.

– Он примет тебя. Проходи.

Конечно, парень надеялся, но не рассчитывал на такой исход, но, быстро сориентировавшись, он устремился к желанной двери.

– А как с ним разговаривать? Он же немой.

– Обычно он использует записки, чтобы общаться. Думаю, сейчас будет также. Я буду зачитывать их.

– Понял.

Адриан зашёл внутрь. По размерам это был большой зал, но по функционалу – рабочий кабинет. В центре него стоял пожилой сгорбившийся и на вид немощный мужчина. Его лицо было покрыто глубокими морщинами. Длинные седые волосы были взлохмачены и спутаны. Дряхлое тело обволакивалось ветхой некогда белой тогой с золотым поясом, которая скорее смотрелась как старая тряпка на гнилой швабре. Руки его немного тряслись, но в целом были здоровыми и способными творить настоящие чудеса.

Наследник трона сел на одно колено.

– Для меня великая честь увидеть вас вживую. Ещё в детстве мой отец рассказывал о вас. И вот теперь я стою здесь. Позвольте представиться. Вы говорите с управителем Адрианополя, Главным и тайным советником при Короне, полноправным кронпринцем Адрианом из великого рода Рэгем.

Старик подал своему ученику записку.

– *«Для меня ты лишь неизвестный мальчишка, который захотел оказаться рядом с богом. Я видел первого из Рэгемов, и все остальные – лишь тень его величия».*

Озвучив всё до конца, Десимус испуганно взглянул на своего нового знакомого. Он боялся, что тот оскорбится и затаит обиду именно на него, однако юноша с абсолютной терпимостью отнёсся к грубым словам. Он даже продемонстрировал неискреннюю улыбку.

– Вы считаете, что Рэгем – величайший из Двухсот, такой память о нём остаётся и поныне. Всё, что остаётся нам, потомкам, носящим его имя, это лишь тянуться к его славе.

Находишь здесь Галактион, он был бы поражён словами своего сына. Ведь он знал, что принц не жаловал даже основателя их династии. Однако он был бы горд за то, какая сладкая речь льётся из его уст. Словно колыбельная, она усыпила старческую агрессию Прискаса, с которым у того объявился общий кумир.

Сменив гнев на милость, Инженер быстро нацарапал новую записку и отдал её.

– Он спрашивает, для чего ты добивался аудиенции? Неужели только ради приятной беседы с пожилым человеком?

– Сказать по правде, я не думал, что эта встреча состоится, но надеялся на неё. Буквально пару часов назад я и не догадывался, что уже сегодня предстану перед живым богом.

Он выдержал паузу, чтобы Прискас переварил всю его лесть, а затем продолжил.

– Потому просьба моя будет банальна. На днях отец назначил меня Тайным, прибавив к этому ещё и должность Главы Совета. Это важнейшие должности в государстве, не считая самого царя, и я не должен ударить в грязь лицом. Я хочу просить вас о силе, об оружии, что поможет мне справляться со своими врагами.

Инженер заулыбался и призадумался, перебирая в голове варианты, а Адриан продолжал свою речь.

– Вы умнейшее существо на всём Транквиле, вам известны все тайны Двухсот. Вы можете помочь мне?

Наконец, старик написал небольшой текст и отдал его своему подручному.

- Здесь говорится, что мастер согласен.
Адриан облегченно вздохнул.
  - Он даст тебе оружие. Лучшее в своём роде.
  - Что это?
  - Здесь не написано. Он лишь говорит, что взамен просит оказать ему определённую услугу. Ему нужно то, что сам он заполучить не в силах.
  - Но что это и как я могу достать это для вас?
- Следующий листок Прискас вручил лично Адриану. На нём было всего два слова:

«Вирус контроля»

Глава IV. Не тот, кем кажется

Дверь в кабинет советника Капитона распахнулась с жутким треском.

– Мистер Сиган! Вы срочно должны мне помочь! Я уверен, вам это по силам!

– Что... что случилось, Адриан? – мужчина не на шутку перепугался и уже начал выходить, чтобы проверить, что стало причиной такого внезапного помешательства принца.

– Нет, нет... – Адриан потихоньку сбавлял наигранный пыл, – просто сейчас мы стоим на пороге открытия чего-то большего, ранее нам неподвластного, я уверен, я чувствую.

– Вас так вдохновила экскурсия, господин?

– Нечто иное. Я вам всё расскажу, но чуть позже. Сначала, будьте добры, скажите, есть ли у вас что сказать о некоем «вирусе контроля»? – парень просто сверлил его взглядом, словно мысленно он пытался правду самыми жестокими методами.

– Простите, что вы сказали? Я не ослышался?

– Так вам что-то известно? Молю вас, расскажите мне всё.

– Да зачем? Что случилось? Кто-то в опасности?

– Из людей нет. Но в опасности может быть наше государство, если мы не предпримем необходимых мер!

– Извините за дерзость, – учёный выпрямился, – но это не более, чем громкие слова. Никому не станет лучше от того, что вирус из себя представляет.

– Хорошо. Возможно, я соглашусь с вашими словами, но лишь тогда, когда увижу всю картину и оценю обоснованность ваших мотивов.

– Разумно. Я расскажу вам то, что знаю, но лишь для того, чтобы отговорить юного Главного советника от какой бы то ни было авантюры, что созрела в его, уверен, разумной голове.

Двое зашли в кабинет. Сиган тихо закрыл дверь, занавесил окна, отделив их от всего, что называлось реальным миром.

– Итак, слушайте. Ещё являясь рядовым членом Отдела, за высокие заслуги и порядочность я был также вызван Прискасом в качестве своего ученика. Тогда мне было тридцать три года. Да, сравнивать меня с Десимусом и нечего.

– Так вы тоже?

– Да, как и некоторые из советников по чудесным предметам задолго до меня. Под его руководством я проработал около восьми лет, и затем сразу был взят в Совет. И за год до своего выпуска мастер стал раскрывать мне тайны, раньше никому неизвестные, причём, вовсе не о том, как сделать копатель грядок более продуктивным. Он рассказал мне о существовании некоей субстанции, «вируса контроля», рисовал жуткие картины того, что могло бы произойти, окажись он на свободе. Но, что кажется мне подозрительным до сих пор, он попросил достать его для него. И для этого дал безукоризненную характеристику для Совета и прошение назначить меня на высшую должность. В его стариковских мечтах он полагал, что я должен буду предать Корону и подвергнуть опасности всё государство.

– И как вы поступили?

– Безусловно, я сразу доложил обо всём вашему отцу. Он, к моему удивлению, сразу понял, что я тогда боязно мямлил, и успокоил, что вирус и до этого был под надёжной охраной, но теперь допуск к нему станет абсолютно невозможным.

– А тогда что с вашей миссией? Вы отказались?

– Мастеру, по поручению царя, я сказал, что в данный момент царь очень подозрителен, и любые поиски могут вызвать у него приступ паранойи. Я сказал, что пока нужно затаиться, но потом, когда будет благодатная почва, я обязательно сделаю то, к чему он готовил меня всё это время.

– М-да, – печально протянул Адриан, – выходит, все эти годы он замышлял какое-то зло?

– Не все. До меня весточек из его комнаты не поступало добрую сотню лет. Он или готовился, или пока не планировал своё злодеяние.

После своих слов Сиган погрузился в мысли или воспоминания. Затем, встрепенувшись, он бросил резкий и одновременно испуганный взгляд на юношу:

– Постойте. Ваши крики вначале сбили меня с толку, и я только теперь осознал, что не спросил, а откуда же вы узнали о существовании вируса? Вам Десимус рассказал? Мальчик тоже в опасности? – он схватился за локоть Адриана, затем резко одёрнул руку и начал ходить по комнате, – Боги! Все Двести, кроме Прискаса, что же происходит? Что нас ждёт? Неужели Инженер предпринимает вторую попытку овладеть субстанцией? Но почему сейчас? Ведь юнец под его началом всего пару лет!

– Успокойтесь, господин советник, всё не так страшно, как вы надумали. Ну, с одной стороны. Никто не заставлял мальчика искать вирус.

– А что с другой?

– Прискас заставил меня это сделать.

Капитон заледенел в лице и, замерев и будто не дыша даже, спросил:

– Тебя? – он случайно обратился к нему на «ты», – Вы виделись? Каким образом?

– Он сам принял меня. И пообещал помочь мне в управлении Советом, если я выполню его услугу. Теперь я понимаю, какую. Выходит, гонясь за призрачными тайными знаниями, я чуть не утопил в крови свой собственный Картрад. А, быть может, и всю планету, – детские мечты парня рушились прямо на глазах.

– Возможно, остальной Транквил и вне опасности. Ведь вирус был создан с целью контролировать рабов и уничтожать не повинующихся, то есть, – он замолчал, а венка на его лбу ещё пульсировала, – нас с вами. Коренных картрадцев, потомков Двухсот.

Мрачные мысли, будто материализовавшись, тяжёлым камнем нависли над всем, что находилось в кабинете.

– Выходит, Прискас – вовсе не тот, кем кажется. Он не добрый бог, оберегающий и защищающий отца, дарящий нам свои «игрушки», когда мы плачем. Он жестокий и злой бог, который сидит в своих катакомбах и стремится уничтожить нас? Но за что, советник? Ведь все мы его дети!

– Понять его мотивы сложно... Вы слышали фразу «Двести дорог неисповедимы»? Это означает, что мы, лишь чада от них, не способны познать и истолковать то, что является их волей. Так часто говорит старый Мендах Циоз на заседаниях Совета.

– Позвольте процитировать вас же, мистер Сиган. Это – лишь громкие слова. На деле у любого живого существа есть свои осознанные цели, и оно всеми силами будет их достигать!

– И что вы предлагаете? Забрать оттуда парнишку и заковать старика в кандалы? Позвольте, но это не представляется возможным.

– Нет, мы просто сейчас пойдём к нему и всё узнаем. Он не сможет сопротивляться вечно, – Адриан запнулся, – ах да...

– Во-первых, да. А во-вторых, в его комнатёнку нельзя зайти без его согласия. Стены – крепче крепостных, а дверь работает по его разработкам, которыми он ни с кем не делится. Как он любил говорить, «даже Тёмные боги не проберутся»

– Тогда, всё, на что нам остаётся надеяться, это мирный диалог. Он просит достать ему «вирус контроля», вы умоляете ни в коем случае не делать этого. Думаю, я должен выслушать обе стороны подробнее и одновременно. Вы идёте со мной.

* * *

– Откройте, господин Прискас! При всём почтении, у нас есть к вам пара вопросов! – тарабанили в дверь Адриан и Капитон.

На удивление обоих, открыли им почти сразу.

– Мастер работает, что вы хотели? – Паупер ещё был тут, – он просил передать, что если вы отказываетесь от сделки, то он найдёт кого-нибудь посмелее.

– Нет, я не отказываюсь, я хочу уточнить детали.

– Мастер! – крикнул Десимус куда-то за дверь, – Вы согласны снова принять господина Адриана?

По всей видимости, оттуда ему утвердительно кивнули, раз он гостеприимно распахнул дверь.

– Начальник Сиган? И вы здесь?

– Да, я бы...

– Он бы хотел, – перебил его принц, чтобы тот не наговорил лишнего, – обсудить с Прискасом аспекты нашего дела. Он утверждает, что вы не правы, раз хотите освободить это вещество.

Прискас замахал пальцем, как обычно это делают учителя при неверном ответе. Он быстро достал листок и написал там пару поправок.

– Он говорит, что «вирус контроля» – это существо, а не вещество. К тому же, никто не просил его освобождения. Он просит лишь о том, чтобы доставить его сюда.

– Тем более! – вскричал Сиган, – Если он ещё и живой, и обладает разумом, ему просто необходимо находиться в замке под охраной.

Инженер повёл бровью и переглянулся с Десимусом. Тот понял его знак.

– То, что Картрад всё ещё существует, – инициативу взял принц, – является доказательством того, что раньше ни вы, ни прочие Двести, не допускали неверных, опасных решений. Почему же теперь вы хотите от меня такого?

– Да как вы смеете сомневаться в помыслах мастера? – недоумевал Паупер, для которого тот являлся всем в его жизни.

– Если от меня просят того, что я не в силах объяснить, то я не буду этого делать.

– Как он уже вам отвечал, значит, он найдёт другого.

– Я – Глава Совета, а мистер Сиган – советник по чудесным предметам. Уж как-нибудь мы сможем и тебя отсюда перевести. Либо объясните свои мотивы, либо я сделаю всё возможное, чтобы помешать вам. При всём уважении, господин Прискас.

Старик был в крайнем негодовании, но уже царапал ответ. Капитон же был очень доволен и горд за ответ принца. Тот всё-таки внял голосу разума.

– Господин Прискас понимает, что вы шантажируете своего бога, но всё же идёт вам навстречу. Он расскажет вам, чего хочет. Сегодня, господин Адриан, вы просили у мастера силу, которая поможет вам в управлении Советом. «Вирус контроля» и есть та самая сила, которую вы хотите обрести. Он не подвергает вас опасности, а лишь наоборот – избавляет от неё.

Но Капитона эти слова не убедили, он продолжал стоять на своём, пока Адриан гулял по кабинету и трижды проходил мимо письменных принадлежностей Инженера.

– Я, как и этот юноша, прислуживал вам здесь. Я помогал с чертежами, деталями, бегал в город по вашим поручениям. Вы ведь всегда были таким открытым и добрым, что с вами случилось, если вы хотите погубить наш народ?

Прискас не отвечал на вопли советника, а лишь безучастно смотрел ему в глаза, насмехаясь над его невежеством.

– Мы здесь закончили, мистер Сиган, – прервал перепалку Адриан, – мы уходим. Господин Прискас так и не дал нам внятного ответа, и потому я не вижу причин дальше здесь находиться. Никакой помощи с моей стороны не будет. И спасибо за экскурсию, Десимус.

Двое быстро ушли, оставив старика в покое. Как только тяжелая дверь захлопнулась, мужчина пожал Адриану руку.

– Я хочу сказать, что горжусь работать под вашим началом. Сегодня я узнал вас с новой, сильной и мудрой стороны.

– Спасибо, мне приятно слышать эти слова в свой первый рабочий день. Думаю, я не пожалею о своём решении.

– Нет. Чего бы он не обещал, ничего не стоит тех разрушений, что может принести с собой это существо.

– Я обещаю вам, – парень посмотрел Капитону прямо в глаза, – что сделаю всё возможное, чтобы не допустить похищение «вируса контроля» из замка. Даю вам своё честное слово.

– Я правда рад это слышать. И рад тому, что смог хорошо на вас повлиять. В своё время я поступил также, и, как видите, уж дурного точно ничего не произошло. Не переживайте по поводу своей службы. Вам не нужны какие-то особые силы извне, у вас есть мы, советники, и мы всегда будем рады помочь вам во всех ваших начинаниях. Что же, время расходиться?

– Именно так, господин советник. Спасибо. Жду вас послезавтра на первом собрании Совета под моим руководством!

– До встречи, мой лорд.

* * *

– Да как они! Да вам! – не успокаивался Десимус, которого разъярил отказ Адриана. Прискас же был спокоен и даже слегка улыбался. Он покивал головой и указал рукой на свой стол.

– Да, я видел, там ваша записка, которую вы давали ему. Сейчас выброшу.

Старик сразу яростно начал отмахиваться.

– Что?

Тот начал делать пальцами что-то непонятное, но Паупер, проработавший с ним не один день, сразу его понял.

– Перевернуть? Ой, тут не ваш почерк. Это господин Адриан написал? А я и не заметил, видимо, он сделал это, когда начальник Сиган вас предостерегал. А вы внимательны, подметили. Сейчас прочитаю.

Он уселся поудобнее в кресло и прильнул к бумаге. Он уже привык разбирать в темноте буквы своего наставника, но к новому стилю письма ему было необходимо привыкнуть.

«Сделка всё ещё в силе. Прошу встретиться со мной вне Отдела, чтобы советник ни о чём не узнал. Сегодня, после заката, за Храмом»

Десимус опешил. Он явно не был готов к такому повороту событий.

– Так он... он просто одурачил его!

Прискас наконец довольно кивнул. Он выпрямился и пошёл к дальним полкам, разминая по пути спину поворотами корпуса.

– Что-то вы активизировались, мастер. В последний раз я видел вас таким, когда мы чуть не сожгли лабораторию, и вы пытались потушить это всё тряпками. Да что вы ищете? Давайте я помогу.

Но помощь уже не требовалась. Старик взобрался на стол и с него смог достать некую шкатулку, запylённую и пожелтевшую. Спустившись на пол, он прошёл к другому своему столу и положил её там, указывая на неё рукой.

– Это то, о чём я думаю?

Старик кивнул.

– Но ведь вы хранили их все эти годы... Неужели всё настолько важно?

Тот снова закивал, но уже с раздражением, его утомляло то, что сегодня слишком много людей сомневались в его умственных способностях.

– Вы же помните, что это последняя пара? И в результате они будут уничтожены.

Прискас устало взглянул на него и показал жест, будто бы отрезает тому язык.

– Всё-всё, молчу, молчу. Я всё подготовлю. Он назначил встречу на закате, так что у нас ещё есть время.

* * *

Адриан бесцельно гулял по городу, дожидаясь назначенного часа. Ему было тяжело на душе после такой наглой и дерзкой лжи, так ещё и с обещанием под честное слово.

«Надеюсь, отец не скоро хватится пропавшей колбы, не хранит же он её в конце концов в своём халате!»

Он шёл по улицам, плутал туда-сюда. Периодически ноги заводили его к Храму Двухсот, но он уходил прочь, потому что было ещё рано, а отираться возле этого места лишний раз он не хотел.

«Я – будущий монарх, и потому должен принимать спорные и тяжёлые для меня решения. Волнение советника могло бы привести к фатальным последствиям. Уже один раз он доложил отцу на собственного учителя, мне нельзя повторять подобных ошибок».

Ходьба помогала скоротать ожидание, но ноги уже стали уставать. Отец бы и вовсе разозлился, узнай он, что наследник престола так долго шляется по городу без охраны. Благо, Вик Гвард, его телохранитель, с пониманием относился к его желаниям и иногда позволял тому побыть в одиночестве.

Незаметно для глаз тени вокруг стали потихоньку удлиняться. Люди постепенно начали расходиться по домам, в окнах позажигались тусклые огоньки. Торгаши на площади до последнего не сдавались, но те, кого уже устроила выручка за день, начали собирать всё своё хозяйство.

Адриан вышел на площадь. Вокруг почти никого не было. Домики и трактиры тускло светились изнутри. Он решил покружить вокруг и разведать обстановку на предмет каких-то неприятных или излишне внимательных личностей.

«Это не главная проблема. Кому какая разница, зачем Глава Совета тут гуляет? Но Капитон не должен узнать об обмане. А если узнает, тогда уже и буду думать. Сейчас мне нужно встретиться с Десимусом, ведь вряд ли Прискаса сам вылезет из своей пещеры. И как мы встретимся, примемся за поиски непонятого существа, способного как-то уничтожить всё живое, а затем отдать его загадочному старику, с которым знаком меньше дня. Что ж, я стану или героем для своей нации, или дураком, уничтожившим её. Но в любом случае, не делая ничего, я ничего и не узнаю».

Он подошёл к Храму. Именно здесь он назначил встречу. Если они не болваны, они нашли его секретное послание. Он наконец выдохнул. Больше никаких бессмысленных хождений, ему нужно только дождаться Паупера. Он взглянул на здание, с задней части которого он стоял.

Подумать только. Неизвестно, где именно находился «вирус контроля», но одни лишь закрытые ворота отделяют его от его родных матери и сестры. Да, он их почти не помнил, но родная кровь всё равно притягивала близких людей.

Интересно, как они выглядят? Вживую, не на лживых портретах. Правда ли, что его старшая сестра была в детстве как две капли воды похожа на него? И действительно ли было так, что от её колыбельных он засыпал быстрее, чем от маминых? Воспоминания подменялись рассказами. В возрасте, когда события уже закрепляются в памяти, он видел их лишь один или два раза в жизни, когда посещал ховерстадский Храм, обычно предпочитая ему церковь в родном городе Адрианополе. Это были две девушки. Постарше и моложе. Не родные люди, а лишь служительницы Двух сотен.

Адриан проснулся от своих мыслей. Он даже не заметил, как размышления унесли его в глубокую даль.

– Ты меня слышишь?

– А?

Принц не заметил, как с ним заговорил Десимус. Да, его мысли оказались верными, При-
скас послал своего ученика. Но Адриан уже и забыл, что они общались с ним на «ты».

– Что ты говорил? Я задумался.

– Я просто поздоровался.

– Мы сегодня виделись. Так что, всё в силе?

– Да. Мастер будет помогать тебе в поисках.

– Очень интересно, каким образом?

– С помощью этого.

Молодой учёный достал из-за спины небольшую старую шкатулку.

– Какое старьё. Это что-то невозобновляемое, я полагаю?

– Абсолютно верно. К тому же, последнее в своём роде.

– Так что там?

– Некий коммуникатор. Он вставляется в ухо и связывает двух людей на больших рас-
стояниях. Всё, что нужно – обменяться кровью.

– Прости, что?

– Многие чудесные предметы, исконные, с тех времён, имели такой принцип работы.
Кровь – это нечто большее, чем наполнитель нашего тела.

– И как это работает?

– Если бы мастер знал, сейчас такие вещи были бы уже у всех. К сожалению, даже для
него принцип их работы остаётся загадкой. Всё, что мы знаем – как это использовать.

– Допустим, что я должен сделать?

– Сейчас.

Паупер достал из напоясного мешочка лезвие.

– Будет немного больно.

– Сколько крови нужно?

– Всего капля. И действовать нужно быстрее.

Он огляделся и отвёл Адриана в тень, чтобы проходящие мимо стражи их не заметили.

Он открыл футляр и достал оттуда один из наушников. Это был небольшой кубик, по раз-
мерам схожий с игровой костью, но с небольшим ответвлением, которое вело к барабанной
перепонке.

– Этот – его. И ему нужна твоя кровь.

Он нажал на него, и одна из граней открылась.

– Будем считать это подношением за нашу удачу.

Десимус аккуратно проткнул указательный палец на руке парня, но тот, отвернувшись,
даже никак на это не отреагировал. Затем поднёс подушечку к устройству и понажимал на неё,
чтобы сцедить кровь. Бордовая капелька упала в нужное отверстие, и аппарат загудел.

– Отлично, всё работает.

Он забрал этот наушник и дал другой. Этот, в отличие от первого, светился синим светом
и был менее стабильным.

– Вставляй в ухо. Теперь те мысли, о которых ты подумаешь сознательно, будут переданы
Прискасу, когда я отнесу ему его устройство. Так же и ты услышишь его голос.

– Ох. Это явно не то, что я ждал от сегодняшнего дня. Я стану первым человеком, кото-
рый услышит голос немого бога.

– Не первым, далеко не первым. Однажды он общался так со мной, когда была необхо-
дима совместная и быстрая слаженная работа двух людей.

Адриан был раздосадован, но виду не подал. Даже в этом его опередили.

– Хорошо, я готов, относи ему его наушник.

– Ещё одно предостережение. Как я уже говорил, действовать нужно быстро.

– Из-за стражи?

– Если бы всё было так просто. Дело в том, что кровь Прискаса, которая была влита в твой наушник, уже давно перестала быть такой же обычной кровью, как у нас.

– А что с ней?

– Из-за того, что он столетиями работал с энергией, а прочие инженеры, напомню, не протянули и полувека непосредственных разработок, кровь в его организме смешалась с ней.

– Но как это возможно? Почему он не умирает?

– Это остаётся загадкой для всех. Возможно, даже для него. Но дело не в этом. Из-за того, что устройство работает от энергии, а в его отсек добавляют не кровь, а, можно считать, тоже энергию, оно начинает быть нестабильным, две схожих по составу жидкости тянутся друг к другу, потихоньку разъедая стенку между ними. Когда они соприкоснутся, устройство взорвётся.

– Прямо у меня в голове?

– Если не успеешь вовремя от него избавиться, то да.

– А как узнать, что время пришло?

– Ты будешь слышать тикание, которое потом сменится на гудение. У нас от начала и до взрыва прошло чуть меньше часа.

– Да уж, поторопиться и правда нужно.

– Не переживай, Прискас будет следить за этим. Всё, я побежал. А, нет. Ещё вот, – он протянул мешочек.

– Что это?

– Он сам объяснит.

Не попрощавшись, Десимус отправился обратно. Он торопился как мог, время неумолимо несло вперёд.

Уже темнело. Люди рассосались почти абсолютно, а где-то далеко, наверное, уже зажглись огни Отдела исследований. Медлить уже было нельзя, пора приступать к, возможно, величайшей глупости в его жизни.

Адриан взял наушник в руку и поднёс поближе, чтобы рассмотреть. В отличие от футляра, в котором те хранились, само устройство выглядело куда лучше. Белизна слабо, но держалась, а поверхность была относительно гладкой.

«Эх, и умели же Тёмные боги творить!»

Вдохнув, он вставил длинную трубку в ухо. Он чувствовал неприятных холод от неё внутри себя, но это ощущение сразу же забылось, как только он испытал нестерпимую боль. От испуга он вскрикнул. Ему показалось, будто бы ему в мозг воткнули нож.

– Ай!

Но тут же резкая боль прекратилась, сменившись на слабую, постоянную и ноющую. Он почувствовал холод в ухе, но не тот, что был от устройства. Он коснулся пальцем ушной раковины и поднёс его обратно к лицу. Кровь.

«Что за кошмарные технологии? Что сейчас произошло? Ужасно!»

– Не думал, что дитя Галактиона может вырасти неженкой.

Парень обернулся, огляделся, но никого рядом не было. Это не были и его мысли, ведь свой внутренний голос человек всегда узнает. Он раздавался из его головы, несомненно. Но голос более взрослый. Старше на... несколько сотен лет?

– А вот и вы наконец. Я думал, что моя голова взлетит на воздух до того, как я вас услышу.

– Возможно, этим бы я сделал большое одолжение всей династии. Итак, ты уже знаешь, кто сейчас с тобой разговаривает?

– Тот, кто делать этого по определению не может, полагаю? – улыбнулся Адриан.

Глава V. Диалог с собой

Голос Прискаса был обычным, человеческим, он не отдавал божественным эхом или что-то в этом роде. Адриан просто общался с возгордившимся стариком, пускай и не открывая рта.

– *Итак, ты чувствуешь себя нормально?*

– *Да, если не считать непрекращающуюся боль в голове и кровь из уха.*

– *Так и должно быть. Это была игла-коннектор, как я понимаю. Она взяла толику твоей крови, чтобы установить связь с моей. У меня сейчас произошло то же самое.*

– *Хорошо, давайте поторопимся.*

– *Да. Думаю, мой ученик предупредил тебя о технике безопасности, и мне не нужно повторять?*

– *Всё верно. Итак, мне идти?*

– *Да. Не знаю, заметил ли ты, но Капитон случайно выдал себя. Он проговорился, что существо находится в замке под охраной. Следовательно, наш круг поиска сужается до одного здания.*

– *Да, я тоже это заметил. И не только заметил, но и подтвердил эту догадку. Когда мы остались наедине, я уже сам утвердительно повторил его слова, и он меня не поправил.*

– *Молодец, но не думай, что меня это впечатлило.*

– *Я и не надеюсь впечатлить вас. Я лишь жалкая тень от величия Рэгема.*

– *Молодец. Цитируешь умных людей.*

Пока Адриан подходил к семейному дворцу, он решил обсудить ещё один вопрос.

– *Можно вас спросить? Что за мешочек мне дал Десимус? Он ничего про него не рассказал.*

– *Это смесь. Можно сказать, что это яд.*

– *Отлично. Это для меня, если я провалюсь?*

– *Не такой яд. Этот экстракт не столько научный, сколько знахарский. Очень старый, но сейчас самое подходящее для него время. Если что-то пойдёт не так, я расскажу, как он действует.*

– *«Тик!»*

– *Вы слышали?*

– *Нет, ты же молчал.*

– *Тикание началось.*

– *Пока что оно редкое, раз до этого ты его не слышал. Это ещё ничего, паниковать стоит лишь тогда, когда период между ними будет отсутствовать, и тикание перейдёт в равномерный гул.*

– *Воодушевляюще.*

В тишине он дошёл до ворот замка и прошёл во внутренний двор. Рабочие, хоть и удивившись такому позднему гостю, приветствовали господина кронпринца. Кто-то ещё не знал его в лицо, но другие шёпотом быстро пояснили им, кто перед ними находится.

– *Надо им ответить. Здравствуйте! Здравствуйте!*

Старик разозлился.

– *Ты не мог бы не думать о том, что собираешься говорить?*

– *Простите, вырвалось.*

– *Итак, ты уже подходишь?*

– *Да.*

– *Скажи мне, если почувствуешь себя как-то не так.*

– *Как?*

– *Я же сказал. Не так.*

Пока Адриан ощущал себя совершенно нормально.

«Тик!»

– Снова тикание.

– Не уведомляй меня о каждом тике, пожалуйста. Их будет ещё много.

Принц чувствовал себя флюгером, который застрял, заскрипел и не двигался даже при урагане. О чём говорил Прискас?

Он вошёл в замок.

«Тик!»

Машинально он смахнул подступивший пот.

– Но ведь здесь совсем не жарко, почему я вспотел?

Прискас снова расшвырялся.

– Разделяй, пожалуйста, мысли транслируемые и свои собственные. Мне абсолютно не хочется забивать себе голову твоими глупостями.

– Извините. У меня это первый раз, когда древний бог общается со мной телепатически.

К следующему разговору я обязательно натренируюсь.

– Следующего раза не будет. Твой наушник вскоре уничтожится, и связь разрушится.

В мире больше не останется ни одной пары таких приспособлений.

«Что ж, я не стал первым, кто услышал голос бога, зато я наверняка стану последним из них».

– Я чувствую как меня пробирает до мурашек.

– Я же просил... стоп. Пот, мурашки. Похоже, всё работает как надо! Ух, а я и не надеялся.

– Что такое?

– Ты чувствуешь страх. С каждым шагом он всё нарастает, да?

– Всё верно.

– Это хороший знак. Наша кровь соединилась и начала резонировать. Теперь ты можешь ощутить присутствие «вируса контроля» рядом с собой.

– Но как?

– Эта субстанция... как бы объяснить... Она вселяет дикий ужас в тех, кто находится рядом с ней. Именно по этому чувству мы её и отыщем.

– Отлично. То есть, чем мне страшнее, тем лучше?

– Именно. У Тёмных богов было специальное устройство для этого, но, как ты понимаешь, ему нечего было делать на «Ковчеге».

Адриан пожал плечами: «Кто бы сомневался»

«Тик!»

Он только подумал о тикании, как сразу остановил себя, чтобы снова не злить Прискаса.

– Продвигаюсь. Чувствую, что кончики пальцев начинают трястись. Но меня как будто тянет туда.

То, что он ощущал, можно сравнить с мощным снотворным. Ты не понимаешь, что происходит с твоим телом, почему оно слабеет, а тебе хочется закрыть глаза, причём навсегда, но при этом сладкая нега растекается по каждой клеточке мозга, и ты погружаешься в безылазную пучину страхов, не переживая об этом.

– У меня чувство, как будто я вижу, что по всему следующему залу стелется беловато-пурпурный туман. Или он персиковый? Не могу точно сказать. Но я словно ощущаю его ногами.

– Это уже твои собственные галлюцинации, они не имеют ничего общего с твоей чуйкой. Но, как бы ты это ни видел, похоже, что ты близко. Продолжай двигаться. Осторожно зайди в этот зал.

– *Осторожно? Я прохожу здесь каждый раз, когда нахожусь в столице. Всё, что там есть – это витрина с каким-то красивым старым мечом, да древний гобелен о первых из моего рода.*

Он зашёл в зал. Как всегда, возле одной из важнейших реликвий царской династии стояла вооружённая охрана, на случай безумных вандалов или коварных воришек.

Большой тканый ковёр изображал одно из крайне важных для истории событий – провозглашение Картрадского царства. По центру полотна был вышит первый царь – Рэгем, именем которого впоследствии был назван династический род правителей. Он занимал почти треть всей площади и, раскинув руки и открыв рот, смотрел куда-то вверх. Из-за его головы выглядывал светящийся диск, от которого шли во все стороны дуги, расшитые золотом. По задумке автора той эпохи, голос сравнивался с лучами Оникса, становился равным с ними по важности. Как когда-то свет подарил жизнь планете, так и глас, провозглашающий создание великой державы, принёс новую жизнь каждому, кто бежал на «Ковчег».

Меч же был самым обычным, не одним из чудесных предметов, его как боевой передавали из поколения в поколение. Затем, старея, он стал реликвией и носился просто как символ. Сейчас же, когда он стал практически ржаветь, оружие скрыли под стекло, чтобы хоть сколько-то растянуть его почётный век.

До Галактиона эти два предмета хранились в разных залах, посвящённых каждой из этих эпох. Новый царь же, когда принц ещё был ребёнком, повелел снести их в один зал и усилить охрану. В отличие от, допустим, коридора со статуями и бюстами прошлых правителей, караул здесь никогда не отходил от места своего дежурства. Раньше Адриан объяснял это себе чрезвычайной важностью экспонатов, но теперь он начал догадываться, что это было сделано не просто так.

– *Что там? Почему ты замолк?*

– *Здесь люди, почетный караул. Но для него они слишком хорошо вооружены.*

– *Думаю, теперь ты понимаешь, почему.*

– *Да. Мы пришли. Я чувствую это. Но что мне делать? Они, конечно, послушаются, если я прикажу им уйти, но они тут же доложат отцу.*

– *Не переживай, дитя. Именно для этого и есть тот мешочек. Постой, поразглядывай экспонаты, пока я объясняю тебе, как он работает. Внутри находится порошок. Раньше это было снотворной мазью, но я несколько усовершенствовал её состав.*

– *Если сейчас усыпить их, мы лишь оттянем неминуемую катастрофу.*

– *Я же говорил, что я добавил туда кое-что ещё. С «Ковчег» остались амнезиаки, средства для ухудшения памяти. Видимо, эти чудовища хотели использовать их на нас. Порой я выпиваю их, чтобы забыть те ужасы, но это было слишком давно, чтобы он подействовал, чего нельзя сказать о нашей ситуации. Когда они очнутся, они будут считать, что за это время ничего не произошло.*

Адриан отвязал с пояса мешочек и запустил туда руку.

– *Главное – не надыхаться им самому. Умереть во сне, ещё и от взрыва в голове – самая постыдная участь, что я могу себе представить.*

Обычно в залах таких малых размеров охрану не располагают, но здесь, якобы из-за чрезвычайной важности экспонатов, стояло целых три человека.

Действовать нужно было аккуратно, чтобы ввести стражей в бессознательность относительно одновременно. К тому же, оставался риск для самого юноши.

На ощупь усыпляющий порошок бы чем-то вроде пыли или крахмала. Очень сыпучий и не липнущий к рукам.

Но Адриан чувствовал себя богом. Одно мгновение, и уже в воздухе зависла розоватая смесь. Парень быстро пробежался мимо всех охранников. Мгновение – и их взгляды потупи-

лись. Они стали смотреть в пустоту. Мышцы расслабились, сначала они опустили руки и уронили оружие, а затем и сами рухнули на каменный пол.

– *Надеюсь, этот зал не патрулирует ещё кто-нибудь.*

– *Завтра узнаешь.*

Вскоре все три тела неподвижно лежали у ног Адриана.

– *Сколько он будет... действовать?*

Парень сделал паузу в своих мыслях потому, что снова проклятое тикание наушника напомнило о себе. Но он успешно игнорировал уже несколько последних, ожидая грядущего их ускорения.

– *Около получаса. Обычно мне хватало этой мази, чтобы справиться с бессонницей и мыслями и уснуть по-настоящему.*

– *А затем они просто очнутся и встанут на место?*

– *Да. А если кто-то провалится в натуральный сон, кто-нибудь другой обязательно его разбудит. Всё зависит от их измотанности.*

Парень посмотрел на них.

– *Насколько мне известно, дворцовая охрана поменялась совсем недавно, и эти только вошли на пост.*

– *Вот и славно. Значит, нам нет повода о них беспокоиться. Давай займёмся более важными вещами.*

Старый тканый ковёр висел на фигурном карнизе, немного на расстоянии от каменной кладки. Напротив него стояла витрина, меч в которой теперь, без вечных стражников, смотрелся уже не так величественно. Периодически его забирали отсюда на время, чтобы отполировать и заточить, но былого величия он уже не источал. В одном месте даже начинала появляться трещина.

– *Может, он за гобеленом?*

Он зашёл за тяжёлый ковёр и увидел перед собой лишь точно такую же каменную кладку, как и кругом. Но расхититель не сдался. Он водил по стене, стараясь найти какой-то скрытый рычаг или иной механизм. Но он даже вскрикнул, когда на высоте где-то полутора метров от пола его рука прошла сквозь камень, будто бы его там и не было.

– *Что произошло?*

– *Рука. Я. Она просто провалилась туда. Внутри камня. Я легко могу водить там. Это странно.*

Прискас разозлился и стукнул по столу.

– *А ведь можно было догадаться. Однажды от советника по градостроительству в Отдел поступил заказ маскировочных заплаток, якобы, чтобы скрыть трещины над воротами замка Рэгемов. Как я не понял, что Галактион использует одну из них, чтобы так умело спрятать тайник в стене, которой нет.*

– *А не проще было замуровать его там внутри обычным, настоящим камнем? Так, мне сейчас хотя бы пришлось сходить за киркой или молотом. Это странно.*

– *Посмотри, что там. Возможно, твой отец не так прост.*

Парень сходил за лесенкой и вскоре вернулся. Забравшись наверх, он просунул сквозь ложную голограмму голову. Внутри оказалось довольно просторное помещение, где, сгорбившись, мог бы поместиться целый человек. Посередине стоял дорогой украшенный сундук с треугольником – эмблемой Картрада и рода Рэгем.

– *Нашёл?*

– *Да, он прямо передо мной, в сундуке.*

– *Открывай осторожно, проверь на спусковые механизмы и растяжки. Он же не подозревал, что сюда заберётся его сын. Он мог не пожалеть вора.*

– *Всё чисто. Открываю.*

Сундучок был самым обыкновенным. На нём не было привычного замка – было необходимо лишь нажать на герб. Крышка щёлкнула, ничего более не произошло. Адриан аккуратно начал её поднимать, хотя сам и сгорал от нетерпения. Наконец, его жадный взор упал на содержимое.

– Здесь... здесь монеты! И драгоценные камни! Весь сундук набит сокровищами! – он запуская руки до самого низа, пытаясь выловить оттуда хоть что-то, и старался найти потайное дно, но всё было тщетно.

Старик выругался.

– *Молодец, ты нашёл царскую записку. А теперь будь добр, найди то, что я просил.*

– *Но тут нет ничего больше! Я не вижу!*

– *Тогда всё это было зря. Отлично. Собирайся и иди к себе в кровать.*

– *Но ведь чутьё «вируса контроля» вело меня сюда.*

– *По всей видимости, Галактион знает толк в тайниках. После заявления Капитона он тщательно подготовился ко всему.*

– *Но не учёл того,* – Адриан вылез из тайника обратно в комнату, – *что его будет грабить собственный сын!*

Спустившись, он подошёл к ближайшему факелу, чтобы взять его с собой, но, к удивлению наследника, он был закреплён в держателе массивным болтом и не мог быть снят без специального инструмента.

– *Никогда раньше не замечал...*

– *Чего?*

– *Не важно. Подождите немного, скоро всё будет.*

Он отошёл в другую комнату и в этот раз вернулся с факелом. Благо, в ночное время он не встретил ни одного свидетеля его странных походов туда-сюда.

– *Главное гобелен не подпалить.*

– *Да сжигай его, всё равно на самом деле там всё не так происходило. Уж поверь, я там был. Рэзем придумал название для нашего государства, но сам Картрад вырос за границы Ховерстада уже после его смерти.*

– *Удивительный экскурс, но мне сейчас немного не до этого,* – говорил, поднимаясь, Адриан.

Со светом всё и правда стало гораздо легче. Сундук так и остался бесполезным в его нынешнем деле. Да и, предчувствуя, что на самом деле здесь спрятано, эти драгоценности служили отвлекающим манёвром для жадных грабителей, не знающих о настоящих тайнах этого замка.

– *В те времена отец заказывал в Отделе ещё что-нибудь необычное? Что могло быть использовано здесь.*

– *Нет. Не припомню.*

Поводив факелом по углам, в одном из них Адриан заметил небольшое углубление.

– *Замочная скважина?*

– *О, ты наконец нашёл.*

– *Побыстрее вашего, господин бог.*

– *Не дерзи, а то испытаю вирус на тебе.*

– *Где может быть ключ? Мне кажется, отец с ним не расстанется. Но я не припомню, чтобы он носил с собой хоть один. Этим управляет его ключница, а ей бы такое он вряд ли доверил.*

– *Значит...*

– *...он спрятан где-то в замке,* – договорил он.

– *Отлично!*

– *А если вспомнить, что до этого витрину сюда перенесли, – он спрыгнул вниз и начал всматриваться в лежащее под стеклом оружие.*

– *Я не думаю, что меч влезет в отверстие.*

– *Я тоже, но о том, что меч или сама витрина как-то задействованы здесь, я готов спорить.*

– *Поспорим на целостность твоей головы.*

Как раз в этот момент раздался очередной щелчок. Парень уверенно заметил, что от начала период сократился в два раза.

Адриан приподнял крышку и провёл рукой по затупившемуся временем лезвию. В последние несколько заточек с него попросту соскабливали ржавый налёт, а при попытке пройти точильным камнем лезвие начинало сыпаться. Старое навершие и вовсе было заменено. Меч было решено хранить до тех пор, пока он окончательно не превратится в жалкую оранжево-коричневую пыль.

Немного приподняв оружие, чтобы прощупать ключ под бархатной подстилкой, Адриан заметил, что у до этого монолитного меча шатается навершие.

– *Очень интересно.*

– *Что такое? Ты не мог бы сразу комментировать, что видишь?*

– *Мне кажется, я нашёл.*

Он взялся двумя пальцами за полированный шарик и покрутил его в разные стороны. Наконец раздался звук наподобие щелчка, и он выскочил из рукояти, которая внутри оказалась полой. К навершию был прикреплён стальной ключ, крестовидная резьба которого полностью повторяла ранее увиденный замок.

– *Так вот зачем его забирали так часто! Они скрыли за этим всего лишь одну манипуляцию. Отец вставил в новую рукоятку спрятанный ключ!*

– *Большой молодец. Обязательно похвали его за это, как увидишь. Давай быстрее.*

Вновь взлетев по лестнице, он вставил маленький ключик в скрытый механизм, радуясь тому, что у него с отцом одинаковый ход мыслей.

Шестерёнки внутри затрещали и заработали, убрав засов. Стена выдвинулась на расстояние трёх пальцев.

– *Стена выдвинулась совсем немного. Что делать? Механизм сломался?*

– *Ручками, ручками. Ты чего ждал, что тебе всё до конца откроется и ещё огоньки загорятся, куда идти? Не всё в этом мире так идеально.*

Принц зацепил уже ненужным ключом стену, она поддалась довольно легко, хотя выглядела как недвижимая глыба.

– *Так это имитация. Они обложили деревянную дверь тонким слоем камня.*

На этом усложнения его и так на первый взгляд не казавшегося лёгким дела не закончились.

– *Чего опять замолк?*

– *Он здесь. Теперь точно. Но есть ещё одна проблема. Дело в том, что «вирус» я представлял себе несколько меньше.*

– *А там двадцатикилограммовая цистерна?*

– *В точку.*

– *Что ж, надо было бы предупредить об этом заранее. Моя ошибка. Хотя нет. Это существо должно было держать в страхе всю планету рабов. Как думаешь, боялись бы они маленькой чёрной капли? Это твоё суждение было глупым.*

– *Я не дотащу. Просить кого-то тоже выйдет боком. Уже завтра мне зачитают приговор.*

– Я не могу отправить к тебе Десимуса. Его не знают в замке, это явно вызовет лишние разговоры и расспросы. Тем более, он не многим сильнее тебя. Эх, измельчали нынешние Рэгемы. Ничего с тех пор не осталось.

Эти слова заделли Адриана.

«Ничего с тех пор не осталось... Как же! Осталось, и многое! Мы так же чтим традиции и династию, вернее, династии, ведь на царской страже всегда...»

Он замер от осознания своих мыслей. Это был хороший вариант. Нет-нет, это был плохой вариант, ужасный, но из всех остальных – самый лучший.

Всё это время у Адриана колотилось сердце, чувство пьянящего страха не отпускало его, а наоборот усиливалось.

– Когда это чувство уже наконец прекратится? Оно мешает сконцентрироваться. Мы нашли то, что нужно, отключайте.

– Это не так работает, глупый. Я не могу «отключить» те реакции, которые происходят в твоём организме. Как только ты вытацишь наушник, всё прекратится.

– Ладно. А по поводу грузчика я, думаю, всё решил. Сын предводителя гвардии, Вик Гвард. Он очень силен для своих лет и со мной в дружеских отношениях. Сейчас здесь, во дворце. Я схожу за ним.

– Ты ему сильно доверяешь?

– Важнее то, что он доверяет мне. Беззаветно.

Пройдя по коридорам, Адриан подошёл к его спальне. Не факт, что тот был именно здесь, но начать точно стоило именно с этого места. Когда он постучал, за дверь ничего не зашуршало. Дверь была заперта, но не для того, кто стал Тайным советником. Грациозно достав из внутреннего кармана громадную связку ключей, он своими тонкими пальцами быстро перебрал их все, ища нужный.

– Ага! А вот и он.

Он вытянул ключ с надписью «Вик Гвард. Спальня» и аккуратно открыл им дверь.

«Тик!»

Вся комната казалась какой-то квадратной, грубой, здесь всё лежало по своим местам, а декору и изяществу не было места. И лишь один элемент выбивался из общего описания убранства дисциплинированного стражника – портрет Людовика Гварда, отца хозяина комнаты, в вычурной узорчатой рамке. Это был подарок Адриана Вику на день его рождения. «Этот человек, – сказал в тот день принц, – охраняет моего отца многие годы. Когда я стану новым царём, ты займёшь этот пост. Моя жизнь будет зависеть от тебя, сына самого верного для Рэгемов слуги. Никогда не забывай, кто ты». С тех пор на холодной стене спальни и висит этот портрет как знак уважения как Людовика, так и самого Адриана.

«Тик!»

Пока Адриан осматривал тёмные уголки комнаты в поисках гвардейца, его тело невольно зашагало вглубь комнаты, ведомое любопытством и подогреваемое абсолютно наплевательским отношением к тайне частной жизни. Он приблизился к рабочему месту. Здесь лежал тупой кинжал и точильный брусок, рядом находилась стопка писем. Принц с интересом пролистал их все, однако ничего достойного особого внимания там не нашёл: ни любовных писем от дворянок, ни планов по предательскому убийству всей царской династии.

Выйдя и захлопнув за собой дверь, Адриан направился к коридорам, которые мог патрулировать Вик. Долго искать не пришлось – всем известный светлый ирокез было крайне легко заметить. Членам Царской гвардии было запрещено носить длинные волосы из очевидных соображений, а полностью лысый череп, что выбрало большинство охраны, не устраивал его, и потому ирокез стал для него подходящим вариантом.

– Привет, Вик.

Как только он сказал это, в его ухе снова зазвенело. Период сокращался очень стремительно, было необходимо поторопиться.

– Здравствуйте, мастер Адриан. Наконец-то вы вернулись. Изволили задержаться?

– Да, было много дел. К слову о них, ты идёшь со мной.

Для большей театральности Адриан щёлкнул пальцами и указал на своего приятеля. Перед ним стоял довольно массивный молодой человек, высокий и крепко сложенный. У Вика было лицо человека, не претендующего на чужое место, а занимающегося исключительно своей работой. Принц считал это верностью, и потому всегда был уверен в преданности своего щенка.

Но каким бы внушительным и крупным ни был его страж, буквально пары слов Адриана хватило, чтобы тот, словно безвольная марионетка на ниточках, отправился с ним, не задавая лишних вопросов.

– Дело в том, Вик...

«Тик!»

– ... что ещё не все мои дела завершены. Ты должен помочь мне в одном из них.

– Что я должен сделать?

– Помоги мне дотащить одну вещь.

Двое прошли к тайной стене. Главный охранник принца без каких-либо возмущений взвалил на себя большой стеклянный цилиндр, и они пошли к выходу. Темноватая жидкость внутри вела себя не как вода: её уровень не стремился к параллельности с землёй, а качался, будто пытаясь шагать по стенкам сосуда. Цвет тоже менялся. Возможно, это зависело от освещения комнат, однако казалось, будто бы оттенки менялись от синеватых и серых до смоляных и тёмно-алых.

«Тик!»

То, что Вик, будучи Гвардом, имел тесные связи с построением патрулей, пригодилось ему. Он понимал, что в обычной ситуации юноша вызвал бы обычного носильщика. А раз он тут, то дело было непростым и секретным. И потому, сам не понимая, зачем, он старался обходить всех стражей так, чтобы выйти из замка незамеченным. Сначала дело, потом вопросы.

Юноша взглянул на Вика. Тот шёл всё с таким же бесспорным лицом, не выражающим ни капли сомнения в действиях своего руководителя. Адриан с тревогой думал о том, что будет происходить дальше.

– Вик. Сейчас мы окажемся на улице. Не мог бы ты отстегнуть свой плащ и обмотать эту штуку в него?

Гвардеец не ответил ни слова, но с тревожным подозрением продолжал смотреть на своего друга. Что сейчас происходит? Зачем это?

– *Мальчик мой, ты долго не выходишь на связь. Что там у тебя?*

– *Всё в порядке, мой гвардеец поможет мне. Но тикание участилось, оно практически непрерывно действует мне на нервы.*

«Тик!»

– *Энергия соединяется с энергией в моей крови. Скоро устройство взорвётся, будь готов действовать быстро. Моя помощь уже не требуется, ты всё сделал. И сделал идеально.*

«Тик!»

«Тик!»

«Тик!»

Адриан уже был готов услышать ещё один непродолжительный щелчок. В конце концов, за это время он уже практически свикся с этим. Но вдруг кратковременные звуки прекратились, они слились в одну общую симфонию раздражения.

– *Это началось. Я отключаюсь.*

Не дождавшись ответа Прискаса, он вытащил наушник из ушной раковины. На том месте, где игла вонзилась в его плоть, уже запеклась кровь, и потому процесс вызвал небольшой дискомфорт. Но это явно было лучше, чем взорвавшаяся голова.

Ответственный момент застал их на мосту в город. Прямо перед ними располагалась обширная площадь и чуть подальше – «Ковчег». То место, с чего всё началось.

Оглядевшись по сторонам, он начал искать место, куда выбросить наушник. Впереди спиной к ним стояли стражники. Их семьи вряд ли будут довольны тем, что их кормильцы не вернутся с дежурства. Бросить в небо? Взрыв привлечёт внимание тех же самых стражников. Да, он принц, а «вирус контроля» был тщательно замотан и нераспознаваем, но лишнее внимание – это всё равно лишнее внимание. К тому же, кто знает, когда именно произойдёт слияние энергий? Вдруг устройство уже успеет упасть обратно на землю и забрать за собой их всех? Адриан не собирался становиться калеккой, и потому выбрал третий вариант – ров под ними.

Он быстро снял с пояса свой денежный мешочек и даже не стал доставать оттуда оставшиеся монеты, моментально запихнув туда наушник и затянув потуже. Грубая ткань должна хоть сколько-то сдерживать область поражения, а вода станет глушителем для хлопка.

Каждую секунду он рисковал, ставя на кон как минимум свою руку, но всё прошло гладко и безопасно. Взрыв был очень локальным, с моста можно было заметить лишь вспышку синего света и лёгкие круги на воде, не более. Стражники даже не повернулись, а Вик ничего не сказал.

Наконец они вышли за территорию замка. Связь с Прискасом навсегда прервалась, и они остались вдвоём. Опасность миновала. Одна. Но появилась другая – его собственный товарищ. Прискас годами подгадывал момент, чтобы умыкнуть «вирус контроля», не привлекая лишних людей. А теперь к этому было причастно уже четверо.

– Всё в порядке, Вик? – поинтересовался Адриан.

От ответа, в принципе, могла зависеть его судьба и даже жизнь.

– Как всегда, господин.

– Отлично. Тебе не тяжело?

– Не происходило бы это посреди ночи во время моего дежурства, было бы несколько легче.

– Не происходило что?

– Как я понял, похищение чего-то важного из дворца.

– С чего ты решил? Если что-то делается ночью, ещё не значит, что оно противозаконно.

– Разумеется, господин. Не всё происходящее ночью незаконно, и не все незаконное происходит ночью. Но, в данном случае, оба этих признака совпадают, как я полагаю. Отец говорил мне, что имеет конкретные инструкции на случай кражи из дворца габаритной ёмкости с неизвестной жидкостью. Как я понимаю, это именно она. И ещё, я почему-то участвую в этом.

– Видимо, тебя покорила моя харизма.

– Я верен своей клятве. И она диктует мне слушаться вас.

Пока что Адриан не замечал за ним подозрительного поведения. Да, он расспрашивал неудобные вещи, но Вик вполне имел на это право, так как был втянут в это не по своей воле.

– Мне ты клялся в верности куда раньше, чем Короне, верно?

– Разумеется. Это произошло в ваш день рождения, когда мне только исполнилось четыре года. А в Гвардию я поступил в двенадцать лет.

– Выходит, моя безопасность для тебя первостепенней.

– Это не подлежит сомнению.

– Поэтому ты и должен сохранить нашу ночную прогулку в тайне.

– Значит, вы признаёте, что совершаете кражу?

– Это собственность Рэгемов. Я могу таскать её куда угодно.

– А что было с теми стражами? Почему они лежали на полу без сознания?

Адриан понимал – Вик пошёл в наступление. Пока тот не успокоится, он не сдвинется ни на шаг.

– Скорее всего, они уже очнулись. Это было снотворное.

– А вы не подумали о том, что они могут доложиться моему отцу? А тот – вашему.

Эти слова выдали его – подсознательно он уже начал помогать Адриану замести следы.

– Они не будут помнить о произошедшем. Всё в порядке.

– Так что же всё-таки происходит, мастер Адриан? Во что вы вляпались и затащили за собой меня?

Наследник положил руку ему на плечо и посмотрел в глаза. Он всегда так делал, когда не собирался отвечать на вопрос прямо, но чтобы его бессмыслица выглядела максимально искренне.

– Поверь, если бы ты знал все нюансы, ты бы точно не был бы против того, что мы сейчас делаем.

– Но вы ими со мной делиться не собираетесь, да?

– Ну разумеется!

Вик устало посмотрел на своего приятеля. Мастер снова задумал какую-то авантюру. Это означало, что у его верного гвардейца вновь будет не одна бессонная ночь. Но он принимал его. Он знал – Адриан никогда не будет действовать наперекор интересам государства. Если происходящее и выглядит как преступление, оно таковым не является. По крайней мере, в голове у юного и смышленного принца.

Пара прошла по пустой улице до Отдела. На свету его огоньков жидкость будто бы отдавала тёмно-синим перламутром. Напоминало ночное звёздное небо. Возможно, это оно и отражалось в странной жидкости в руках гвардейца. Дверь открылась. На пороге стоял Десимус.

– Входите, Он ждёт вас.

Все коридоры и этажи были пустыми. Встревоженный парень посмотрел на кабинет Капитона Сигана, но Паупер успокоил его.

– Я убедил советника отдохнуть сегодня от работы, он где-то у друзей, на другом конце города.

– Десимус, тебе стало известно что-нибудь ещё? Сейчас самое время рассказать.

– Да, учитель рассказал мне кое-что. Он писал это, пока общался с тобой. Я передам вам всё. Всё, что он посчитает нужным. И чуть позже.

Адриану не понравился такой ответ. Он крайне не любил находиться в таком положении, в которое обычно сам ставил других.

Поставив на холодный пол большую и чрезвычайно опасную ёмкость, Вик Гвард собрался уходить ко входу в Отдел, чтобы сюда не мог пробраться нежданный гость и нежелательный свидетель.

– Постойте, мистер. Высокий мистер! – Десимус не знал, как его зовут и сказал первое, что пришло в голову.

Тот обернулся.

– Мне приказано попросить вас ещё об одной услуге. Чтобы не вызвать подозрений в замке о пропаже, необходимо поставить на старое место этот бак, но мы перельём туда обычную смолу. Этого будет достаточно.

– То есть, теперь мне нести обратно почти то же самое? – обречённо протянул молодой человек.

– Все мы же не хотим быть повешенными, верно?

– Вик, считай это моим приказом, – добавил Адриан.

– Хорошо, – согласился он, – как закончите, позовите меня, я всё оттащу. Только дайте ключ. Ключ и.. эту снотворную штуку, о которой говорил мастер Адриан.

– Не обязательно делать это сегодня. Мой господин уверен, что царь проверяет то место не ежедневно, и потому мы сможем сделать это завтра после экспериментов. Как раз, когда резервуар освободится.

Обречённый в эту ночь на роль грузчика, молодой гвардеец побрёл прочь.

Когда задумчивость Адриана прошла, а Инженер начал кружить вокруг закрытого контейнера, Паупер начал:

– Так называемый «вирус контроля» – это существо с нашей родной планеты, где под гнётом Тёмных жили предки Двухсот. Неизвестно, обитали ли они там всегда, или их своей извращённой силой создали рабовладельцы, но их цель – порабощение и контроль. Так как «вирус» – жидкость, сам по себе он не может считаться существом в нашем понимании, к тому же, способным выполнять функцию пастуха. Инженер выдвигал некоторые теории, как он должен функционировать по задумке, но достоверно мы не знаем, как его пробудить, активировать. Поэтому, мы считаем, что его можно влить в животное или человека вместо жидкости его организма. Вероятнее всего, крови, ведь так много их технологий завязаны именно на ней.

– А зачем это, собственно, вообще делать? Властелин, – Адриан сам удивился, что обратился к Прискасу именно таким несвойственным для него словом, – неужели вы ностальгируете по тем временам вечного рабства и хотите развернуть их на нашем Транквиле?

Инженер закатил бы глаза, если б знал, что нынче у молодёжи модно так делать в подобных ситуациях.

– Адриан, прошу, сначала дослушай.

– Прошу извинить.

– Итак, допустим, каким-то образом «вирус» стал функционирующим. От первоисточника известно, что единственный инстинкт, которым он будет руководствоваться – инстинкт вожака. Он будет стремиться стать главным во всём и всюду. В ход пойдёт всё – насилие, шантаж, взятки. В конце концов, этот монстр приберёт к рукам всех людей планеты. А все, кто родятся при нём, уже не будут знать жизни без его власти. И так придёт конец свободе земли, на которую он ступит. Теперь понимаешь, почему на «Ковчеге» он был так тщательно заперт и спрятан?

– Да. Почему его *прятали*, я понимаю, – намекнул Адриан.

– А теперь ты поймёшь, почему Мастер хочет высвободить его. По его воспоминаниям, когда Первые люди обнаружили его на корабле, они сразу узнали его и осознали опасность, которая может исходить от него. Обладая уже свободной волей и чистым рассудком, они смогли обезвредить жидкость, добавив в него некое вещество. По описанию это похоже на наш марганец. Точнее, марганцевая пыль. Когда я принёс её Мастеру, он подтвердил, что это она. Благодаря марганцу воля и сила этого существа каким-то образом подавляется. На борту были лишь образцы веществ, которые должны быть на пригодной для жизни планете, и потому их хватило только чтобы ослабить его и крепко закрыть и запечатать дверь. Теперь же мы сможем завершить дело Первых людей!

– Теперь можно говорить? Спасибо. То есть, вы хотите полностью уничтожить «вирус контроля»?

– Практически так. Пока он существует, есть возможность, что он попадёт не в те руки, и все опасения осуществляются. Уничтожив, а не ослабив его агрессию, мы полностью исключим это.

– Ну, слушай, в этих словах и правда есть рациональное зерно, – Адриан обратился к Прискасу, – какова вероятность успеха, и, если что-то пойдёт не так, что с нами случится?

Старик протянул листочек с подробным описанием эксперимента. Видимо, приготовил его заранее.

«Для пробного эксперимента нам понадобится половина от общего количества вируса, разделённая на пять частей. Мы добавим в образец №1 порцию, равную той, что добавлялась

в Легендарную эпоху. В №2 – две порции и так далее. Это необходимо, чтобы узнать, какое минимальное количество пыли необходимо, чтобы побороть тягу существа к повсеместному завоеванию, но сохранить его жизнеспособность».

Адриан сразу оторвался от листка:

– А зачем? Мы же только что обсудили, что его необходимо уничтожить для спасения нашего народа!

– Никто так не говорил. Уничтожить его злобу, но никак не сам «вирус». Для моего Учителя и нашего божества он представляет огромный научный интерес. Без воли к разрушению существо с этим вирусом вместо крови должно будет обладать некими особыми знаниями или навыками, которые могут пригодиться в том числе и на службе Короне.

– Так, что ещё за существо с вирусом?

– Ты прервал чтение. дочитай – и узнаешь.

«Наиболее успешный образец с оптимальным соотношением непосредственно вируса и марганцевой пыли мы поместим в тело заранее обескровленного подопытного. После оживления его вирусом необходимо установить срок наблюдения за ним: если в течение месяца образец не подаст ни одного признака стремления к контролю, эксперимент можно считать успешно завершённым. В случае осложнений или непослушания объект должен быть физически уничтожен, а вирус выведен из организма».

– Так вот оно! То оружие, что вы мне обещали?

Прискас довольно кивнул, отойдя в сторонку.

Принц ещё раз перечитал текст. Последние строки возбудили интерес в нём.

– Итак, вам нужен труп для опытов?

– Да.

– Завтра он у вас будет. Первоклассный и согласный на всё труп.

Глава VI. Образец №4

Утро. Довольно коренастый для своего возраста мужчина с хищным взглядом, густой бородой в две стороны и драгоценным медальоном на шее сидел в окружении сотни стоящих людей. И он имел на это право. Ведь он – Карниф Юдус, и за его словами следило много человек, жадно поглощая каждое с возрастающим нетерпением. Советник по судебному делу говорил только в том случае, когда нельзя молчать, и никогда не сотрясал воздух попусту.

Вокруг на площади собрались зеваки, в самом центре стоял постамент. На нём были двое – уставший охотник и загнанная жертва.

«Советник по судебному делу Совета при Короне и Высший судья от имени Суда Картрадского царства в лице Карнифа из рода Юдусов ознакомился с материалами по обвинению в убийстве члена Совета при Короне и признал их...»

Обвиняемый смотрел на судью. После нескольких дней пыток в камере его недовольство уже утихло, тело было измучено, а душа разбита. Теперь он просто выслушивал фатальные слова приговора и ждал последних из них:

«...убедительными и непровержимыми. На основании всей суммы доказательств и свидетельских показаний, обвиняемый, имя которого следствием узнать не удалось, признаётся виновным и приговаривается к смертной казни через отрубание головы...»

Убийца вздохнул. Хотя бы без долгих мучений.

«...Однако, согласно заявленному ходатайству Совета при Короне от сегодняшнего числа, данный и подобные виды наказания являются излишне благодушными по отношению к преступнику, посягнувшему на человека Короны. В качестве рекомендации Главный советник предложил обескровливание обвиняемого...»

Глаза человека в клетке округлились. Изменение приговора будто окатило его ледяной водой. Хотя подобное сравнение вряд ли можно считать уместным в данном случае – за всё время пыток его поили лишь единожды, и потому сейчас даже капле воды он был бы рад как монах беседе с Двумястами.

«...Я принимаю рекомендацию Совета и подтверждаю изменение приговора...»

По толпе прокатилось две волны – ужаса и одобрительного ликования.

«...Приговор является обязательным и немедленным для исполнения. Уведите подсудимого».

Да, казнь была ожидаема для такого дела, но вид её стал для зевак шоком. Для многих это стало знаменем новых порядков в стране.

– Кровь за кровь!

– Поделом ему!

– Каторжное отродье!

Юноша, которому на момент совершения преступления только стукнуло всего двадцать два года, безучастно выслушивал все оскорбления в свой адрес, ни разу даже не взглянув в сторону обидчиков. Все его мысли были о том, что с ним будет на казни.

Человека раздевали догола, привязывали к столбу где-то в болотах и оставляли на съедение комарам, слепням и другим насекомым. Сочувствующих почти не прогоняли от преступника: отмахивая насытившихся и ленивых насекомых, они давали место новым, голодным и злым, отчего мучения человека лишь усиливались. Безусловно, действие дикое. Впрочем, оно и было заимствовано из обычаев варваров Анспранда, у которых так поступали с любовниками неверных жён ярлов. Но, с другой стороны, чего ещё ждал убийца одного из самых влиятельных людей Картрада?

Человек выглядел довольно молодо для того, кто за свою жизнь успел попасть на каторгу, сбежать оттуда в столицу и убить важнейшего для государства советника. У него были широкие скулы и впалые щёки, а от мучений сосуды в его глазах повсеместно полопались.

Как бы то ни было, казнь свершилась, убийцу раздели и повесили у болота недалеко от стен города. Погода не была дождливой, скорее наоборот, сушила кожу и обжигала глаза заключённого. Он почти постоянно находился в состоянии полубреда, терял сознание, бормотал что-то невнятное даже для него самого. Полуденный зной, казалось, испарил из него всю человечность, и он неестественно дёргался и мычал, incapable сказать и самое простое слово.

Насекомых было немного, и в конце концов бедняга скончался от обезвоживания организма быстрее, чем москиты высосали его досуха. Ночью тело сняли и по тайному поручению сверху отнесли в Главный исследовательский отдел. По документам, предоставленным к утреннему столу Галактиона, дерзкого убийцу, конечно, просто похоронили в том же болоте.

* * *

– Властью Главы Совета при Короне, Тайного советника и полноправного кронпринца, я, Адриан из рода Рэгем, приговариваю твоё тело к служению моей воле после смерти. Раньше ты был беглым каторжником-убийцей, но теперь ты станешь спасителем моего народа.

* * *

На следующее утро, чтобы не вызывать подозрений у местных зевак участвовавшими ночными прогулками принца, Адриан отправился в Отдел, чтобы наконец осуществить то, что планировалось всё это время.

Капитон уже вернулся к своей работе, но вся команда действовала как единый организм, и потому проход через кабинет советника, пара окон которого выходили внутрь Отдела, не вызвал особых затруднений. Киприда, в прошлом коллега и лучшая подруга Десимуса, зашла к тому в кабинет и стала отвлекать Сигана разного рода бессмыслицей, что позволило Адриану проскользнуть незамеченным.

Он быстро прошёл мимо всех залов и спустился на самый последний подземный этаж. Воздух здесь был спёртым и тяжёлым, но, возможно, именно такая атмосфера помогала При-скасу сохранять рассудок все эти века. Внутри его ждали уже знакомые лица.

– Вы ещё не начинали?

– Мы ждали тебя.

Инженер достал простой кинжал и разрезал свою ладонь.

– Вчерашнего кровопролития было мало, или он вошёл во вкус?

– Оказалось, при запечатывании, чтобы избежать рисков, Первые сделали так, что контейнер нельзя будет открыть просто так. Это был не пароль и не кодовое слово. Они выбрали худший из ключей – собственную кровь. То, что никогда не сыскать после их смерти... Они так думали.

Старик положил руку на круглый постамент, который до этого казался простой поблёскивающей поверхностью.

Электрический замок заскрипел и запыхтел, только на его табло упали первые капельки крови Мастера. Ожившая машина с увлечением изучала попавшие на неё образцы.

«Надеюсь, вы осознаёте последствия своих действий,» – загорелось на небольшом тусклом табло. Увидевшие это картавцы смотрели как замороженные, потому что такие технологии не дожили до их времён.

– Кто это нас предупреждает?

– Инженеры прошлого. В том числе, и он сам.

Через час половина жидкости уже лежала в особом резервуаре под контролем Прискаса. Казалось, будто бы эта часть была более взволнована, чем та, что внутри родной банки. Даже цвет немного отличался, а белые вкрапления стали меньше.

Последний из Первых разлил её поровну в пять одинаковых ёмкостей и совершил все действия, которые описывал в своём листке.

Первые два образца остались неизменными, третий немного зашипел и стал багровым, четвёртый и пятый будто бы вскипели, выпустили чёрный пар, а сами приобрели сероватый цвет. Это были лучшие пропорции. Осталось узнать, какая более благоприятная. Долго ждать не пришлось – последняя ёмкость с небольшим писксом испарилась, оставив после себя прозрачную жидкость, похожую на воду. Очевидно, вирус там умер от большого количества марганцевой пыли. В четвёртой склянке такого не наблюдалось, вирус продолжал существовать, но сама жидкость никак не бурлила, не меняла цвет, а оставалась приятно-серебряного оттенка.

Идеальный образец.

Погасив жизнь в первых трёх, Прискас рассчитал необходимую дозу для второй половины резервуара и насыпал туда пропорциональное количество пыли, наблюдая аналогичную реакцию. Всё произошло точно так же, но в больших масштабах. Новая «кровь» готова. Тело подготовили для переливания.

– Как его звали? – поинтересовался Десимус.

– Не знаю, никто не знает. Он просто беглый каторжник с рудников. По заключению следствия, он мог быть политическим преступником, глашатаем, и именно поэтому отомстить за ссылку и отрезанный лживый язык хотел не судье, а именно Тайному советнику. Вот и поплатился.

– Он ведь ещё так юн. Чуть старше нас.

– Поверь, Инфир в своё время вешал и не таких. Не существует минимального возраста у преступников, особенно идейных. В своём возрасте юноши очень пылкие, кардинально настроенные. Этот был из таких, но он направил свою энергию не в то русло, за что и поплатился. Его искупление – служить Короне после смерти.

Мертвецки бледное тело потихоньку наполнялось сероватой жидкостью. Внешне ничего не менялось, он оставался мёртв, но внутри тела происходили удивительные процессы: затекая в вены, вирус расплзлся по новому для него сосуду. Местами он встречался с остатками крови, стоячей без остановившегося сердца, и перемешивался с ней.

Разросшись по всему телу, жидкость начала понемногу исцелять носителя, небольшие и средние раны на теле, последствия побоев, начали затягиваться белыми грубыми шрамами. Тело белело изнутри. Но это уже была не трупная бледность, а какая-то живая, будто это просто нелюдимый дворянин, переживающий слепящие дни в своём зашторенном поместье. Даже волосы слегка побелели и стали грязно-асфальтового цвета.

Чудесным образом отрос даже язык, хоть он и был болезненно-серым.

Наконец, вся жидкость внутри вен приговорённого смешалась в розовую кашу, и кожа стала хоть сколько-то походить на живую, на щеках появился румянец, в области груди что-то начало колыхаться – заработало сердце. Одновременно с этим новый человек сделал свой первый вдох.

Он резко приподнялся, огляделся вокруг, посмотрел на свои руки, тело, и, прикрыв наготу, недоумевающе выпалил:

– Что здесь происходит? Кто вы? И кто я?

Ответить за всех решил Адриан.

– Здесь происходит чудо. Мы твои создатели. Ты идеальный образец №4.

* * *

После эксперимента прошло около часа. Незнакомец привыкал к своему новому телу и пытался наладить контакт с неизвестными ему людьми.

– Что ты помнишь? – спросил вдруг Десимус.

– Совсем ещё ребёнком меня отправили на задание – основать новую колонию нашего народа.

– Тёмных богов?

– Я впервые слышу о каких-то богах, тем более Тёмных.

Прискас запиской объяснил, что это термин людей, как те чудовища сами себя называли, никому известно не было.

– Продолжим. Какую колонию?

– Это прозвучит бессмысленно.

– Допустим.

– Когда корабль со мной приземлится на пригодную планету, я должен буду принять активную форму тираниды и захватить над ними контроль, чтобы они подчинялись моим приказам.

– Форму кого?

– Тираниды. Мой народ умеет менять свою форму на уровне агрегатного состояния. При нагревании, кипении и последующем испарении мы становимся чем-то вроде духа, тёмного облака. Из-за своей формы мы полностью невосприимчивы к любому физическому урону и прочему. Я бы использовал подобное только для защиты от врагов, но многие не так дружелюбны, как я.

Эти слова были хорошим знаком – он не мыслит как агрессор. Однако, было бы слишком наивно делать такие выводы на основании пары фраз, нужно выведать больше информации.

– А что произошло дальше?

– Не совсем понятно. Помню, что работал помощником оружейника.

– Где? Что? Ты же с другой планеты и всё это время был в спячке.

– Какой спячке! У меня отец отсюда, всю жизнь сталь ковал, половина лошадей в нашем городе с его подковами цокает!

– Значит и родился ты здесь?

– Ну конечно. Ой, стоп. Я же не отсюда вовсе, я же тиранид. Хотя нет, я коренной картрадец. Как же всё в голове запуталось. Как будто две абсолютно разные жизни.

Он схватился за голову. Пока подмастерье общался, Прискас вывел на листке возможную причину его поведения.

«Две личности в одном теле, воспоминания обеих смешались у него в голове в одну несвязную и нелогичную цепочку».

Инициативу забрал Адриан:

– Незнакомец, смотри. Расклад таков: ваша раса – тираниды – это некая жидкость в нашем понимании, и ее, немного изменив, мы влили в тело существа с нашей планеты – человека. И ты – то, что получилось в итоге. Из двух мертвых существ мы сделали одно живое. И теперь у тебя в голове воспоминания обеих личностей.

– Что же, это многое бы объяснило. Значит, это не я убил того доброго старика?

– Советника Инфира? Нет, это был жестокий рецидивист-каторжник, ты не ответственен за его действия.

– Но память об этом ужасе навсегда со мной, – он загрустил.

– Наверное, это не так чудовищно, – вмешался Десимус, – как несколько сотен лет в заточении внутри стекла.

– Кому как.

Время пролетело быстро, никто и не заметил, как прошло несколько часов оживлённой беседы о современных реалиях, ситуации в стране, изучения самых известных родов, в тече-

ние которых Прискас просто наблюдал за поведением нового, созданного им, человека. Быть может, он и правда Бог, если смог создать новую разумную жизнь?

Тем временем Вик Гвард перелил в пустую тару чёрную смолу и понёс в замок, перед этим выслушав все подробные инструкции принца по открытию и закрытию тайника. Укутав цилиндр в тёмные тряпки, испачканные в смоле, он потащил его туда, откуда выносил позапрошлой ночью. Мысленно он надеялся, чтобы там были не те же самые стражи. Хватит с тех бедняг страданий, в которых они неповинны.

Он старался быть спокойным, хоть что-то внутри него и паниковало, особенно сейчас, когда ему была поручена личная миссия.

Когда беседа в глубинах Отдела исследований подходила к концу, Инженер дал распоряжение:

«Настало время прощаться. Можете не благодарить меня за то, что спас вас, моих потомков, это моя обязанность как старшего в семье. Я отпускаю Десимуса с тобой в качестве специалиста-наблюдателя. Теперь у вас месяц. Или вы за это время принесёте мне его хладный труп, или не явитесь вовсе, что я расценю как хорошую новость об удачном эксперименте. Если не получится убить его как обычного смертного – обездвигайте его и бегите ко мне. Сегодня будущее пошло по одной из двух дорог, и по какой именно – неведомо даже мне. До встречи. Прискас, Инженер и Последний из Первых, Хранитель Картрада и Бог-создатель разумной жизни».

«Ради таких титулов можно и потерпеть жизнь отшельником в теле старика», – подумал Адриан, но вслух произнёс лишь уважительные слова прощания.

Ровно месяц на то, чтобы узнать, человек рядом с тобой – спаситель или разрушитель твоего мира.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ДИВУС

Глава VII. Спасение

– Надеюсь, твои догадки оправдаются! Удачи на новом месте! – кричал вслед уходящему принцу младший из рода Дивусов.

Адриан ушёл, а Лукреций побрёл в одиночку по городу в сторону маяка. В портовом районе располагался «Дом морей» – его личный особняк, оформленный в корабельном стиле с деревянным фасадом, круглыми окнами-иллюминаторами и драпировкой парусиной стен внутри. Вид из него так же был хорош и любим хозяином – гавань и снующие туда-сюда лодки.

Когда в город приходили корабли-гиганты, Лукреций, если в это время был в Адрианополе, лично встречал капитана и расспрашивал его о скорости и вместительности судна и на какой верфи он был построен.

Во дворце были отдельные входы для жителей – хозяина, будущей супруги и прислуги – и для гостей, в котором дверь вела или сразу в гостиную, где Лукреций принимал дорогих знакомых и проводил вечера за музыкой, или в кабинет для приёмов, где в серьёзной обстановке обсуждал деловые вопросы. И сегодня тема для разговора была как никогда важна – корабль вернулся без половины экипажа.

Юноша уже сидел в своём кабинете и держал в руках все отчётные бумаги. На первый взгляд о нём можно было судить как о человеке уставшем, невыспавшемся, однако те, кто был долго с ним знаком, знали, что эти мешки под глазами и безучастный взгляд были его неотъемлемыми атрибутами независимо от продолжительности, а иногда и просто наличия сна.

Он ничего не говорил, лишь проводил взглядом усевшегося в кресло напротив него моряка и вновь закопался в бумаги. Даже без слов было понятно, о чем он хочет спросить.

– А что мы могли сделать, мой лорд, – начал оправдываться Якоб, старший лоцман на службе у Лукреция, – люди умирали прямо у нас на глазах: кровь изо рта, кровь под кожей, везде кровь! Вот этими глазами видел!

Когда разговор был инициирован, парень наконец подключился к нему, словно только что не был зевающим соней.

– А тел почему не было?

– Так мы их все за борт выкидывали. Мало ли заразно. Хранили бы мёртвых – не осталось бы живых, мой лорд! Приплетётся, как шавка, и не отстанет!

– Товар цел?

– Обижаете! Всё до грамма. Сам смотрел, чтобы никто ничего не трогал.

– Хоть что-то приятное.

– И не говорите, господин! Проклятый скорбут, будь он неладен! Думаю, это не последний корабль, который придёт с этой чумой. Столько ещё хороших ребят потеряем, эх...

В этот же день пришло ещё два небольших корабля. Один – почти цел, на втором – с два десятка трупов в трюме. Была назначена встреча Лукреция, Якоба, и двух капитанов этих кораблей.

История повторилась, но теперь людей было двое. Они сразу стали тараторить каждый о своём, но Лукреций их будто бы не слышал и начал разговор.

– Мне нужно понять, в чём отличие ваших поездок, что так принципиально повлияло на судьбу ваших и ваших моряков. Я буду задавать вопросы, и вы будете поочередно на них отвечать. Начнём. Пункт назначения.

- Северный Рог. Забирали руду с рудников и питание с плантаций.
- У нас была исследовательская миссия – мы подробно изучали и составляли карты северного побережья в районе Ховерстадских владений.
- Время в пути.
- Семь с половиной недель.
- Шесть.
- Команда опытная?
- Конечно опытная! Самая опытная!
- У нас-то лучше будет!
- Прекратите, я понял, у вас обоих самый лучший экипаж. Кстати о нём. Сколько человек он насчитывал на борту?
- Сто двадцать.
- Тоже сто с чем-то.
- С питанием что? Не сокращали порции?
- Стандартный паёк. Сколько положено, столько и давали, лишнего ничего не осталось.
- У нас так же. Вот как вы норму устанавливали давно, так и кормим.
- Так, – протянул управитель, – у вас исследование берега, понятно, а у вас? Какой конкретно груз вы везли?
- Золото и цитрусы. В разных отсеках, разумеется.
- Без потерь?
- Можно сказать, что да.

Дивус задумался. Всё, чем отличались два этих курса – это наличием и отсутствием груза, который в свою очередь остался не тронут. Быть может, географы во время пути останавливались в каких-то зланных прибрежных деревнях и там заразились чем-то от местных? Тогда почему в тех районах нет никаких вспышек странных смертей от крови? Довольно странный и спорный вопрос. Так сразу на него было нельзя ответить.

– Итак, пока что я не могу сказать наверняка. Нужно время, чтобы найти ещё критерии для сравнения. Будьте готовы прийти сюда вновь.

Капитаны ушли. Но даже теперь Лукреций не остался в одиночестве. Только дверь закрылась за одними, в неё сразу же вбежал его личный помощник и в целом крайне хороший человек.

- Вы закончили?
- Да. Все они говорят одно и то же.
- А что вы хотели? Море дурака к себе не пустит.
- И то верно. Нужно зацепиться за что-то, понять, что мы упускаем.
- Мы упускаем прибыли, господин, это точно.
- Да подожди ты со своими деньгами, Якоб! Над всем флотом Картрада нависла неизвестная угроза, а мы даже не знаем, в чём она заключается.
- Но мы и не лекари, это их заботы. Мы торговцы и должны торговать.
- Прости, нет. Сегодня ночью я думал, а за сегодняшний день окончательно убедился в своём решении. Я вынужден перекрыть все торговые пути.

Низенький мужичок встрепенулся. Его будто бы оскорбили, плюнули в самое лицо и затем испинали на конюшне. Негодованию его не было предела.

– Как же так, мой лорд! Это недопустимо! Мы потеряем половину всего, что у вас есть сейчас!

– А если продолжим убивать своих моряков, отправляя их на верную смерть, от нас откажутся абсолютно все поставщики.

– Пощадите хотя бы мелкие суда! Они и ездят недалеко, и возвращаются быстро, а товаров возят на добрую треть от общих доходов!

– Быстро возвращаются, говоришь?

– Ну, да. Неделька-полторы, и уже здесь стоят.

– И целые, не заболевают ничем?

– Почти ничем. Если и помирал кто-то, то они и до этого не особые жильцы были, ничего удивительного.

Лукреций зевнул и сложил руки на столе, о чём-то усиленно думая и поглядывая на своего товарища.

– Странно. Если так посмотреть, то появление скорбута зависит от времени в пути. Но ведь Цитира не было в Адрианополе семь с половиной недель, а они все здоровёхонькие. Его корабль разрушает все мои догадки. В нём кроется разгадка. Но ты меня убедил, мелкие суда пускай продолжают работу. Так хотя бы не уйдём в убыток. Отдай соответствующие распоряжения.

– Цитир этот, я вам скажу, мой лорд, тот ещё плут и ворюга. Я несколько раз с них выходил. И что вы думаете? Подворовывает он, я вам говорю! Вот этими глазами видел!

– Себе в карман?

– И не только! Один раз сотворил какую-то сумятицу с бумагами, да получилось так, что у него целых две бочки клюквы незаписанные на борту оказались, представляете? Он, хоть и подлец последний, но команду свою любит. Каждому тогда раздал. Я тогда первый раз за жизнь клюкву ел. И теперь, даже предложат – не буду. Кислятина редкостная.

– Хватит своих рассказней, Якоб! Имей совесть! У меня матросы умирают, а ты со своей клюквой.

– Не только клюквой! Он ещё один раз весло к себе в дом утащил!

– О, Двести! – Лукреций ушёл к себе в покои.

* * *

На следующий день вести были не лучше: из плавания не вернулось более сотни человек, а это практически одна целая деревня где-нибудь на задворках царства. Безусловно, какой-то уровень смертей был на море всегда. И от этого «морского мора» умирать стали не вчера, но такой размах скорбут приобрёл именно в последнее время, когда торговые компании, в том числе и Лукреция, стали осваивать всё более протяжённые маршруты.

Бороться с этим пытались по-всякому: кто-то посылал на борт монаха, который должен был молиться богам за здоровье моряков. К слову, обычно они, ведущие аскетичный голодающий образ жизни, самыми первыми и погибали, и потому от такой идеи вскоре отказались.

Другие, кто видели в алкоголе спасение и обезболивание, разрешали своим работникам упиваться, чтобы проспиртованных моряков ничего не брало. Результат предсказуем – старшие чины обирали младших и, осушив все бочки в первые дни плавания, в лучшем случае садились на мель, про которую в пьяном бреду забыли, в худшем же – обломки, тела и пустые бутылки прибывало к берегу где-то рядом с деревней, где играли малыши.

Лукреций поступил как хороший человек и как плохой предприниматель – он лишил себя громадных прибылей, пожалев жизни работяг. И в скором времени это спасёт его бизнес – за последующую неделю две известных компании объединились, а затем и вовсе закрылись из-за того, что почти все оставшиеся работники отказались плавать под флагами тех, кто безжалостно посылает на смерть своих людей. Не помогли даже удвоенные жалования.

– Якоб! Сюда!

– Да, мой лорд, что вы хотели?

– Всю ночь я не спал и...

– Я уже не удивляюсь этому, мой лорд. Вы, мне кажется, вообще никогда не спите.

– Подожди. Я думал о тех семьях, чьих мужей и отцов выбросили за борт моих кораблей. Ведь они даже не смогут похоронить их по-человечески.

– Некоторые капитаны перед возвращением высаживаются куда-нибудь и хоронят всех своих в братской могиле. Не думайте так о том, что я вчера вам сказал. Не поголовно же мы всех кидаем.

– В любом случае это делают не родные. А неизвестные моряки так и остаются гнилыми мертвецами где-то на чужбине. Они все ведь надеялись, что, вернувшись и получив жалование, они накормят свои семьи и будут жить в достатке. А теперь ни их, ни денег, и жены с детьми умирают с голода.

– Ваши слова хуже любых кошмаров, мой лорд. Мне кажется, на вас сказывается переутомление.

– Я не устал! – крикнул Лукреций, – я не могу свалиться от усталости в то время, пока мои люди страдают, а моё дело всеми доходами только лишь покрывает затраты! Но то, что я предложу, не понравится тебе ещё больше.

– Вы опять хотите что-то кому-то раздарить?

– Именно.

Старый Якоб вздохнул. Конечно, внутри его очень трогало меценатство и добросердечие юноши, глядя на него, он понимал, что в этом мире ещё осталось священное бесхитрое добро, не просящее ничего взамен, но рассудком он понимал, что ещё пара таких «актов щедрости», и его господин попросту разорится.

– Что на этот раз? Школа или приют? Это хотя бы в Адрианополе? Или опять на отшибе мира, где грабят быстрее, чем вы даёте?

– Тот опыт был полезен, Якоб! Зато мы узнали, что в следующий раз там сперва нужно будет финансировать стражу. А в этот раз своих денег мы не потратим.

– Это как так?

– Все те деньги, предназначенные для платы моряку в конце плавания, которые, если он погиб, мы удерживаем себе, по сути, являются не нашими. Мы должны отдать их семьям погибших. Они рассчитывали на эти средства. Кого-то это спасёт от голода или смерти.

– Да как так не нашими? Мой лорд, он помер, зачем ему деньги? Тем более, лично этот мертвец товар не довёз, корабль не привёл. За что это его семейке, интересно, платить?

– Да за то, – Дивус взвёлся, – что эти люди доверились нам, взошли на мои корабли, а мы не смогли обезопасить их работу. Их кровь и на наших руках! Как ты этого не понимаешь?

– Я согласен с вами сердцем, мой лорд. Только такой щедрый и справедливый человек как вы так поступит. Но головой я неслыханно против таких трат. Жаба душит. Деньги ваши, мой лорд, я просто советую. Главное, чтобы мы с вами не пошли ко дну, будучи на суше.

– Красиво сказал, мой старый друг. Сегодня у меня нет дел, поэтому я займусь подсчётом всех накладных и прочих бумаг, сравню их с реальными доходами. Сможешь опросить сегодняшние четыре корабля, как я вчера это делал?

– Время в пути, пункт назначения, груз и число экипажа?

– Ещё питание и сохранность груза.

– Так точно. Будет сделано. Я встречу их в гостинной, вы не против?

– Я – нет, но Фероксиния планировала сделать там сегодня небольшую перестановку, как она сказала.

– Что ж, тогда не буду гневить будущую леди Дивус и приму капитанов у себя дома.

– Якоб, я же просил. Пока что она леди Сيني. И, боюсь, ещё не скоро станет моей женой. Отец до сих пор не признаёт в ней достойную для меня партию.

– Тысяча извинений, мой лорд. Но, сами понимаете, в таком деле торопить события больно уж хочется. Надеюсь, советник Поркий примет ваше решение.

Якоб ушёл к себе, бубня под нос то, что должен спрашивать у капитанов.

«Место, время, товар, еда и воры».

Затем вставал как вкопанный посреди улицы и говорил уже в полный голос:

– Экипаж! Экипаж же ещё!

Людей в округе давно забавлял этот со всеми открытый старичок в смешной шапке. Мало кто уже узнавал в нём бывшего владельца компании «Холодный ветер», который продал её Поркию Дивусу, когда тот ещё работал у него управителем по уплате налогов. Причина сентиментальна: пустив корни на новом месте в строящемся Адрианополе, он на старости лет решил жениться, и чтобы ничего не мешало его любви под конец жизни, он избавился от прибыльной организации, практически подарив её своему самому талантливому сотруднику.

Прошло время, и «голубка его заката» погибла, а старик вернулся к тому, что умел, туда, где уже был. Уже зрелый Поркий устроил его к своему сыну, чтобы более мудрый Якоб давал советы более юному и неопытному Лукрецию.

* * *

– Господин Дивус, вы заняты?

Дворянин поднял взгляд.

– Что нужно, Цитир? Твоё плавание отменено. Как и любое другое. До каких пор – не знаю. Если проблемы с деньгами, попроси, я могу пристроить тебя на время на одну из мелких лодок, торговлю на них я не закрыл.

– Я знаю, господин. Я не по этому поводу. А что это вы делаете?

– Проверяю ваши бумаги. Всё ли погруженное совпадает с отгруженным.

Лицо Цитира изменилось в гримасе. Он глубоко вздохнул и, набравшись сил, начал:

– Тогда тем более я должен вам кое в чём признаться.

– Что такое?

– В бумагах на мой товар кое-что не сойдётся.

Лукреций даже не повёл бровью.

– То, что ты ворует у того, кто тебя кормит, не является уже ни для кого секретом. Что в этот раз?

– Апельсины, господин. Помните, вы вчера нас вызывали? Я уж думал всё, пропал Цитирка. А вы про этот мор треклятый интересовались. Мне весь вечер совестно было, решил сегодня наконец прийти и признаться. Ну, чтобы совесть свою очистить. Простите меня, пожалуйста, будьте добры, я же не для себя, а для ребят моих! Они туда шли ну вообще никакие. Уставшие, продрогшие, смотреть больно. А как мы цитрусы-то погрузили, от них пахло так приятно, вкусно, прямо будто сок в воздухе витал, ну мы и приложились немного. И через недельку ещё.

Лукреций, не перебивая, продолжал слушать капитана, надеясь, когда уже тот закончит свои скучные оправдания. Конечно, он его не уволит за этот проступок. Есть такой тип людей, которые ну последние сволочи, но если что-то и делают дурное, то на благо другим, да и капитан он был особенный: под его началом люди почти не умирали, возвращались практически в полном составе, иногда даже забирали кого-то с собой с плантаций.

«Под его началом люди почти не умирали».

Лукреция осенило.

– Цитир, ты, возможно, своей халатностью спас тысячи людей!

– Так я прощён, господин?

– Через месяц увидим. Мне кажется, я наконец-то докопался до истины!

– А что будет через месяц?

– Вернётся корабль, который мы отправим сегодня же! Якоб! Иди сюда. Якоб!

Парень оглянулся, но за спиной никого не было. Он вспомнил, что тот давно ушёл, и распоряжаться о срочном рейсе придётся ему самому.

Цитир в непонятках собрался уходить. Причём тут новый корабль и апельсины его особо не волновало, главное, что он не уволен, и его совесть чиста.

Ближе к вечеру корабль был собран. Отправились самые бесстрашные, ведь в последнее время воды очень опустели под гнётом морского мора. В рацион каждого моряка были добавлены цитрусы, два раза в неделю. Контролировать их распределение вызвался лично Якоб, отправившись вместе с остальными на корабле, переименованном в честь поездки в «Спасение».

В последующие за отплытием дни Лукреций выплатил вдовам положенные суммы и со слегка беспокойной душой отправился в столицу. Жизнь его наставника и старого помощника зависела от случайной, возможно бесполезной, информации, полученной от самого ненадёжного источника.

«Лукреций, надеюсь, ты знаешь, что делаешь».

В Ховерстаде у него было достаточно дел, чтобы вернуться в Адрианополь как раз к прибытию «Спасения». Вернее, дело у него было всего одно, но занять оно может всё это время.

Глава VIII. Сделка

– Нет, нет и ещё раз нет! И хватит это обсуждать! Ты знаешь мою позицию!

Поркий Дивус кричал тяжёлым басом на весь особняк. Тёмные волосы с пробивающейся сединой и небольшой лысиной на затылке он носил с гордостью за свой почтенный возраст и даже в домашнем халате сейчас выглядел как достойный аристократ средних лет. Толику человечности ему добавляло побагровевшее лицо, которое приобрело такой оттенок, когда законный владелец этого лица в сотый раз отвечал отказом на в сотый раз сказанную просьбу его сына.

– У меня вас всего двое! И я дорожу вами и не могу выдать за вас не пойми кого! Я эту твою девицу ни разу в жизни не видел! Вдруг она испортит нашу кровь! В этом Адрианополе ни одной достойной женщины, я-то знаю. Как вы вообще познакомились? Ты дал шлюхе на монету больше, и с тех пор она привязалась к тебе как дворовая собака?

Парень проглотил обиду. Он знает, что отец всегда так общается и в данном случае не имел целью обидеть его возлюбленную. Таким образом он просто напоминает всем вокруг, где их место. Просто он такой.

– Отец, леди Сини не заслуживает такого мнения о ней. Она достойная девушка. Просто поверь мне.

– Ты знаешь мои условия. Прежде чем я дам тебе благословение, я должен увидеть её сам. Ты влюблён в неё, и твой взгляд может быть затуманен, ты и не заметишь, как пригреешь змею.

– Она благородная женщина, она ни за что не согласится на это!

– Значит, разговор окончен.

И так продолжалось уже более полугода. Детали диалога могли меняться, но суть его оставалась неизменной. С тех пор, как молодая пара решила узаконить свои отношения, над ними навис принципиальный старик, который, к тому же, был тем ещё старым любовником.

Как уже стало понятно из его слов, он не доверял выбору своих сыновей и стремился лично проверять каждую свою потенциальную сноху. Грубо говоря, он с ними спал и между делом расспрашивал о знатности рода, денежном состоянии и хронических заболеваниях. Бывало, что Поркий советовал кому-то из своих детей жениться на одной из проституток, что недавно идеально его обслужила.

Это противостояние надоело уже обеим сторонам, но каждый продолжать стоять на своём. Лукреций понимал, что в ближайшее время своей настойчивостью он старика не сломает, и потому ему был необходим запасной план, который ускорит эту непоколебимую войну. Самым очевидным был вариант обратиться к своему брату Просперу, ведь где, если не внутри семьи, должно обсуждать такие вопросы?

* * *

Брат Лукреция был самым настоящим подлецом в хорошем смысле этого слова. Да, он избалован, но тратил он только собственно заработанные деньги и никогда не просил у своего отца-советника помощи в этом плане. Да, он был корыстный и во всём искал выгоду, но, с другой стороны, кто бы стал делать что-то, если бы в итоге ничего за это не получил? Безусловно, слово «честь» у него не на последнем месте, но и не на одном из первых. Он был мошенником, но делал всё по закону.

Если его брат делал деньги из воды, то Проспер делал их прямо из воздуха. Его стихия – придворные слухи и редкие вещицы. Новость о нежеланной беременности одной из дворянок он с радостью менял на древний молитвенный фолиант, а, впарив его священнику, получал секрет исповеди одного старого генерала. Эти цепочки он может тянуть вечно, и у него это прекрасно получается.

Дерзко-притягательный красавец был взят на вооружение многими при дворе, и именно через него тек самый широкий поток тайных переписок, передачек, пару раз он даже был организатором романтических свиданий для неуверенных в себе господ.

Да, конечно, не видящий в этом потенциала отец пытался устроить Проспера в настоящее дело, подарив тому государственные прииски, но тот, быстро разобравшись, как всё там работает, назначил туда управляющих, которые идеально справлялись со своими задачами, а сам вновь вернулся к разгульной жизни в столице.

Любой наряд из дорогих адрианопольских тканей всегда был ему как раз, будто бы именно его тело являлось образцом роскошного молодого дворянства, словно подтверждая слова «подлецу всё к лицу».

С семьёй его отношения всегда были хорошими. Род Дивус в принципе не известен внутренними распрями. Отец любил его за его амбиции и предпринимательскую жилку, брат ценил в нём то, что какой бы скотиной он ни был для чужих, для родных и друзей он всегда оставался добрым и благочестивым человеком.

Сегодня Проспер с утра был вызван в замок Рэгемов на первое собрание Совета при Короне под предводительством нового Главы – Адриана Рэгем. Причины такого приглашения были ему неясны, но игнорировать государственную волю он не хотел. По пути он уже мысленно прокручивал все свои последние сделки и думал, где мог проколоться, но ничего ненадёжного не приходило ему в голову.

«Мирклу было известно, что свидетельство о наследстве поддельное, а та лошадь вроде была не очень старая. Кто же тогда, если не они?»

Заседание началось. Царь и все его советники расселись на свои места за большим круглым столом с кожаной обивкой по краям. Стулья были крайне неудобными, без подлокотников и с жёсткими сиденьями, чтобы советники не засыпали во время заседаний и, желая поскорее встать с этой ужасной мебели, быстрее разрешали все дела и тем самым ускоряли работу государственного аппарата. Или же прошлые правители просто экономили на стульях для дворца, что тоже, в принципе, могло иметь место.

Первой стадией заседания было «царское время», на котором присутствовал лидер государства, задавал вопросы советникам, те ему отчитывались, он отдавал поручения и уходил, затем уже наступало «советничье время», когда Глава разбирал остальную повестку и распределял обязанности.

В силу стремления создателей этого зала к красоте и симметрии в расположении стульев, мест за столом было шестнадцать вместо необходимых четырнадцати, и потому оставшиеся два (а при руководстве Адриана – три) принято было называть гостевыми и сажать на них приглашённых экспертов или других необходимых для заседания лиц.

Когда Галактион Второй покинул собрание, верховенство взял на себя кронпринц. В первую очередь он решил разобрать вопрос, касающийся приглашения сюда Проспера, чтобы рассмотреть вопросы государственного управления без лишних ушей, которые, к слову, давно уже пора было отрезать.

– Проспер Дивус, Совет в лице меня сегодня пригласил тебя на наше заседание с целью предложить возглавить большое посольство в соседние страны на нашем материке. Цели – Рупид и Анспранд. Внешняя политика последних десяти лет, возглавляемая в это время советником Короны по межплеменным отношениям Трибусом Зервом, – Адриан требовательно и недовольно посмотрел на старейшего члена совета, который сидел рядом с Проспером, – оставляет желать лучшего. Мы потеряли все контакты, не имеем ни одного торгового пути в те стороны, и по факту не знаем, что происходит в этих государствах. Возможно, они готовятся к войне, а мы даже не подозреваем об этом.

Новое амплуа крайне шло Адриану, хоть и было для него очень ново. Адресант его сообщения сидел на противоположном краю стола, поэтому ему приходилось говорить гораздо громче, что он крайне не любил делать.

– Послам необходимо будет установить дружественные отношения с главами обоих королевств. Ирену Дол, королеву Рупида, также можно будет пригласить к нам в Ховерстад. Она известна своим лояльным отношением к Картраду, и потому это может стать началом крепкого союза. Помимо этого, необходимо будет заключить по несколько контрактов по поставкам чего-либо, объект сделки не принципиален, главное – факт сотрудничества. Неофициально нужно будет незаметно разузнать настроения в народе и его отношение к действующей власти и к Картраду. Безусловно, тебе как организатору будет выделена значительная денежная сумма, которой ты будешь покрывать все необходимые расходы экспедиции. Время на подготовку – полтора месяца.

– Я понял ваш приказ, советник, когда я смогу узнать полный список всех послов, чтобы распределить деньги на их питание и содержание?

– Конкретных цифр пока что нет. Они будут в течение одной недели, и тебя уведомят.

– Буду ждать, мой принц.

– На этом всё, можешь идти по своим делам. Царство и лично я надеюсь на тебя.

Проспер вышел из зала и немного задержался у двери, делая вид, что поправляет сюртук, в надежде подслушать что-нибудь полезное. Адриан и некоторые члены совета знали об этой его привычке, и потому начали обсуждать самые бесполезные в мире вещи. Даже Трибус, который, иногда думалось, тихо умер во время заседания, стал оживлённо и громко рассказывать о том, как в своё время вкусно кормили послов в Анспранде при прошлом ярле Фредере.

* * *

Раздевшись после улицы, Проспер прошёл в свою комнату и накинул на себя домашний халат с поясом. Он был багрового цвета и по краям обшивался мехом. Ткань была невероятно красивая внешне, но внутри была жёсткая, натирала кожу и не пропускала воздух. Но знал об этом только владелец халата, и потому со стороны он смотрелся ослепительно, что ему и требовалось. Это очень наглядно демонстрировало характер столичных Дивусов: главное – то, как ты выглядишь для других.

Переодевшись в домашнее, он перешёл в общий зал, где стоял большой диван и аквариум с экзотическими рыбками.

Юноша удобно разлёгся на ложе, прикрыл глаза и наконец, пока никого не было, распахнул свой неудобный халат. Каким бы сумбурным ни было его утро, теперь он мог спокойно отдохнуть.

– Ох, Двести, я теперь великий посол от Картрада! Я буду общаться с монархами других королевств о погоде и обсуждать с ними важные вопросы от имени целой страны!

Он рисовал в голове себя, входящего в красивейшие дворцы и говорящего с правителями как со своими старыми друзьями. А вот тут его уже приглашают к праздничному столу для дорогих гостей, и вот уже сама королева, подмигивая, зовёт его «обсудить более личные вопросы» в свои покои.

Проспер расслабился и унёсся в мир фантазий. Полёт мыслей нарушила девушка, внезапно вышедшая из спальни его отца. По видимому, она только пробудилась после бурной ночи с резвым стариком, но теперь, судя по её взгляду, была не прочь напрыгнуть и на младшего представителя рода.

Но Дивусу сейчас это было не нужно, и он, не стесняясь и не запахиаясь, просто прогнал её, прислушиваясь к её удаляющимся шагам, чтобы убедиться, что она покинула их поместье. Конечно, она была разочарована, но знала – сегодняшний день принесёт ей не одного приятельного мужчину.

Однако одним посетителем всё не закончилось. Только дверь захлопнулась, как её медленно приоткрыли вновь. В комнату вошёл Лукреций. Брат был так расслаблен и абстрагирован от реальности, что не слышал шагов рядом с собой.

Младший Дивус был немного смущён. Нет, дело даже не в абсолютно голом брате рядом с ним, няньки с детства купали их вместе, и они обоюдно и полностью знали тела друг друга. Да и с кем было обсуждать изменения, происходящие с их организмом, если не с родным старшим братом, у которого творится то же самое? Его скорее немного коробил тот факт, что после годовой разлуки они встретились именно в такой момент.

– А я думал, – парень решил подвести некий итог увиденному, – что у тебя хватает денег на одежду.

Голос его был спокойным, безучастным, практически без какой-либо интонации. Его издёвка пришлось очень кстати и заставила парня зашевелиться.

Проспер ошалел, оживел, огляделся вокруг, начал было прикрываться, но, увидев, что рядом только его брат, расслабился и снова разлёгся на диване.

– Хорошо, что это ты, мой любимый братец. Я испугался, что я понадобился кому-то куда серьёзнее тебя. Давно не виделись. Извини, что я в таком положении.

– Ты легко можешь исправить его. Оденься.

– Для такой долгой разлуки ты слишком необходим. Может, поможешь мне кое с чем, как в старые-добрые?

Юноша засмутился от услышанного. Проспер никогда не лез за словом в карман, а теперь и вовсе стал настоящим нахалом.

– Нет, Проспер, хватит, мы уже не дети, и не можем заниматься этим. Тогда у нас просто не было альтернативы. Я тебе уже говорил это.

– Жаль, жаль, Лукреций, я думал, брат всегда должен помогать брату, когда тот в беде.

– Ты не в беде.

– Многое ты понимаешь! Ладно, что ты хотел?

– Прикройся.

– Даже не собираюсь, я у себя дома. И ты моя кровь.

– Тогда я буду ждать тебя через десять минут в кабинете. Одетого и настроенного на конструктивный диалог.

– Ты одновременно возбуждаешь меня и заставляешь ненавидеть. Ты ужасный человек. Ладно, пойдём. Я даже запахнусь.

Их детские игры уже давным-давно закончились, но старший до сих пор припоминает всё младшему, которому теперь ничего этого не было нужно. Провоцирует его своим поведением, говорит с ним томным голосом, пытается всячески его подловить на скрытом желании согласиться на хоть какую-то близость. И игра эта для него, скорее всего, тоже является просто развлечением и затянувшейся шуткой, ведь и в его жизни с тех пор уже была не одна девушка.

– Итак, что ты будешь просить от человека, которому только что сам отказал? – в тоне одевшегося Проспера не убавилось ноток игривости.

– У меня серьёзная проблема, Прос. Уже долгое время я встречаюсь с одной девушкой. Она понимает меня и поддерживает во всём, что я делаю для «Ветра».

– О, так вы ещё не разорились?

– Мы уже живём с ней вместе и мечтаем пожениться. Но отец не даёт мне своё благословение на брак. Думаю, ты сам догадываешься, почему.

– Он хочет затащить её в свою постель, а ты против?

– И она тоже.

– Ну разумеется. Как-то раз он сватал мне проститутку, ты представляешь? Он сам придумал принципы, а теперь думает, что все должны ему потакать. К слову, об этой девушке, во всём остальном она желательная партия для тебя? Из какого рода?

- Сии.
- Не слышал.
- Это новая семья, они получили титул уже в Адрианополе.
- Понятно. Богатые?
- Вполне.
- Она сама-то красивая?
- Спрашиваешь. Иначе я бы её не выбрал.
- Эх, везёт тебе, братик. Ты наконец-то нашёл себе кого-то. А я вот всё никак не могу, метаясь туда-сюда, – после, немного погоды, Проспер обратился к брату, – Ладно, отец, но я-то почему её ещё ни разу не видел?
- Я хотел познакомить вас, когда уже привезу её в Ховерстад на свадьбу.
- Ну понятно. А от меня ты чего хочешь? Чтобы я сказал отцу не спать с твоей женой?
- Говорить ему это бессмысленно. Я занимаюсь этим всё время, и каждый раз мы оба слышим одни и те же фразы. Нужно придумать что-то необычное. А ты как раз по этой сфере. Ну и, думаю, ты сам будешь рад сделать меня счастливым.
- А себя ещё более несчастным. Ну да ладно, – парень немного подумал, повертев пальцем в воздухе, будто рисуя стрелки, – думаю, я смогу тебе в этом помочь. Но, разумеется не просто так.
- Ты сам говорил о том, что брат всегда должен помогать брату, когда тот в беде.
- Я и помогаю. То, что мне нужна плата за это, не делает утверждение неверным.
- Так что ты хочешь?
- Давай так. Сегодня меня вызвали в Совет и сказали, что я возглавлю большое посольство в Рупид и Анспранд. Ты дашь мне необходимые корабли для этого бесплатно, а деньги, которые мне на это выделит Корона, я приберегу для себя.
- С этим могут возникнуть проблемы. Сейчас дальние рейсы отменены, экипаж умирает от непонятного морского мора. У меня есть догадка, как избавиться от этого, но наверняка я могу сказать ещё не скоро.
- Через сколько?
- Месяц. Как только придёт экспериментальный корабль.
- Отлично. Мне на сборы дали полтора, успеем. И ещё одна вещь.
- Какая?
- Клык Адриана.
- Лукреций автоматически начал было думать, сможет ли он отдать то, что он попросит, но данное условие находилось в разряде того, что точно не пришло бы ему в голову.
- Ещё раз, что тебе нужно?
- Клык Адриана. Клык – это такой острый зуб, Адриан – это такой принц. Я сегодня видел его на заседании и сразу понял, что мне срочно нужен его красивый ровный зуб. Естественно, с письменным подтверждением владельца, что это именно его зуб, а не подделка.
- Ты ненормальный?
- Причём тут это? Ховерстад – город идиотов, готовых последние деньги или тайны выложить за побрякушку, которой больше ни у кого нет. Я сам бы ни за что в жизни не попросил, а если подставить под удар тебя, то почему бы и нет? Я так на этом разживусь!
- Ты ненормальный.
- Называй как хочешь, но теперь, когда я произнёс это, я загорелся этой идеей! Зуб и корабль, и твоя свадьба будет хоть завтра! Ну, наверное, не завтра, но отпраздновать мы успеем даже до моего отплытия! А, и ещё одно условие: мне нужен какой-то её предмет. Вышитый платок, фамильная брошь или что-то такое.
- Ты и это продавать собрался? Её род же никому не сдался в столице.
- Да много ты понимаешь. Это мне для дела нужно, чтобы уговорить отца.

– Как ты вообще собрался это делать?

– Не твоего ума дело! Сказал сделаю, значит сделаю! Ну что, ты согласен на мои условия?

Луcreций помаялся. Он до сих пор отходил от шока с зубом. Проспер всегда выкидывал всякие фокусы, но теперь он превзошёл сам себя.

– Заметь, – он добавил, – я думал, попросить корабли или безотказного тебя на одну ночь, но выбрал корабли! Я уважаю тебя и не буду пользоваться своим положением! Надеюсь, ты это ценишь.

– Ценил бы больше, если бы ты не пытался совратить меня каждой фразой. Но я всё равно благодарен тебе, – он посмотрел ему в глаза, – брат.

Они обнялись и попрощались. Теперь уже младший брат отправился во дворец. Старший же решил больше не выходить в гостинный зал, чтобы хоть остаток утра провести в гордом одиночестве.

* * *

Двое парней стояли друг напротив друга. Принц был в недоумении, почему Луcreций с таким волнением собирался что-то ему поведать.

– Мне очень неловко об этом говорить, я даже не знаю, как ты на это отреагируешь, потому что услышанное явно повергнет тебя в небольшой шок.

– Ну.

– Мне нужен твой зуб.

– Прости, что?

Глава Совета с неким подозрением посмотрел на своего хорошего друга. Буквально на прошлой неделе они обсуждали корабли и ничего не предвещало беды, а теперь твой приятель приходит к тебе и заявляет: «Мне нужен твой зуб». К такому сложно подготовиться.

– Проспер. Только он может помочь мне в одном деле, и взамен он просит меня выпросить у тебя твой клык.

– Почему я не могу помочь тебе с этим за просто так? Скажи, не бойся. Мы с тобой лучшие друзья, и ты можешь мне довериться.

– Дело не в доверии, Адриан. Всё те же тяжбы с отцом.

– Из-за свадьбы?

– Да.

– Тогда понятно. В прошлый раз он сказал мне, что при всём уважении, он подчиняется мне как советник принцу, но дела его семьи – это дела его семьи, и он сам будет устанавливать правила своего рода. Думаю, мой новый титул Главы Совета не особо изменит его решение.

– Угу.

– Так что, я никак не смогу тебе помочь?

– Можешь. Но только если дашь свой зуб. И документ о том, что он твой.

– Ты же понимаешь всю абсурдность этой ситуации, да?

– Да. И никто кроме Проспера не мог стать её виновником.

– Он говорил тебе про посольство?

– Да.

– Как думаешь, если я откажу, это повлияет на его ход?

– Может. Он, конечно, не откажется, но медлить будет максимально.

– Что ж, тогда решено. Передай ему: сегодня я отправлюсь в лазарет и завтра передам ему всё необходимое. Стоит признать – он единственный за всю историю, кто смог вынудить у Рэгема свой зуб.

– Спасибо большое! – Луcreций взорвался благодарностями, – я никогда это не забуду!

– Я на это надеюсь.

* * *

Через пару часов Поркий Дивус вернулся к себе домой. Сегодня, устав от обсуждений, пришёл даже один. Спустя некоторое время Проспер начал свою игру:

– Одобряю выбор, отец. Вчерашняя была крайне хороша.

Старик улыбнулся и хохотнул.

– Спасибо, сын. Неужто и ты приложился к этому сосуду лучшего вина?

– А как иначе? В одиночестве я лежал на кровати неудовлетворённый, но нуждающийся.

Но тут вышла она, и я понял, что мои молитвы услышаны. Не хочу хвастать, но вы разминувшись с ней всего минут на десять.

– Я горжусь тобой, сынок. Ты уже совсем большой. Наверное, скоро и ты поделишься со мной своей невестой?

– Может быть когда-нибудь, но пока что нет достойной кандидатки. Я рад, что ты сам завёл этот разговор. Думаю, моему отцу известно, что второй его сын безумно влюблён в одну особу.

– Ещё бы мне не было это известно! Недоразумение какое-то, а не особа.

– Ну, – Проспер покивал головой и мечтательно поднял взгляд, – не сказал бы. То, что мне сегодня перед заседанием рассказывал Лукреций, совсем не вяжется с твоим описанием.

Глаза старика загорелись.

– А что это он такое говорил?

– Не буду вдаваться в подробности, а то перевозбужусь, но скажу просто: даже наша любимая Офелия, – он поднял вверх указательный палец, – такого не вытворяла, что эти двое скромников делают у себя в особняке.

Поркий побледнел.

– Даже, – он перешёл на шёпот, – Офелия?

– О да, отец, о да.

Девушка эта была полуполюгендарной личностью. Переехавшая в столицу из Закамтона, небогатой приграничной деревеньки, полностью раскрыть свой потенциал она смогла в публичном доме, куда вскоре угодила. Там она не стала отчаявшейся заблудшей душой, даже наоборот, люди были готовы платить, лишь бы она просто посидела рядом с ними и повслушивала их неинтересные истории.

За всё время своей работы она никогда не беременела и ничем не заражалась, оставаясь одной из самых безопасных и искусных проституток Ховерстада, отчего ночь с ней могла стоить дворянину половины его имущества.

– Поверить не могу. Я должен это увидеть!

– Есть небольшая загвоздочка. Может, Лукреций тебе говорил, что она против, но дело не в её нравственности. Она уважает правила нашего рода и была бы согласна, но ты для неё уже слишком стар, и она не считает тебя способным ни на что кроме как молотить языком. И совсем не в том смысле.

– Ишь какая! Малая девка! Да она не знает даже!

– Имеет право, отец. С её искусством наслаждения и незаурядным умом она идеальна. Я уже завидую своему брату. Может быть, мы не будем портить жизнь нашему малышу Лукрецию, и я сам съезжу её проверить? Провести ночь со мной, уверен, она согласится. А тебе расскажу всё в подробностях.

– Всё-всё?

– Всё-всё.

– Хорошо. Сможешь через Иолус оказаться там уже сегодня?

– Да, только приведу себя в порядок. Жди меня завтра днём!

Парень ушёл, а Поркий остался с двоякими мыслями о прекрасной леди Сини и о своём возрасте.

Когда он остался наедине, то подошёл к зеркалу. Старик стал рассматривать себя со всех сторон, хваля то прямую спину, то сильные руки.

– Ишь, старый я, говорит. Вот какой, – он погрозил кулаком своему отражению, – я старый! Есть ещё ром в бочонке!

По одному только взгляду или в особых случаях после пары слов Проспер всегда понимал слабости человека, чем непременно пользовался, играя на их чувствах. Он знал о практически легендарной похотливости его отца и подыгрывал ему, давал ровно то, что тот хотел услышать. Этим приёмом он пользовался часто, порой даже сам того не замечая.

Возможно, некоторые его слова были слишком неискренними, а где-то он переигрывал, но, тем не менее, только ему Поркий дал шанс. И он его не должен упустить. Не столько ради награды за сделку, хотя, разумеется, это тоже стимулировало, сколько из-за заботы о младшем брате, которого он искренне любил.

На ближайшие сутки Проспер засел в одной из свободных спален дворца Рэгемов, где он ожидал зуба Адриана. Принц не заставил себя долго ждать и, желая поскорее помочь своему другу, отдал хоть и мизерную, но часть себя Просперу уже в ночь того же дня.

– Ты мошенник.

– Как вы можете так говорить, мой принц!

– Просто делай то, что должно.

– Ваше рвение благородно, мой принц, но к Поркию я в любом случае смогу пойти только завтра вечером. Таков уж план.

– Твоей неторопливостью двигает лишь лень, или же тебе и правда нужно время? На что?

– Не вдавайтесь в подробности, мой принц. Вашей невинной особе лучше не слышать таких вещей.

– Почему тебе только двадцать один, но раздражаешь ты меня не меньше, чем твой отец?

– Ну я же Дивус. Как иначе-то?

– Лукреций не такой.

– Он дефектный Дивус. Слишком хорош для такой плохой семьи. Но мы всё равно его любим.

– Не обижай его.

– Ни за что, Адриан, – он сразу стал серьёзным и убрал наигранность, – хоть у тебя и не было полноценной сестры, но, думаю, ты всё равно знаешь, что братья друг за друга стеной. Я никогда не дам его в обиду.

– Я знаю, просто напоминаю, что он дорог не только тебе. Я знаю его немногим меньше твоего.

– С нами малыш Лукреций будет в безопасности.

Чтобы немного разрядить пафосную атмосферу, которую он сам и нагнал, Адриан сказал.

– Кстати, смотри.

– Зуб на месте? Что?

– Это жемчуг. Цельный.

– Вау!

Новый жемчужный зуб Адриана почти не отличался от настоящего: форма была идеально подогнана под остальные, и потеря никак не испортила прикус.

Когда наследник ушёл, Проспер прошёлся взглядом по документу.

«ЦАРСКАЯ ГРАМОТА. Сим текстом подтверждается, что зуб (а именно – клык), к которому прилагается настоящий документ, истинно принадлежал Адриану Рэгем, на момент подписания, наследному принцу Картрада, Главе Совета при Короне, Тайному советнику Короны, управителю Адрианополя.»

Он посмотрел на женский кружевной платок с вышитым «Сини» на нём, который несколькими часами ранее привезли из Адрианополя, и, аккуратно сложив полученные вещи на ближайшем комод, начал готовиться ко сну.

* * *

Вечер следующего дня. Лукреций лежал на кровати своего брата, потому что его собственную спальню почти сразу после его переезда в Адрианополь переоборудовали под очередную кабинет.

Поркий был дома, через коридор и налево, но юноша не торопился идти туда. Он боялся обсудить с отцом, говорил ли с тем его брат, и поменялось ли его мнение относительно его любимой.

Наконец-то в дом вернулся старший.

– А вот и наш герой-любовник! Лукреций, встречай брата!

– Я здесь посижу.

– Отец, прости, я немного опоздал! – Проспер пытался выглядеть запыхавшимся, – но я только от леди Сини! Ты просто не поверишь! Лукреций, мы будем делить её на двоих! Я уже считаю её членом нашей семьи!

Старик обрадовался и увёл сына к себе в кабинет, где тот наплёл ему небылиц про то, как хороша и остроумна его будущая сноха, что она в качестве извинения дарит ему свой любимый платок. Восторженные крики доносились за дверью до самой ночи. Когда разговоры затихли, отец чуть ли не выпрыгнул из комнаты и крикнул своему сыну:

– Лукреций, сорванец мой! Что же ты мне ничего не рассказывал! Свадьбе – быть!

Глава IX. Многообещающий союз

Подготовки были недолгими. Благодаря связям и финансам семьи Дивус всё необходимое было собрано в кратчайшие сроки. Семейство Сини же, в свою очередь, озаботилось закусками, костюмами с платьями и приглашениями.

Спустя две недели отгремело празднование. Даже сам царь Галактион посетил это мероприятие. Адриан на свадьбу друга пришёл с Виком Гвардом, Десимусом Паупером и их детищем из «вируса». Недавно существо вспомнило, что на их планете тираниды звали Мо'Рак. Сделав его имя более благозвучным, Адриан нарёк его Морком Безродным и стал повсюду брать с собой, поскольку никаких опасений Морк пока что ни у кого не вызывал и вёл себя как вполне себе обычный и адекватный член картрадского общества.

– Сын, а что это за юноши стали так много проводить с тобой время? Я раньше их обоих не встречал при дворе.

– Знакомся, отец. Это Десимус, он из Отдела и всегда там работал. А это Морк, он помогал мне в Адрианополе с таможней. Очень смыслённый парень.

– Празднуйте, юноши. Пейте за счастье молодых! Пойду поздравлю Поркия. Уверен, старший у него тоже скоро остепенится.

Советник по денежному делу светился от счастья. Девушка и правда оказалась крайне сообразительной и красивой. Его, правда, немного смутило то, что она общалась с Проспером так, будто они впервые встретились только сейчас, но, возможно, она так холодна к нему потому, что чрезвычайно верна своему мужу и тот раз был для неё проверкой и не больше. Это хорошо.

Пообщаться успели и Людовик с Виком.

– Вот уж новости! Сына вижу теперь только на чужой свадьбе! Где ты постоянно пропадаешь?

– Я теперь должен непрерывно следовать за Адрианом везде, куда он пойдёт вместе с Морком.

– Это почему?

– Если что, я должен буду его убить.

– Его друга?

– Да.

– Странные у вас, молодёжи, забавы.

В свет был приглашён даже Цитир, во время отсутствия Якоба выполняющий функции старшего лощмана. Он постоянно пытался примазаться к разным знатным особам в надежде обрасти хоть каким-то связями при дворе. По итогу ему вышло только узнать рецепт вкуснейшей отбивной из ховерстадского вихеля у главной кухарки, но он, в принципе, уже был доволен результатом.

На пару минут заглянул даже Овидий. Правда, он скорее пришёл не на свадьбу, а поговорить с Адрианом. Старик всё пытался обрести духовное влияние на юного принца, чтобы в дальнейшем, когда тот взойдёт на престол, через него наращивать влияние Храма в светской жизни. Безусловно, он не знал, что наследник лично беседовал с одним из Двухсот и не нуждался в религиозных посредниках. Да и свой шанс он упустил ещё тогда, когда Галактион, сам обучавшийся у Овидия, отдал на воспитание своего сына не своему бывшему учителю, а своему духовнику Като, который, к слову, скончался в прошлом году.

Меж тем Проспер пробирался через многочисленных подвыпивших гостей и искал того, кто наконец купит у него рэгемский зуб. Желающие были, но парень считал, что предложенные ими вещи не стоили даже нижнего резца.

Адриан разрывался. На свадьбе было несколько компаний, не связанных между собой, в которых он, по идее, должен был находиться. Жених и невеста пригласили многих гостей из Адрианополя, города, управителем которого он является. Он не со всеми был знаком, но было необходимо уделить им внимание. Отец Лукреция пригласил всех из Совета. Со своими непосредственными подчинёнными он также был обязан обсудить что-нибудь очень государственное. Нельзя было заставлять скучать и его спутников: Паупера и Морка. Они, в принципе, и сами неплохо поладили, но пару фраз им сказать тоже было нужно. В конце концов, сами молодожёны, царь-отец. Принц кружил туда-сюда, будто разносил еду к столикам. В минуты отдыха он подсел к Морку:

– Ты всё на ногах, Адриан? Ты хоть что-нибудь ел?

– Ох, Морки, жизнь в Ховерстаде кардинально отличается от адрианопольской. Здесь свадьба – это, в первую очередь, светское мероприятие, на которое ты приходишь, чтобы показать, что всё ещё жив и обладаешь влиянием.

– А в твоём городе иначе?

– Понимаешь ли, сегодня на свадьбе сотня гостей. А настоящих друзей пары человека четыре. В Адрианополе же только настоящих друзей и приглашают.

– И сколько набирается?

– А столько же и набирается. Вот, в чём разница.

Двое продолжили молча сидеть и думать каждый о своём. Играла музыка.

* * *

Когда празднества наконец подошли к концу, Адриан собрал свою компанию для обсуждения чего-то важного. С недавнего времени в его распоряжении стало целых три спальни: принца, Главы Совета и Тайного советника. Переоборудовав последнюю, он сделал из неё просторный кабинет с толстыми стенами для самых секретных разговоров. На этой встрече присутствовали:

Адриан из рода Рэгем, полноправный наследный кронпринц Картрадского царства, Глава Совета при Короне, Тайный советник Короны и управитель Адрианополя, сын Галактиона Второго, царя Картрада.

Вик Гвард, личный охранник Адриана, гвардеец, сын прославленного Людовика Гварда.

Лукреций Дивус, владелец морской торговой компании Адрианополя «Холодный ветер», младший сын советника по денежному делу Поркия Дивуса.

Проспер Дивус, дворянин и просто удачливый парень при дворе, владелец многих секретов ховерстадского бомонда, старший сын Поркия Дивуса.

Десимус Паупер, сотрудник Главного исследовательского отдела, ученик Инженера, призванный следить за последним членом собрания.

Морк Безродный, тиранид с планеты Тёмных богов, стремление к уничтожению которого, вроде как, было подавлено Прискасом с помощью марганцевой пыли. В данный момент он ещё формально считался под месячным наблюдением, но на деле успех эксперимента уже был на лицо.

Теперь Морк стал полноценным новым человеком. Он был необычной внешности, но это скорее выглядело как бледность от домашнего образа жизни. Его речь была чиста и изыскана, из-за чего его сразу воспринимали как выходца из высшего сословия. Его воспоминания тиранида помогали говорить ему на чистом и высоком ондийском, языке Тёмных богов, на котором говорили сами Двести, и, имея опыт каторжника, его словарный запас пополнился неологизмами, которые образовывали картрадский язык. Потому его произношение было современным, но при этом невероятно благозвучным.

Он часто заводил новые знакомства, пытаясь узнать что-то новое о мире, в котором он оказался, найти себя здесь. Но пока что его призвание было в том, чтобы быть Адриану другом и помощником.

– Итак, давайте начнём. Некоторые из вас ещё плохо знакомы друг с другом, но это вопрос времени. Как вы знаете, с недавнего времени я стал Тайным советником, и потому теперь моя обязанность – находить и уничтожать все опасности для Короны внутри или за пределами Царства. Я считаю, – он икнул, – что пока что я не готов выполнять эти функции в одиночку, и потому мне будет нужна помощь людей, которым я смогу доверять. Вы все каждый в своё время заслужили моё доверие, и потому вы сегодня находитесь здесь.

Просперу было очень интересно, когда это главный мерзавец Ховерстада добился уважения принца, но вслух ничего не произнёс. Он лишил его зуба, а тот за это пригласил его в элитный и тайный союз. Станный он.

– Я хочу создать новое подразделение в моём ведомстве. Но так как слово «Совет» уже занято, я предпочёл назвать его «Круг», как первоначально Совет и назывался. Вместе с вами мы обеспечим безопасность царствования Рэгемов и устраним любую угрозу нашему государству. Каждый даст что-то своё Кругу, и Круг дарует вам что-то взамен.

Вик Гвард стоял очень отстранённо, облокотившись на стену. Он понимал, что находится здесь только из соображений безопасности Адриана, и все эти мысли о помощи советнику его не касаются. Он простой гвардеец кронпринца, как и раньше.

Все слушали внимательно. Конечно, участники были немного перебранными, но всё же отдавали отчёт своим действиям и осознавали всю важность момента.

– Не хотел бы торопить события, Адриан, – предупредил Морк, которого не взяла бы любая доза алкоголя, – но всё же до прошествия месяца с сам знаешь чего разве будет разумно приглашать меня во что-то столь важное?

Адри улыбнулся и положил руку на плечо своему новому другу.

– Морк, уже для всех очевидно, что ты – самый, да и, в принципе, единственный безобидный тиранид во всём мире. Срок не подошёл, но я уверен в твоей непоколебимости. Надеюсь, ты ценишь это.

Братья не понимали, о чём говорят эти двое.

– Что же, думаю, стоит посвятить Лукреция и Проспера в одну тайну. Дело в том, что Морк – это существо с другой планеты.

В своей искренности на хмельную голову Адриан не знал конкурентов.

– С той самой?

– Да, с той самой. И сейчас у него, скажем так, период акклиматизации. Ну, знаете, погода другая, время, нет Тёмных богов. И сейчас мы изучаем, может ли он стать причиной уничтожения нашей цивилизации. Впрочем, – Адриан посмотрел на недоумевающие лица парней, – давайте подробно обсудим это попозже. Сейчас на повестке другое дело.

В разговор вклинился Десимус:

– По всем вопросам о Морке, чтобы не отвлекать Адриана, можете обращаться ко мне. Я работал с Инженером, – он поднял вверх указательный палец, чтобы все знали, что он очень серьёзный молодой человек, – и немного просвещён в этом.

– Спасибо большое, Десимус, – принц прищурился, – но давайте договоримся, что у нас никто друг друга не перебывает. Второй скажет, когда закончит первый. В Круге и так будут размыты границы происхождения, и вы как друзья и одногодки будете обращаться ко мне на «ты», но всё же про взаимоуважение забывать не будем.

– Извини.

– Ничего. Итак, Проспер, скажи, что за кампания намечается у тебя через три недели?

– Нам точно нужно обсуждать это всё именно сейчас? Не завтра, не на следующей неделе?

Ответа не последовало. Было непонятно, это Адриан выпендривался, чтобы подчеркнуть, что воля принца не обсуждается и всё будет происходить тогда, когда он посчитает нужным, или просто отрубился на секунду от выпитого. Не дождавшись ровным счётом ничего, он всё же ответил на вопрос.

– Большое посольство в города Рупид и Анспранд.

– Ты уже разработал маршрут?

– Да. Точкой старта я выбрал Адрианополь.

– Хорошая идея. Адрианополь – лучшее решение.

– Угу. Из его гавани мы выйдем на кораблях и через Нижнее море, обойдя кругом Ведымину пустошь, зайдем в Рупид через северную гавань.

– А есть ещё южная?

– Оттуда снова на кораблях мы отправимся в сторону Анспранда и выйдем на берег в форте Кингар, откуда до столицы ведёт кратчайшая от моря дорога. Вернёмся по обратному пути.

– Не забудь про королеву. Отец просил тебе напомнить.

– Если Ирена Дол согласится прибыть в столицу, мы захватим её как раз на обратном пути.

Вмешался Лукреций.

– Будь у нас дорога до Анспранда, пешком домой вы бы вернулись куда раньше. Королева приехала бы сама, а корабли бы могли обойти всё сверху и забрать что-нибудь с Северного Рога, чтобы не идти впустую, – он протараторил это и почти сразу сам забыл, что сказал.

– Виден глаз моряка, братик.

– Он говорит верно, Проспер. Попробуй договориться с ними о большой дороге от столицы до столицы. Конечно, маршрут оставим твой, но в дальнейшем будем иметь в виду.

– Я попробую.

– Хорошо. Часть дороги до границы мы начнём мостить уже сейчас.

Даже несмотря на то, что Круг – элитарная группа важных людей, но и тут нашлось место затяжённым обсуждениям бесполезных вещей. Лукреций дал очень яркую и эмоциональную характеристику кораблей, на которых поплывёт экспедиция, Проспер зачитал поимённый список участников, разделяя их на красивых и некрасивых, Морк узнал о существовании других государств, а Вик Гвард посчитал, что за последние десять минут он моргнул около ста шестидесяти двух раз.

Возможно, ему было скучно потому, что в данной комнате оставался единственным абсолютно трезвым человеком, но свою бесполезность он, казалось, чувствовал даже подушечками пальцев.

– Не думал, что разъезжать по другим странам так проблемно, – сказал принц, тут же осушив стакан с вином.

Десимус ляпнул, что Морк может отправиться вместе с Проспером, раз уж его так заинтересовали дальние земли, а Адриан взял и воспринял это всерьёз и дал соответствующее распоряжение.

Также Адриан рассказал, что заказал у мастеров по дереву большую карту материка со всеми важными городами и фортами, а также маленькие фигурки разных людей.

– Зачем фигурки?

– Они нужны мне для планирования.

– А словами или на листке не проще изобразить?

– Так более выразительно. Вот представь, сейчас бы я переставил пару фигурок тебя и Проспера на Рупид, потом бы этих сюда, тех туда. Всё наглядно и по своим местам. Сказка!

Лукреций по-доброму подколол своего друга детства.

– И этот человек скоро будет нами править!

– Не торопи события, может быть, меня на следующей неделе убьют.

Все рассмеялись. Гварду шутка не пришлась по вкусу, и он продолжил гармонично сочетаться с книжным шкафом.

* * *

– Я требую, чтобы все посторонние ушли! Я должен говорить лично с королевой!

Длинноволосый мужчина был очень серьёзно настроен. Непонятно было, что этот низкорослик с лицом попрошайки делал во дворце Рупида, но что-то подсказывало, что он несёт с собой важные вести.

Королева попросила всю свою прислугу выйти, попросив лишь свою главную советницу быть рядом с ней.

– Представься, муж, – она, хоть и говорила властным тоном, но старалась держать свой голос на добро-материнском тембре.

– Меня зовут Хомер, и я глашатай и проводник воли моего могучего властелина Эмилиуса.

– Властелина? Тогда почему я слышу о нём в первый раз?

Советница тоже внимательно слушала мужчину и периодически шёпотом комментировала его слова. Королева Ирена была мудра и великодушна, но всегда считала, что две головы лучше.

Один раз в знак благодарности за удачно разрешённый вопрос один из министров подарил королеве и её советнице Аделаиде две пары драгоценных серёжек. Одни – с зелёным камнем, другие – с чёрным. Подарки понравились подругам одинаково, и они решили взять себе по две разных серьги как напоминание о своей тёплой и долгой дружбе.

– Мой лорд здесь недавно, но у него уже есть амбициозные планы на ваш счёт.

– Однажды я овдовела. Больше замужеств не планирую.

– Не в этом смысле, королева. В своей кампании он ищет союзников. Анспранд уже присягнул ему на верность, теперь ваш черёд.

Ирена была задета.

– Эти дикари? Да в какой верности может клясться этот скотоложец Корин? Эти звери даже не знают, чем камзол отличается от сюртука, потому что носят шкуры таких же животных, как они!

– Успокойтесь, королева. Ваши антипатии здесь не к месту, угомоните грызню, ведь на карту поставлено будущее ваших государств.

– И что же это, интересно, не так с моим будущим?

Мужичок выпрямился и превратился из сгорбленного мужичка в довольно статного человека. Было непонятно, какой из них был настоящим Хомером, но в любом случае он вызывал одну только пренебрежительную жалость.

– Давайте начистоту. Вам никогда не было обидно, что ваши народы жили здесь столетиями, но тут прилетели какие-то отщепенцы и заняли самые богатые и вкусные земли материка?

– Вы имеете что-то против Картрада?

– Не что-то, а всё, королева! Эти нищенские беглецы присвоили себе то, что ваше по праву!

Ирене уже было смешно слушать бредни этого оборванца. Когда он ей наскучил, она уже хотела позвать стражу, но Аделаида попросила не делать этого, потому что ей стало необычайно интересно, до чего же ещё может дойти воспалённое воображение больного человека.

– Под эгидой моего господина мы вместе уничтожим эту присваивательскую погань, и он отдаст вам столько их территорий, сколько вы пожелаете и сможете содержать.

– Всё, довольно. Мне надоел этот балаган. Картрад – великолепное развитое государство, и нам есть чему поучиться у их цивилизации. Вы не заставите нас собачиться с ними, пока этот ваш непонятный «господин» сидит непонятно где и делает непонятно что! Прочь!

Мужичка увели. Безусловно, за воротами замка его стереотипно бросили в грязь. Это была специальная лужа для бросков туда неожиданных гостей. Когда происходила сильная жара и лужа пересыхала, госпожа Дол распоряжалась смачивать там землю или сносить с рек ил, дабы не оставлять неприятных людей без киданий. Швырянием занимались четверо специально обученных людей. Они работали попарно и посменно, чтобы данная услуга всегда могла быть оказана при дворе.

– Интересно, и кто же это его надоумил? – сказала королева, когда осталась наедине со своей подругой.

– Если это всё выдумки, то он сам, ведь с ума сходят поодиночке. А уж если это правда...

– Да что правда? То, что неизвестно кто, именующий себя Эмилиусом, якобы собрался сравнять с землёй целую империю? Ещё и заручившись поддержкой двух городов? Причём, в посыльные он взял не какого-то представительного человека, а не пойми что.

– Да, согласна, это всё довольно странно. Но, наверное, весь Картрад такой безумный. Прилетели с другой планеты, основались тут, ещё и владеют неведомой нам магией.

– Аделаида, душенька, ну какой же магией? Откуда она у них? Они просто более развитые. Их изобретения для нас – волшебство, словно кирпичный домик воробью. Сейчас у них, наверное, всё ещё больше изменилось. В конце концов, картрадцы не приезжали к нам с дипломатической миссией уже лет десять, если не больше.

– А как же два года назад? Сам царь здесь гостил.

– Ну, скажем так, – женщина мечтательно отвела взгляд, – у него здесь была своя личная миссия. Ты же знаешь, у меня с ним очень хорошие отношения.

– Знаю, Ирена. Знаю и до сих пор не поощряю это. Вы ведь знаете их менталитет.

– А что с ним не так? В давние времена они часто пересекались с нашим народом, переняли многое из культуры.

– Вы знаете, про что я.

– Ах да. Ну, в этом я с тобой согласна. Единственное, чему мы не смогли их обучить, так это уважению к женщинам. Безусловно, в их стране и есть такие галантные джентльмены, как Галактион, но в большинстве своём они не воспринимают нас всерьёз, не доверяют серьёзных дел и не дают высоких мест. Там женщины нужны разве что только для продолжения рода.

– Неудивительно, что по слухам у них там сплошь одно мужеложство.

– Ну, с этим ты тоже перегибаешь. Не больше, чем в любом другом месте. Слушай меньше сплетен.

– Мы немного отвлеклись. Так что вы думаете по поводу того человека?

– Отвлеклись? Я думала, мы просто сменили тему разговора на следующую, потому что о том болване и говорить нечего.

– Как скажете. Тогда, может быть, охота?

– Я бы не отказалась. Сегодня вполне удачный день для этого. Хорошо. Собираемся. Быть может, снова найдём того кабана? У меня с ним личные счёты.

Монаршая особа в бархатном красном платье с кружевной каймой и жемчужинами на пуговицах живо встала с трона и направилась в свою опочивальню, чтобы переодеться в более удобный наряд для езды на лошади.

Аделаида, которая будто в прямом смысле была тенью своей королевы, потому что всегда носила чёрные наряды, словно бы каждый день умирал кто-то из её родственников, начала распоряжаться. Лошадей запрягли, собак привели, базу подготовили.

Девушки, ещё восемь человек дворян и щепотка прислуги отправились на лошадях в уже облюбленные поля. С ними было четыре собаки – Лапочка, Душка, Верная и Ловец. Королева, которая на охоте была просто ловчей, очень любила их, лично дрессировала с рождения, в меру баловала и никогда не оставляла без внимания. Аделаида не разделяла этой любви к собакам, но мирилась с ними в силу обязательности их присутствия на её любимом занятии. После бессмысленных перебалтываний с Иреной, разумеется.

– Ну что, повеселимся, друзья? Давайте начнём!

Охотничью лошадь королевы та по-доброму называла Золотая Подкова. Она была, как это требовалось, сдержанна, смела, вынослива, не пугалась выскочившего на дорогу зверя, кем бы тот ни был. Ездовое животное было подстать наезднице – однотонного нежного бежевого цвета, а грива отдавала золотом. Кличка не врала – подковы и правда с боков были позолоченными.

Контрастом был конь Аделаиды. Вороной, он был будто соткан из ночного беззвёздного неба. Советница соглашалась кататься исключительно на нём и не терпела под собой жеребца не чёрного цвета. Бывало даже, она на год бросала охоту, потому что её старый конь ушёл в мир иной, а нового ещё не было.

Но психология работала – девушка будто сама Смерть нагоняла своих жертв, а собаки хладнокровно довершали это действие.

Подобные охотничьи вылазки обычно проходили по одному и тому же сценарию: ловчая с остальными выстраивались в линию на расстоянии друг от друга и шли по полю, будив и пугая топотом отдыхающее там животное. Когда кто-то раскрывал себя и начинал убежать, вступали собаки. Те гнались за добычей. Чтобы добиться удачного исхода, наездники окружали дичь с боков и не давали ей скрыться где-то в роще или высокой траве.

Но в этот раз Аделаида переоценила себя и решила убить зайца сама, бросив на скаку в него метательный кинжал. Упорно целясь и подгадывая момент, она не заметила, что начала приближаться к добыче слишком близко, и буквально в следующую секунду под её копытами раздался пронзительный собачий визг. Верная, на которую случайно налетела Аделаида, ещё немного поскулила и вскоре прекратила. Глаза закрылись, лапы обмякли, и она ушла.

* * *

Адриан рано проснулся, но встать с постели смог лишь под вечер. Когда он понял, что даже не помнит, как оказался в особняке Дивусов, до него дошло, что вчера он порядком перебрал. Юный организм, конечно, пока не наказывал его похмельем, но зато и восприимчивость его к градусу была крайне высокой.

Обернувшись в одеяло, он вышел из спальни в главный зал. Там старший из братьев Дивус кормил рыбок.

– Проспер, что я тут делаю? Я что, проспал весь день?

– Ты уже проснулся, Адри? – он не пытался выглядеть наигранно и по-настоящему радостно приветствовал друга, – добрый вечер. Хорошо вчера отметили, да?

– Я тут почему? – повторил он.

– Ты был слишком весёлый, чтобы быть способным дойти до дворца. Я взял Лукреция и отвёл вас ко мне переночевать.

– Подожди, а Вик? Он бы меня довёл.

– Вчера ты доверял больше мне, чем этому тупому громиле.

– И что я делал?

– Много всего. В том числе, ты вчера создал Круг. Это же всё ещё в силе?

– Да, конечно. А ещё что?

– Ты устроил нам целое собрание и мучил разными докладами. Оно, конечно, здорово, что ты получил такую важную должность, но это не даёт тебе права так над нами издеваться!

– По всей видимости, тот я считал, что иной повод собраться всем вместе нам ещё не скоро представится.

– После этого мы втроём пошли сюда продолжать празднование и развлекаться. Отца не было, и мы взяли его алкоголь. Ты правда ничего не помнишь?

– Про Круг помню, я там был ещё в сознании, а потом отрывками, и непонятно, может быть, часть этого была снами.

– Не переживай, Адри. Всё в порядке. Свадьба прошла отлично. Ты собрал Круг, а потом посидел у нас за душевными беседами. Этот день был по истине историческим!

Глава X. Посольство

– Чудесные новости, Адриан! Моё «Спасение» оправдало своё имя! Команда вернулась в целостности и сохранности.

– Отлично. Значит, можно отправляться?

– В принципе, да, можно начать на неделю раньше. С Морком всё в порядке?

– Вполне. Сейчас он занят с моей подругой детства изучением манер, так что перед ярлом и королевой в грязь не упадёт.

– Не думаю, что вообще стоит выставлять его во дворец. Он, конечно, выглядит как человек, но всё равно из-за своей бледности выделяется среди толпы.

– Пусть Проспер решает, где и кому находиться во время посольства. Может, он отправит его на улицу подслушивать всякие вести.

– Будь я там, я бы так и поступил. Ну что, я приказываю готовить корабли?

– Да. А я прикажу всем членам миссии собираться и привозить вам свои вещи.

– Только не особо много, хорошо? А то Проспер возьмёт с собой половину всех продажных девушек Ховерстада, а Трибус, если он всё-таки поедет, то прихватит вторую, просто чтобы не казаться бледнее на фоне человека, которому в обход него доверили вести диалог с племенами.

– Слышал, ему вчера полегчало. Так что, жди старика на борту!

Они разошлись по своим сторонам. Лукреций отправился в «Холодный ветер», Адриан наконец-то пошёл в свою комнату, чтобы впервые увидеть своё детище: в отдельной крохотной комнатке стоял большой дубовый стол, в точности повторяющий ныне известные очертания материка. На месте Ховерстада был маленький замок с точёными башенками и крохотными окошками. Адрианополь был отмечен фигуркой корабля на резвой волне.

Иностранные города так же находились здесь. Гордый Анспранд обозначался конём, поставившим копыто на лежащий меч. Местные были хорошими воинами и первоклассными наездниками. Расположение города на низине, окружённой с трёх сторон горами, конечно, оставило свой неприятный след на развитии государства, но за то почти к минимуму свело возможность неожиданного нападения.

На месте Рупида стоял котёл, потому что до сих пор в Картраде большинство считало их ведьмами. Пошло это из прошлого, когда одна из королев и правда владела некими тёмными силами. Она ставила эксперименты на подданных, других посылала во все возможные места, чтобы они привезли какой-то редкий ингредиент. Её свергли, и в этом городе помог юный Картрад, тогда ещё маленькое государство, пытающееся выжить на новой планете.

Вообще, сам город был построен на перешейке между большой землёй и полуостровом. Что парадоксально, закрыв доступ к земле полуострова, сам Рупид тоже не торопился осваивать те земли, потому что не видел в них особой значимости ни по ресурсам, ни по местоположению.

Именно сюда была изгнана королева. По местным легендам она ушла самостоятельно, когда поняла, что её больше никто не боится и никто не станет слушаться. Не взяв с собой ничего, она скрылась в бесконечной тени дикого леса. Скорее всего, в тех неизведанных местах она и нашла свою смерть, и потому эту территорию стали называть Ведьминой пустошью.

Фигурок у Адриана было немного – только члены Круга, но этого ему уже было достаточно, чтобы чувствовать себя великолепным и предусмотрительным стратегом, для чего, собственно, этот стол и заказывался и стал причиной смерти одного из старейших дубов страны.

Он передвинул фигурки Морка и Проспера в Адрианополь. Конечно, они оба пока что находились в столице, но ему уже не терпелось начать двигать своих «игроков».

– Ну что же, игра началась, – в пустоту сказал принц для красивого словца, хотя сам не понимал, о какой игре идёт речь и что такого интриганского в простом походе к варварам-соседям.

* * *

Посадка началась. На всех было выделено два корабля – главный и сопровождающий. На первом располагались все действующие лица экспедиции, без которых бы всё пошло прахом, а на втором находились все те, кто должен будет прислуживать и исполнять любую прихоть дипломатов: повара, портные, небольшой военный отряд, музыканты, проститутки.

Главной особенностью этого рейса стало то, что всех присутствующих будто на убой кормили апельсинами. Лукреций и Якоб распорядились, чтобы каждому раз в полторы недели доставалось как минимум два фрукта.

Путешествие прошло довольно гладко, если не считать обнаружившейся у Морка морской болезни, от которой большую часть поездки он провёл, свешиваясь головой за борт. Дорога так же оказалась короче предполагаемой – быстрые судна Лукреция сэкономили им пару-тройку дней.

Конечно, большинство времени до горизонта простиралось одно только море, но от того редкие песчаные островки и выглядели такими притягательными и живописными. Ведьмина пустошь же на деле оказалась не такой жуткой, как всем представлялась. По крайней мере, на её границе с водами по всей длине тянулся красивый обрыв, в котором, будто слои отрезанного торта, виднелись каменные пласты известняка, песчаника и местами угля. Будь у всего этого сильная рука, возможно, пустошь и перестала бы быть пустошью, а мир услышал о новом оазисе, куда стекаются торговцы или паломники.

Рупидская северная гавань была окаймлена каменной набережной и кирпичными домиками. Довершал этот пейзаж высокий маяк, огонь которого стоял столбом и был виден за много миль вокруг.

Не удосужившихся заблаговременно предупредить о своём прибытии гостей встречали без особых почестей просто потому, что гонец с вестью о прибытии прискакал в город буквально вчера, совсем немного разминувшись с теми, о ком он предупреждал.

Ирена была рада, что Картрад наконец вспомнил о них, но чисто физически не успела предпринять что-то для их тут удобного расположения.

Всё начало готовиться в срочном порядке: приёмы во дворец отменили, лужу для бросков осушили, гвардейцам доспехи украсили живыми цветами, Аделаиду заставили надеть бирюзовое платье, что она восприняла как анафему.

Как и предполагал Лукреций, Проспер оставил Морка следить за прохожими. Он накинул капюшон и неприметный коричневый плащ в пол, чтобы своей внешностью не отпугивать местных.

– Слышала, к нам инопланетяне эти приехали?

– Да. Вот им у себя не сидится!

Тиранид прошёл дальше. Слово «инопланетянин» было ему оскорбительным.

– Вон они, вон! Зашли во дворец! Интересно, что они будут обсуждать?

– Да всё. В последний раз они сюда ещё в моём детстве приезжали. Теперь тем для разговоров полно, может, мне с ними увязаться? Вдруг возьмут? Я хочу мир повидать.

– Да кому ты там нужен? Тем более, Ивалина тебя не отпустит.

Что ж, настроения в городе были различными. Подслушав ещё пару диалогов, Морк отправился в более отдалённые районы города, где не каждый второй говорил о новых гостях, чтобы узнать, чем живёт сам город.

– Сколько с меня?

– Шесть медяков.

- Держите.
- Но тут пять!
- Извините, вот.

Кто-то и вовсе просто ругал своих деток.

- Хватит отвечать незнакомцам! А вдруг она тебя заколдует и украдёт?
- Ну бабушка! Она просто хотела угостить меня кусочком пирога.
- Так это она откармливает тебя перед тем, как есть!
- Хватит! Мне страшно! Я никогда так больше не буду!
- То-то же!

Больше всего его позабавил галдёж сумасшедшей:

– Право тебе говорю, тёмные времена настали! Тётка моя сказала, что давеча во дворце умерла королевская собака!

- И что?
- Так её знаешь, как звали? Верная, не иначе! Это точно!

– И что с этого? Сдохла и сдохла. Пусть и остальные за ней отправляются, столько денег на них небось тратят.

– Да знак это! Знак! Если во дворце верность умерла, то наверняка жди беды! Вдруг Ирена в опасности?

- Да кто с ней что сделает? Она хоть и дура дурой, но добрая же.
- Да незнакомцы эти! Клянусь тебе, придёт чужак, она не распознает в нём врага, и всё!

Сгубит он нашу душеньку!

Старуха чуть не в слезах пыталась уверить свою не менее пожилую подругу в надёжности её домыслов. Та упиралась и называла её чокнутой.

- Да ты просто слепая, если не видишь!

Собеседница уже в открытую насмехалась.

– Ох, Фита, ты и раньше бредни всякие говорила про будущее, про тучи в небе, но теперь что-то ты уже загнула! Может, ещё и ты её спасёшь?

- И спасу!
- И как же это интересно?
- Я пока не придумала.

– Шла бы ты домой, спасительница. Видать, совсем уж перегрелась, голубка.

Морк слушал бесполезные для его миссии разговоры с куда большим интересом, чем нужные. Под впечатлением от услышанного он побрёл за женщиной и вскоре осмелился и заговорил.

- Здравствуйте...
- Денег нет, проваливай.
- Я по другому поводу...
- Отвяжись!

Юноша не понимал, отчего к нему проявлялась такая агрессия, ведь он не сделал ей ничего плохого. Так как при дворе его не учили общению с обезумевшими простолюдинками, он решил импровизировать.

- Ненароком я услышал ваши слова про королеву.
- Хочешь поиздеваться? Сказала же, иди своей дорогой.
- Нет. Стойте. Хватит кричать на меня ни за что! Выслушайте сначала.
- Мне-то что с этого будет?

– Я постараюсь вам помочь. Вы сказали, что попробуете найти способ спасти её. Если все ваши предположения – правда, то я мог бы что-то сделать.

- Ты серьёзно сейчас? – агрессия сменилась недоверием.
- Абсолютно.

– Пойдём со мной. Не хочу позорить тебя перед всеми общением со мной.

За углом они зашли в незапертую хибарку. Внутри был спёртый воздух и настойчивый запах чеснока.

– Пожалуйста, не считайте вашу компанию для меня позорной. Я не местный, и потому мне плевать на их мнение, они мне ничего не сделают.

– Так ты не отсюда? Чейный же ты тогда, милок? Где делают таких беляночек?

– Очень издалека. Даже дальше, чем вы представляете.

– Картрадский пёс что ли?

– Можно и так сказать. Но не так категорично.

– Так ты посол?

– Нет, но я почётный член посольства. Посол сейчас на приёме, наверное, уже ужинает.

– Небось рядом с этой змеюкой Аделаидой!

– Кто это?

– Советница её. Чёрная вся с ног до головы постоянно, будто других цветов в одежде не знает. А кожа бледная-бледная, будто мертвячка! – затем она посмотрела в лицо своего собеседника, – ну, не белее тебя, конечно.

– Значит, вы считаете, что кто-то из нашей свиты погубит вашу королеву? Ирену Дол, если не ошибаюсь.

– Понимаешь, сынок, тут всё не так просто. Давай я тебе объясню. Раз сам вызвался, то выслушивай теперь ненормальную старуху.

– Я не считаю вас ненормальной.

– Ты слышал про королеву-ведьму? Которую в пустошь прогнали.

– Да, меня проинструктировали перед поездкой. Это большая страница вашей истории, и потому нам сказано стараться самим не поднимать эту тему.

– Вот. Бабка моей бабки, или кем она там мне является, не помню уже, была у неё при дворе, когда та ещё окончательно не сошла с ума, и она учила её своим премудростям. Не всем, разумеется, она была очень честолубивой, но некоторые секреты раскрывала. Сейчас уж не осталось почти ничего, но иногда случается так, что я подумаю о чём-то, а потом это случается!

– Как это?

– Ну, смотри. Это бывает по-разному. Порой взгляну в небо – и кажется мне, что облака какой-то формы не такой. И вижу их так только я. Похоже оно, допустим, на корову – значит, отелится скоро у соседки, я ей это рассказываю. Они надо мной смеются, а потом сами молоко несут. «Держи, – говорят, – нашей предсказательнице. Вчера и правда родила!»

– И что вам сказали эти облака? – Морк уже пожалел, что согласился на беседу. Но прерывать разговор было бы некультурно, и потому он просто старался отсидеться, делая вид, что слушает.

– Нет, в этот раз всё сложнее было. Ко мне мать моя во сне явилась. Она умерла уже невесть когда, а вот всё помогает любимой дочери. Вещь такую странную сказала: «Когда в городе погибнет верность, придёт чужак и позовёт королеву с собой. И настанет тогда для неё последний день».

«Что, прямо так и сказали?», – думал он про себя.

– Сначала я думала, что это просто набор непонятных слов. У меня такое тоже иногда случается.

«Даже не сомневаюсь».

– Но потом я узнала, что «Верная» – это кличка собаки, и та жила как раз во дворце! Я её лично, конечно, не видела, но, думаю, наша госпожа уж больно её любит, если так назвала. Ну, думаю, началось. А вскоре ещё и вы приехали, чужаки, и всё одно к одному сложилось.

Морк задумался. Про собаку он ничего не знал, но зато ему было известно ещё одно довольно важное обстоятельство. Конечно, это было помешательством, но он решил к нему присоединиться.

– Знаете, возможно, в ваших словах есть доля разума. Потому что одной из наших целей является пригласить Ирену Дол с собой в Картрад. Мне кажется, этот факт очень точно вписывается в вашу концепцию.

– Не знаю, что такое «концепцию», но нутром чувую, что ты прав. Так значит, он уже мог её позвать?

– Не факт. По инструкции, приглашение будет на балу или сразу после него.

– Так чего расселся-то тогда? Быстро беги во дворец, этого приглашения не должно быть!

– Значит, ваше предсказание можно расстроить?

– Я не предсказательница! Я вижу много разных глупостей, и, возможно, это одна из них, но уж лучше озаботиться этим. Ирена – наша любимая королева, я ни за что её не потеряю!

Перепуганный Морк, на которого вдруг свалилась важнейшая миссия по спасению королевы, рванул к двери и направился в сторону центра города.

* * *

– Милостью Оникса и его детей, снисхождением Идей транквильских, Ирена Дол, королева могучего государства Рупид, мать своего народа и страж Ведьминой пустоши.

Она стояла, пока её объявляли. Проспер не был озадачен напыщенностью титулов, ведь в его родном Картраде их любят не меньше и используют не реже.

– Волею Короны и от имени мудрейшего царя Галактиона Второго из великого рода Рэгем, посольство из Картрада, возглавляемое мной, Проспером, дворянином из рода Дивус.

Выговаривать все слова юноше было довольно легко, потому что транквильский, хотя формально и был иностранным, на деле являлся составной частью картрадского, который совместил в себе слова как из высокого ондийского, языка Тёмных богов и Первых людей, так и лексикон местных племён. У первых поколений была необходимость взаимодействовать с Рупидом и Анспрандом, чтобы понять здешние порядки и условия жизни, для чего им приходилось изучать транквильский, а между собой они по старинке переговаривались на родном ондийском. Вскоре эта граница размылась, и миру предстал новый язык, ставший чем-то вроде универсального языка на всём материке.

– Не мучайтесь, милорд, – с холодной материнской заботой молвила Ирена, – наши слова сложны в произношении. Не портьте себе язык и мне уши, я прекрасно понимаю по-картрадски, как и весь мой двор.

– Премного благодарен, королева. Стоит признать, что речь вашего народа и правда крайне утончённая и своей нежностью ласкала мне слух, пока я направлялся к вам во дворец.

– Благодарю вас. Удалось ли вам уже увидеть что-нибудь такое, что по изяществу сравнится с дворцом Рэгемов? – своими словами она дала знать, что раньше лично бывала в Ховерстаде и могла видеть его красоты.

– Преступным будет скрыть, что красотой здесь ослепляют не только здания, – парню приглянулась девушка, сидящая рядом с королевой и прикрывающая лицо вуалью, что он нашёл довольно притягательным.

– Это правда. Верно, если останетесь здесь дольше, то уедете уже женатым.

– Надеюсь, обойдётся, спасибо. Перед отъездом я праздновал свадьбу брата, и на месте гостя мне было куда уютнее. Но, уверен, здешние красавицы достойны мужа куда лучше меня.

– Не думаю, что Галактион послал бы ко мне ненадёжного посла.

– О том, какой я посол, скажете мне вы, когда мы будем прощаться.

Ирена сдержанно улыбнулась. Ей явно импонировал этот слегка наглый, но при этом учтивый юноша.

Проспер решил поимённо представить всех его сопровождающих, чтобы, когда королева сделает зеркальный жест, узнать имя той загадочной красавицы. Наконец его задумка сработала, и он добился своего.

– Девушка, которую ты видишь рядом со мной – моя советница, Аделаида. Если у меня какие-то дела, можешь обращаться к ней по всем вопросам, она осведомлена обо всём, что известно мне.

– Жду не дождусь воспользоваться этим предложением, королева.

– Вы, верно, устали с дороги? Не хотите ли немного отдохнуть перед всеми мероприятиями?

Юноша не выглядел уставшим, но ему хотелось поскорее взглянуть на свои покои на ближайшее время, и потому он согласился.

– Только у меня есть пустяковая просьба к вам.

– И что же моему любимому послу угодно?

– Один из моих спутников, – он показал на случайного человека рядом с собой, – очень бы хотел как можно скорее узнать всё об этом зале с исторической и архитектурной точки зрения. Как только мы вошли, я слышал за спиной шепотки восхищения. Могу ли я просить вас рассказать ему об этом месте? А леди Аделаида пока довела бы меня до моей комнаты.

– Разумеется. Отведёшь?

– Как вам будет угодно, – согласилась та, стиснув зубы.

Двое отправились, а недоумевающий мужичок подошёл к королеве, чтобы выслушать то, о чем он сам узнал буквально только что. С серьёзным видом он поклонился и восхищённо принялся внимать.

– Не утруждайся, – королева закрыла глаза на несколько секунд, – я знаю, что ты ни о чём не просил, а ваш главный просто хотел познакомиться с моей подругой. Можешь идти к себе.

* * *

– Значит, вас зовут Аделаида? А в Рупиде тоже есть семейные имена?

– Да.

– И какое у вас?

– Нокс.

– Красивое. А что оно значит? У нас, например, фамилией становилось имя нашего предка из Двухсот и означало его род деятельности. Я Дивус, а это означает «богач». И это хорошее совпадение, потому что далеко не все роды переводятся как что-то красивое и соответствующее их нынешнему статусу.

– Понятно. Моё же значит то, что я из семьи Нокс.

– Вы не очень многословны, Аделаида. Возможно, это ваш любимый загадочный образ, но со мной вы можете не играть в такую холодную леди. Я не желаю вам ничего дурного.

– С тобой я должна такой быть.

– Но почему?

– Ты чужак. Из Картрада. С чего мне быть тебе гостеприимной? Твоя миссия – напомнить Рупиду о существовании вашей воинственной империи, а не докучать советнице королевы.

– Очень... однозначно.

– Мы пришли. Это ваша комната.

– Снова на вы? Для второго лица в государстве вы слишком переменчивы.

– Лично мне вы противны, но как советница я должна оказывать вам радушный приём. Поэтому привыкайте.

Они вошли в комнату. Интерьер был красиво убран, но, очевидно, прослеживалась местная мания показать всё, что есть. Из-за этого чувствовалось небольшое излишество в украшениях и их несовместимость друг с другом. На резном рабочем столе с фигурными ножками

и расписным орнаментом на столешнице стоял прямоугольный стакан для графитовых палочек. Бумага, которой обхватывали палочки, чтобы не испачкать руки, стояла и вовсе в красной подставке в форме морской раковины. Конечно, по отдельности каждый предмет здесь был произведением искусства, но в целом убранство формировало крайне жалкое зрелище безвкусицы.

– Располагайтесь. У вас в распоряжении будет кровать, тумбочка, шкаф, умывальник и рабочий стол. Если будет нужно, можем перетащить сюда кресло.

– Нет необходимости, благодарю.

– К вам будет приставлена личная служанка. Если у вас появится какой-то вопрос или необходимость в чём-то, сначала обращайтесь к ней, а она уже передаст нужному человеку. Можете, к слову, – её голос переменялся, – приставать к ней, потому что она единственная во всём королевстве, кто согласится лечь с картрадцем, и то, лишь из своих обязательств, – но вдруг, опомнившись, она снова стала радушной хозяйкой, – она будет вас ждать через стенку, в соседней комнате, стучите в любое время. Когда будет обед, мы вас позовём. Пока что можете осмотреться.

– Очень приятно.

– Как и мне. Но, к сожалению, мне уже нужно идти. До свидания.

– Уже жду нашей следующей встречи!

– Не могу сказать того же.

Чрезвычайно странный и обидный разговор подошёл к концу. Проспер прошёл по комнате, присел на кровать, сломал одну графитовую палочку, стукнул костяшкой пальца по окну. Стёкла здесь были совсем другие, те самые, которые в Картраде сохранились только в самых старых зданиях. Это было неудивительно, ведь эту технологию народ-пришелец позаимствовал именно отсюда, а теперь уже и сам стал пытаться её модернизировать.

Аделаида не утрудилась закрыть за собой дверь, и в открытую комнату вошла темноволосяя девушка, типаж которых Дивус обычно называл «простушка-дурнушка».

– Здравствуйте, господин. Вы посол?

– Да. А ты кто такая?

– Меня зовут Гиска, я ваша служанка из соседней комнаты. Невольно я услышала ваш разговор. Наверное, вы очень досадованы.

– Правильно говорить «раздосадованы». Но тебя это не касается. Принеси мне воду и полотенца, я хочу умыться.

– Сию минуту, господин.

Вскоре девушка принесла тяжёлый деревянный таз с водой. Пока парень освежался холодной водой, она задала вопрос.

– Как вам будет угодно, чтобы я вас называла?

– Ты согласишься называть меня хозяин?

– Я не могу соглашаться, я приму любое ваше слово.

– Ладно, не нужно, – он понял, что такое предложение сделал бы только самовлюблённый Адриан, – просто господин Дивус, этого достаточно.

– Хорошо, господин Дивус, как вам будет угодно, – девушка постоянно говорила таким тоном, будто прямо сейчас расплатится, и это сильно раздражало Проспера.

– Можешь идти к себе. Если что, я позову.

– Позвольте сказать вам кое-что.

– Позволяю.

– Не раздосадовайтесь...

– Нет такого слова.

– Не... не...

– Я понял, что ты имеешь в виду, продолжай.

– В общем, не злитесь из-за неё. Леди Аделаида часто бывает такой, тем более с незнакомцами, не стоит принимать её слова близко к сердцу. Она не злая, просто хочет казаться такой. Возможно, она даже не ненавидит вас, и её поведение наоборот показывает её неравную душу к вам.

– Неравнодушие?

– Да, наверное, так. Я уже ухожу.

Служанка покинула комнату и закрыла дверь. Сделала это она крайне неумело: подол её белого мешковатого платья остался внутри застрявшим между дверью и проёмом.

– Гиска! Какая же я неумеха!

Данное событие даже слегка рассмешило парня, и он улыбнулся вслед уходящей девушке.

Гиске было очень неловко от того, что у неё не получалось красиво прислуживать, как это делали её более опытные подруги. Ей хотелось вернуться и предложить господину что-то ещё, помочь разобрать вещи, принести утаённый с завтрака пирог, но понимала, что своей дотошностью и навязчивостью ещё больше его разозлит. Расстроенная, она поплелась к себе в каморку.

Через несколько часов и после обеда было объявлено о начале официальной церемонии начала посольства. Во дворце в зале приёмов собралась вся элита города.

Под драпировкой, похожей на шатёр, на фигурном троне сидела королева. Недалёко от неё расположилась Аделаида, которой всё ещё воспрещалось переодеваться в чёрное.

Напротив стояли все картрадцы. По правую руку от них были все министры и главные чиновники, чуть глубже стояли играющие ненавязчивую мелодию музыканты, по левую – городская знать и ценимые Иреной ученые, врачи и прочие бюджетозатратные господа. Сзади чужаков стояло несколько человек из армии в своих парадных костюмах и с незаточенным оружием. За ними расположилась вся дворцовая прислуга. У входа нашлось немного места для простолюдинов, пришедших поглазеть на пришельцев.

После вступлений, обоюдных заученных комплиментов и условно искренних восхищений посольство Картрада в Рупиде было официально начато. Вскоре зашла речь о заключении торговых сделок.

– Ваши земли славятся всем, что только можно вообразить. Что ещё может быть нужно Картраду?

– Наше предложение имеет не столько содержательную цель, сколько фактическую. Слишком долго наши государства не вели с вами диалога, а деньги – это лучший язык, на котором можно общаться. Что вы можете предложить?

– В этом году у нас разродилась гвоздика. Не знаю, с чем это связано, может, сама Идея Природы даровала этим нам своё доброе слово, но сейчас у нас довольно много излишков этой и других специй. Возможно, ваша знать захочет добавить их в свои блюда?

– Возможно. Одна поставка, содержащая в себе сто мешков, принесёт вам сто десять золотых монет. Вас устраивает такое предложение?

Аделаида приблизилась к уху подруги.

– Просите больше. Двести. Они этих денег не считают, а мы сможем потратить их с умом.

– Нет, Аделаида! Мы были готовы выбрасывать их в море или отдавать за бесценок. Они и так покупают у нас то, что им и не надо вовсе, нужно оставаться честными.

– Ага, и бедными.

Перешёптывания прекратились.

– Если мы сойдёмся на ста пятидесяти, то договор подпишем тут же.

– Картрад принимает ваше предложение. Ещё что-нибудь?

– Да. Многие мои купцы до сегодняшнего дня боялись ездить к вам со своими товарами. Я хотела бы договориться о разрешении для них осуществлять торговлю на вашей территории в предназначенных для этого местах.

– Я не могу разрешить им того, что никто им не запрещал. Конечно, пускай приезжают, наш народ будет рад увидеть на прилавках заграничные диковинки.

– Отлично. Какие-нибудь льготные условия?

– На них будет распространяться абсолютно то же законодательство, что и на местных торговцев, большего обещать не могу.

– Нас устраивает. Надеюсь, под вашим управлением внешней политикой наши государства расцветут как два самых красивых и лучших цветка.

Сейчас ему было неловко поправлять её, ведь формально он был лишь начальником посольства, а советником оставался престарелый Трибус. Но кому какое дело, кто сидит в неудобном кресле, если прямо сейчас именно Проспер представляет всю свою страну?

– Иначе быть не может, королева. Возможно, в знак успешности наших сделок, мне стоило бы вручить вам царское приглашение в Картрад? Вы будете удивлены, как за это время переменялся Ховерстад.

Аделаида ухмыльнулась. Она знала, что леди Дол даже на день не покинет Рупид ради прогулок по чужбине.

– Царское? – поинтересовалась монаршая особа.

– Подписано лично Галактионом. Он скучает по вам.

Аделаида начала подозрительно смотреть в сторону подруги.

– Ну, если это так, то я приеду. Можете передать ему, я приеду. Ненадолго и исключительно, чтобы проверить соблюдение договорённостей.

«Глупая Ирена, что же ты творишь?»

После высоких бесед начался торжественный приём с балом. Вельможи в красивых камзолах и дамы в роскошных платьях показывали свои танцевальные умения и шокировали публику своей элегантностью.

Большинство иностранцев стояли в стороне, потому что им не было известны эти движения, однако пара девушек из посольства пустилась в пляс.

Музыканты знали своё дело, и никто не скучал на этом приёме, ведь для нетанцующих был накрыт шикарный стол с яствами. Несчастный Трибус мучился выбором между одним блюдом и другим, хотел третье, а ароматом восхищался от четвёртого. Конечно, он съел их все. Когда у него не был забит рот, он общался с Проспером, комментировал его реплики, давал оценку заключённым соглашениям и прочее.

– Чаше... делай акценты... на то... что они женщины... что только благодаря этому они... достигли своего величия... они это любили...

– Хорошо. Они что, мужененавистницы?

– Нет... они скорее женолюбительницы...

– В каком смысле? – он уже подумал что-то неладное.

– Они не любят тех... кто не считается с женским полом...

– Как можно, – он улыбнулся одной из танцующих рупидок, – не считаться с этими прекрасными созданиями?

– Да... поэтому нужно развенчать этот стереотип о нас... что мы используем их только как прислугу... В своё время, возможно, именно я... заставил их так считать. Ко мне подошла их маленькая принцесса, чтобы поздороваться... а я по глупости решил, что это разносчица напитков, и соответственно с ней обошёлся, чем навлёк на себя гнев королевы. Хорошо, что сейчас они меня не признали, думают, что тот советник был уволен.

– Но ведь это правда. Чаше всего служанки именно девушки, даже здесь.

– Но у нас... потому что... мы сволочи... а у них... потому что девушки даже в этом превосходят мужчин...

– Понятно. Ну, хорошо, я постараюсь. Постараюсь исправить ошибки вашего прошлого, господин Зерв.

– Постарайтесь, юноша. Я очень на вас надеюсь.

Когда энергичная музыка сменилась спокойной, даже меланхоличной, Проспер решил схитрить и воспользоваться положением. Он подошёл к Аделаиде, пока та была в близости к королеве, и громко позвал её на танец. Она даже не ответила, а сразу посмотрела на Ирену. Та одобрительно кивнула, будто бы благословив эту пару и совершенно не оставив подруге никаких шансов на спокойное завершение вечера.

Они отошли к другому краю зала и стали танцевать шиким, народный рупидский танец. В нём практически не было движений, нужно было лишь держать непрерывный тактильный и зрительный контакт с партнёром и задавать вопросы или отвечать на них, переступая с ноги на ногу, слегка покачивая бёдрами и изредка раскидывая вверх руки.

– Скажи, тебе не надоело лезть ко мне?

– Нет и никогда не надоест. Как ты ко мне относишься? – в танце юноша не стеснялся использовать манерные шаблоны.

– Я тебя ненавижу, ты меня раздражаешь, и, возможно, я желаю тебе самой мучительной смерти.

– Лишь возможно? Что ж, это оставляет мне шанс.

– Теперь точно. Когда ты уже уедешь?

– Как разрешу все вопросы здесь.

– Значит, поторопись. Я уже откладываю необходимую сумму для убийц.

– Любишь или презираешь, но, оспорить ты не сможешь, я тебе неравнодушен.

– Если это и так, то только из самых антипатичных соображений.

– Это уже большой шаг. Может быть, завтра сходим куда-нибудь? Погуляем по городу, возможно, ты найдёшь место, где можно будет со мной разобраться, чтобы тело не сразу нашли.

– Я могу убить тебя прямо сейчас, и твоё тело всё равно никто не найдёт. Не искушай.

В её голосе уже слышались нотки страсти, она будто бы увлеклась этим молодым человеком, по крайней мере, так можно было судить со стороны, а Проспер уже так и считал.

– Но, если ты убьёшь меня, Картрад не простит вам убийство посла, и начнётся война.

– Не велика цена за то, чтобы ты навсегда умолк.

– Да ты интриганка.

– Убийство такого жалкого человечка – не интрига.

– Позволь доказать мне, что я далеко не человек, а самый что ни на есть человек с большой буквы.

– Тебе я позволяю лишь уйти с этого мероприятия и наконец перестать прожигать меня своим похотливым взглядом, – она дала ему пощёчину, которая перебила даже музыку. Все замерли, уставившись на скандальную парочку. Она хмыкнула, он поклонился и вышел из зала. Танцы продолжились.

Конечно, его самолюбие было уязвлено, а миссия посольства была поставлена под удар, и всё это как всегда из-за буйного вождения Проспера и его тяге к активной полигамии. Не успел Рупид отойти от прошлого оскорбления, как вновь произошёл неприятный казус, теперь из-за Дивуса. Однако в этот раз ему хватило смелости обвинять в случившемся только себя. Это он был слишком настойчив и не понимал, что он искренне неприятен девушке, а не она таким образом заигрывает с ним.

Через пару часов бал закончился. Наконец-то леди Нокс было разрешено сменить свой наряд на привычный. Она с радостью сняла бирюзовое платье, корсет которого давил на неё не так сильно, как факт того, что она его носит. Переодевшись, она взяла старое платье в охапку, пошвыряла его, потопталась, и наконец выбросила из дворцового окна.

Посол всё так же сидел на улице рядом с замком прямо на земле, направив свой взгляд в пол и думая о случившемся. Его страдания мысли пресекло шуршание веток сзади него. Показалось, будто что-то сверху упало на деревья.

В темноте он смог рассмотреть некий предмет: какая-то тряпка. Наверное, незадачливые служанки именно так избавляются от грязной ветоши. Но затем он присмотрелся и заметил знакомый цвет – как когда художник пытается изобразить солёное море, ни разу его вживую не видел.

– Аделаида? – зачем-то спросил он у её платья.

В этот миг ему стало так грустно, так больно, он начал трясти головой, будто отгоняя от себя кого-то или что-то. Он забрался на дерево и снял его с веток, а затем, спустившись, прижал его к своей груди и быстрым шагом направился назад.

У входа в опочивальню его нагнал запыхавшийся Морк.

– Проспер, стой!

– Что случилось?

– Королева в опасности! Ты ещё не звал её с нами?

– Звал, – раздражённо брякнул он, желая как можно скорее закончить разговор.

– И что она?

– Согласилась.

– О Двести! Это не должно было произойти! Кстати, ты видел женщину во всём чёрном? Она тоже может быть опасна.

– Что за бред ты несёшь? Какая ещё опасность? И нет, никто здесь в чёрном не ходит, вообще. Доброй ночи, – он хлопнул дверью, которая разделила двух собеседников.

– Гиска! Сюда! Быстро!

За стеной что-то упало, стукнулось, послышались семенящие шаги, а сразу за ними дверь распахнула всё та же девушка.

– Танцы уже закончились? Вы устали? Что вам будет нужно?

– Мне... нужна... ты...

Он посмотрел на неё страдающим взглядом. Его глаза противоречили его словам.

– Вы уверены, господин Дивус? Я же вас правильно поняла?

– Заткнись и быстро иди сюда! Без разговоров!

Девушка подошла к кровати, на которой он сидел, теребя в руках платье Аделаиды.

– Раздевайся!

Девушка скинула на пол ночнушку, стоя полностью голой перед своим господином. Его взору предстало женское обнажённое тело, ухоженное, но далеко не идеальное. Девушка обладала довольно заурядной фигурой, с широкими бёдрами и короткими ножками.

– Надень это, – он швырнул ей платье. Девушка покорилась.

Проспер встал с постели, вплотную подошёл к ней, обнял за талию и начал водить руками по её спине.

– На эту ночь, – с воздыханием шептал он ей на ухо, – ты будешь моей Аделаидой, и будешь откликаться только на это имя и исполнять любую мою прихоть, что бы я не попросил.

Поначалу сопротивляясь, теперь же Гиска уже полностью отдала себя воле своего господина, даруя ему полную власть над своим телом. Всё просто: она играет по его правилам и за это тоже получает наслаждение. В конце концов, молодой человек был объективно красив и довольно привлекателен.

Он разделся, бросил её на кровать, продолжая целовать и шептать на ухо всякие нежности и непристойности. Она хотела обнять его шею, но он схватил её руки и прижал к кровати, полностью обездвигив.

– Я мечтал об этом, как только тебя увидел.

– И теперь я вся твоя, Дивус.

– Для тебя я Проспер.

Находящийся в крайнем возбуждении парень поднял платье служанки и соединился с ней в потоке общего наслаждения. Она стонала и извивалась, когда он ускорял темп, а он в это время представлял на её месте совсем другую женщину, советницу королевы.

Кровать скрипела и ходила ходуном, Проспер проваливался в мир фантазий, называя свою партнёршу другим именем, но в ответ он слышал чужой голос, не тот, что представлял. Несколько раз он уже был на грани, но, открыв глаза, видел перед собой или на себе совсем не её, а какую-то деревенщину. И каждый раз от осознания того факта, что он занимается любовью со служанкой лишь потому, что та, кто ему нравится, ненавидит его всем сердцем, скорость его движений падала, а пик наслаждения снова спускался до бесчувственных толчков.

В конце концов ему это надоело. Надоело быть таким жалким, чтобы отдаваться такой дурнушке на безрыбье. Когда та уже была почти готова, да и он тоже, дворянин выгнал её из комнаты и приказал больше сюда никогда не приходить. Она убежала прямо в платье, а через пару минут за стеной был слышен истошный девичий плач навзрыд.

Надеясь тем самым облегчить свои страдания, своими действиями Проспер сделал всем только хуже и стал чувствовать себя ещё паршивее.

Он кричал, бездумно ходил по комнате кругами. Из его головы не выходило имя.

– Аделаида. Аделаида. Аделаида.

По итогу своих безумных изысканий он осознал, что от этой девушки в его жизни появились только негативные воспоминания, и нужно просто заткнуть свою новую привязанность, не дать ей вырасти во что-то большее, пока не поздно.

Холодным разумом он это понимал, но сердцу для осознания этого было необходимо куда больше времени.

– Аделаида...

Глава XI. Чёрный рынок

У Десимуса Паупера сегодня был важный день, и поэтому он надел свой новый костюм и привёл причёску в порядок.

Выйдя из своей комнаты в таверне, которую снимал пополам с Морком, чтобы следить за его состоянием даже ночью, он направился не на работу, а нацелился на дворец. На левой стороне зелёного камзола у него была красивая белая брошь без лишних изысков, круглой выпуклой формы с синим мерцающим огоньком по центру – подарок Капитона Сигана ему за невероятную находчивость и проявленные при обучении экстраординарные таланты.

Погода сегодня была хорошей, Оникс палил как в последний раз, а небо было безоблачным и насыщено голубым. Наверное, в окна зала Совета сквозь витраж будет падать очень красивый и живописный свет.

Пока Проспер и Морк находились в посольстве, Адриан загорелся новой бесполезной идеей – написать портреты всех членов его Круга. Вряд ли принца можно было назвать сентиментальным, да и плохой памятью он не отличался, чтобы забывать, как выглядят его люди. Возможно, это была претензия на фундаментальность их действий, на то, что потомки будут гордиться их деяниями и вешать копии их портретов в своих домах. Принц и Лукреций уже прошли данную процедуру, и вот настала очередь третьего юноши. Вик Гвард пока что мялся и отказывался позировать, ссылаясь на то, что якобы пока он принимает позы, кто-то может напасть на наследника.

– Дес, знакомься, это Макист, один из талантливейших художников Ховерстада. Однажды он писал моего отца, я с ним разговаривался, и оказалось, что мы встречались в детстве, когда были ещё совсем детьми! Представляешь?

– Приветствую.

– Он, конечно, утверждает, что именно я убедил его заняться искусством, но, уверен, он стал бы таким дарованием и без моего толчка.

– Вы мне льстите.

Макист подобрал необходимое место, где ониковые лучи будут падать на модель так, как ему нужно, и почти сразу начал свою работу.

Кто был знаком с его творчеством, знали, что почерк молодого человека уже набился, и такие работы было легко выделить из остальных. Люди на его картинах всегда стояли чуть боком, поворачивая в сторону зрителя голову, будто бы у них были важные дела, и они уделили пару минут своим созерцателям, пока шли по своим картинным делам. Обычно Макист не отличался вниманием к деталям фона, он был сторонником мысли, что это отвлекает от главного на картине – человека, поэтому за Десимусом была лишь чёрно-изумрудная пустота.

В природе он никогда не находил красоты в весне и осени, особенно во второй. Юноша не понимал, почему многие боготворят это пору, называя её золотой, яркой, горячей. Для него осень всегда была символом утраты, загнивания, предсмертной агонии, и потому до самой его смерти он не напишет ни одного подобного пейзажа.

Десимус на картине стоял в своей любимой позе – руки на груди. Если задуматься, то в этом можно найти глубокий смысл. Да, это закрытая поза, она показывает героя как нелюбимого персонажа, запертого в себе со своими мыслями. Но в этот раз Макист нашёл в этом символ того, что скрещенные на груди руки – это отказ от физического труда, ставка на гибкий ум и высокий интеллект изображаемого человека. Как всегда, меткий художник снова попал в цель и раскрыл персонажа так, как это требовалось.

– Я сделал все необходимые наброски и собрал в палитру нужные цвета. Если вы куда-то спешите, то можете идти, продолжим сеанс завтра. Одежду эту оставлять?

– Да. И, главное, брошь. Это памятный подарок.

– Тебе эта цацка, – вмешался Адриан, – как будто не брошь, а самый настоящий орден.

Вот ты с ним носишься.

– А оно так и есть. Мистер Сиган наградил меня ею сами знаете после чего.

Макист закатил глаза. Его всегда смешило, когда люди боялись обсуждать при нём что-то, будто бы у него есть дело до их секретов, и он тут же побежит рассказывать их всему свету. Он человек искусства, и эти мирские дрязги его особо не волновали. Правда, он не думал, что двое в разговоре имели в виду воскрешение казнённого каторжника путём вливания в него жидкости с планеты Тёмных богов. Знай он это, возможно, он даже повёл бы бровью.

– Сегодня в Отделе была ревизия. Наверное, мне нужно будет сегодня там появиться.

– Ну конечно, ты же у нас теперь заместитель начальника Отдела.

– Так меня только ты и называешь. Я просто помогаю мистеру Сигану в его работе.

– Теперь это так называется?

– Да что ты несёшь?

– Я? Ничего.

Макист абсолютно не имел никакого желания встревать и хоть как-то соприкоснуться с чужими дрязгами, ведь творца это не касается. Поругаются и перестанут, это преходящее, и его не нужно отражать на портрете.

Десимус уже начал собираться. Он был немного раздосадован тем, что в последнее время Адриана будто бы подменили. Нет, он и раньше был бестактным грубияном и занозой, но теперь он стал запалаться, когда разговор заходил о работе его друга в Отделе. Паупер не мог понять, что так раззадоривает принца на колкости, и расценивал это как агрессию в свою сторону.

Адриану же было просто очень обидно, что теперь, когда его приятель показал себя как первоклассный знаток чудесных предметов, он стал больше времени проводить на работе, чем с ним, выстраивая разные воображаемые схемы и придумывая варианты угроз для Короны, и променял это на сборку энергетических кинжалов и пустую болтовню с Капитоном.

С другой стороны, чем тот был ему обязан? Единожды провёл экскурсию и всё, теперь братья до конца дней? Десимус всю свою сознательную жизнь потратил на исследования, а Адриан в его жизни появился всего пару месяцев назад. Тем более, объединили их не общие интересы, а стечение обстоятельств. С такой точки зрения Адриану даже стало легче, если его переживания надуманы, но потом к этому чувству добавилось ещё и понимание того, что по такой кальке из друзей можно убрать всех своих близких, а значит она неверна.

Десимус ушёл, оставив Адриана в размышлениях о том, основательны ли его требования к общению. Макист ещё немного поводит кистями по холсту, затем положил их и подошёл к принцу.

– Что у вас с ним?

– Не знаю. Наверное, я плохой друг. Я хочу от людей того, чего сам в ответ дать не могу. Меня раздражает, что он стал лизоблюдом нашего советника в урон времени со мной.

– Извините, я пропустил в вашей истории момент, когда он стал обязан посвящать вам каждую минуту своей жизни.

Адриану не понравилась эта дерзость, но она сошла Макисту с рук из-за того, что эти слова были очень правильными.

– Обычно за такие слова в адрес Рэгемов положена как минимум порка, но тебе я скажу спасибо. Работай, а я пойду. Тоже себе какое-нибудь важное дело найду.

– Сходите искупаться на реку. Расслабляет.

Художник остался наедине со своей работой. Конечно, без жужжания над ухом работать стало легче, но зато и собственные мысли стали громче наседать в голове.

– Посредственность! Посредственность! – кричал он на себя, обвиняя, – все эти портреты – одна и та же работа с разными людьми! Индивидуальности нет! Вот какой у него темперамент? А глаза? Почему в них нет жизни? Это что за натюрморт? Всё не то, всё не то...

Он поник и рассыпался по полу. Никакая идея ему не нравилась, всё казалось уже виденным, неоригинальным. Конечно, простому обывателю любая из его работ показалась бы самым изысканным произведением искусства, но его собственное восприятие лежало за гранью нашего обычного понимания, его чувство прекрасного превышало все мыслимые границы, и это причиняло ему невероятную боль. Спустя время это пройдёт, он поймёт, что только он сам обладает такой впечатлительностью, а простым смертным хватит и того, что он уже умеет. Но каждый раз этот путь проходится очень трудно и тоскливо.

* * *

– Хорошо, что ты пришёл, Паупер. Все сверки как раз подошли к концу.

– Ну как, всё как всегда отлично?

– Нет, и именно поэтому я тебя позвал. У нас не хватает вещей. Много вещей. Конечно, ревизию мы давно не проводили, это очень затруднительно, но за последние четыре года из Отдела вынесли порядка одиннадцати чудесных предметов.

– Какой кошмар! Хорошо, что это хотя бы раскрылось сейчас, а не спустя десятилетие. Что теперь мы должны делать?

– У нас есть неделя, чтобы найти вора и любой ценой вернуть все вещи. Если за это время мы не сможем найти виновного, то под суд пойду я.

– А почему вы считаете, что вора? За это время их могло быть много.

– Именно поэтому я и рад, что ты сам пришёл сюда, – он подержал небольшую паузу, готовясь, – я знаю, что это ты.

Десимуса ошарашило. Слова его начальника повергли его в шок. Он думал, что будет помогать Капитону в поисках, чтобы того не казнили через неделю, но не таким же способом!

– Что? П-почему? Почему вы так решили?

– Не играйся, Паупер. Я знаю это наверняка. Ты был хорош, но однажды тебя видели мои люди. Полгода назад они заметили, как ты успешно включил электрический кинжал, но затем записал его в брак, и потом оттуда его стащил. После этого я установил за тобой наблюдение. В течение последующих двух месяцев ты провернул данную схему ещё около трёх раз. Последний инцидент – три месяца назад. Что, решил взять передышку или придумал что-то менее очевидное?

Парень будто язык проглотил, ведь его обвинял человек, которого он считал своим покровителем, своим наставником.

– Как вы можете такое говорить? Я верен нашему делу, нашему Отделу, и я никогда бы так не поступил!

– Твоё ничем не подкреплённое слово против показаний моих свидетелей? Ларат и Ремат, по-твоему, станут врать?

– Да эти гнилые сволочи не только врать станут, лишь бы меня отсюда выжить, да поскандалнее.

– Не пытайся выкручиваться, ты выглядишь жалким. Будь уже наконец мужчиной и признайся в своих преступлениях.

– Да каких преступлений?! Вы не в себе! Вы же знаете, как я вас уважаю, я ни за что бы не стал красть у вас!

– Ничего ты меня не уважаешь. Я всю свою жизнь посвятил этому месту, и не позволю какому-то лживому мальчишке отравлять всё, что я сделал. Охрана! Уведите этого вора отсюда и запирайте где-нибудь.

Двое человек, стоявших всё это время за Капитоном схватили под руки онемевшего юношу, у которого в один миг разрушилась вся жизнь. От осознания безысходности он даже не сопротивлялся, когда его вели в темницу как главного подозреваемого. Конечно, ещё должен был состояться суд, но фактически судьба его уже была предрешена.

– Позовите... Адриана... прошу...

Через полтора часа в комнату забежал взволнованный принц и бросился к клетке, крепко обхватив прутья руками.

– Что случилось? Почему ты тут? Как мне сообщили, я тут же побежал к тебе. Как это вышло?

– Адриан... мне нужна твоя помощь. Очень. Это вопрос жизни и смерти.

– Что такое? Конечно, я помогу.

– Меня подставили. Двое из отдела. Они сказали мистеру Сигану, будто я крал чудесные предметы из Отдела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.